

ТАЙНЫ

Век XX

ОТРЕЧЕНИЕ
НИКОЛАЯ II

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II

Воспоминания очевидцев,
документы

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 947
ББК 63.3(2)
О-86

Составитель
В. ТРЕТЬЯКОВА

Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, О-86 документы / Вступ. ст. Л. Китаева, М. Кольцова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 336 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-02107-5

В сборнике дается полный подбор документов и свидетельских показаний, повествующих о том, как и в какой обстановке произошло отречение последнего русского царя. Впервые книга была издана в 1927 г. под редакцией П. Е. Щеголева со вступительными статьями Л. Китаева и М. Е. Кольцова. Книга дополнена новыми материалами.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-02107-5

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

СВИДЕТЕЛИ ОТРЕЧЕНИЯ

Вместо предисловия

Задача предлагаемого читателю сборника — дать подбор воспоминаний и документов, связанных с одним из наиболее ярких эпизодов начала великой русской революции, — с отречением Николая II.

Сборник дает почти исчерпывающий подбор свидетельских показаний, повествующих о том, как и в какой обстановке произошло отречение последнего русского царя. Впервые становятся доступными советскому читателю воспоминания ближайших к царю лиц — генерала Дубенского и полковника Мордвинова. Впервые также публикуется в Советской России рассказ генерала Рузского, записанный с его слов генералом Вильчковским. В прессе первых дней февральской революции разысканы запись беседы с Рузским и статья В. В. Шульгина, дающая сухой, но содержательный очерк событий. За пределами сборника остался более поздний рассказ Шульгина, данный им в его книге «Дни». Рассказ этот, сам по себе, крайне характерен, и его непременно надо прочесть всем желающим уяснить ту обстановку, в какой произошло отречение Николая II. У нас он перепечатывался, если не ошибаемся, уже два раза. Мы привлекли в наш сборник и другого непосредственного свидетеля отречения — А. И. Гучкова, взяв отрывок из его показаний перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства. Нами также использован фрагмент появившихся в белой прессе воспоминаний генерала Саввича, а также отрывки из мемуаров генерала Лукомского и известной нью-йоркской брошюры проф. Ю. В. Ломоносова. Кроме того, мы привели любопытнейшие отрывки из дневника Николая II, опубликованные впервые покойным проф. Сторожевым в сборнике «Научные известия». Таков остов сборника. Попытаемся теперь вкратце охарактеризовать историческую значимость и ценность воспроизведенных документов и мемуаров.

История отречения Николая II интересна не только

потому, что отречение это формально положило конец громадному периоду русской истории и поставило крест над целой эпохой исторического развития русского народа. Интересна и социологически поучительна та бытовая обстановка, какую мы находим у последнего царя и его приближенных. Этот эпилог Романовской династии в своих житейских мелочах, в своих подробностях как нельзя лучше подытоживает эволюцию династии, эволюцию многовековой политической надстройки, разгромленной, окончательно и навеки, революционной грозой 1917—1920 гг. Поэтому-то и интересно все, касающееся отречения, вплоть до мелких подробностей самого его ритуала. Но не надо забывать, что отречение само по себе есть развязка и исход конфликта и что сама тема отречения может быть поставлена и понята в более широком масштабе. Ведь как-никак февральские дни 1917 года были днями «последнего и решительного боя» между революцией и старым порядком. И в этом последнем дебюте сил старого порядка едва ли не самое центральное место должно принадлежать самому Николаю II. И разве не интересно установить, как прозвучало последнее слово русского ancien régime, какое политическое завещание успел он составить перед лицом надвинувшейся на него катастрофы. Поэтому-то и важно проследить историю последних дней царствования Николая II, поэтому-то и важно определить, что делал царь в обществе самых близких своих приближенных, каковы были его поступки и его настроения, как осмысливал он происходившие вокруг него события. Таким образом, история царской Ставки и царского поезда в конце февраля 1917 года непосредственно переходит в историю отречения Николая II.

Все мемуары, все свидетельские показания, связанные с этим эпизодом русской революции, исходят, конечно, из контрреволюционного лагеря. Да иначе оно и не может быть. Свидетелями событий могли быть только приближенные царя, да кроме них еще, пожалуй, высшие чины царской Ставки. Вряд ли нужно объяснять, что это за публика. Авторы наших мемуаров — это целая галерея «верноподданных» его величества. Правда, эту «верноподданность» следует понимать несколько условно. В феврале 17 года, когда думская буржуазия, вкупе с высшим командованием, рассчитывала отделаться от революции, возведя на престол Михаила Романова, вся эта приближенная публика обнаружила весьма мало готовности пострадать за «обожаемого монарха». Зато потом, в эмиграции, в чадуге легитимистских настроений, произошла «переоценка цен-

ностей», не могшая не отразиться на стиле и содержании тех исторических показаний, которые угодно было дать в назидание потомству эмигрировавшим свидетелям отречения.

Так, в первую голову, обстоит дело с генералом Дубенским. Этот бравый генерал выполнял в Ставке паразитарную функцию царского «историографа». Спец по коннозаводству, издатель черносотенных брошюр и газет, он был прикомандирован, еще в октябре 1914 года, для «высочайшего сопровождения», то есть для описания царских поездок по фронту. На этой должности его и застали февральские дни 1917 года. Любопытно сравнить его воспоминания, писанные в эмиграции, с показаниями, данными им в августе 1917 года Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Эти показания существенно разнятся по тону, по целому ряду любопытных деталей от ретушированных и подправленных мемуаров. В руки комиссии попал дневник Дубенского, и цитаты из дневника, вкрапленные в текст показаний, существенно расходятся с самим стилем мемуаров, поданных читателю в виде таких же подневных записей. Любопытно отметить, что в августе 1917 года Дубенский пытался изобразить себя «патриотом», чуть ли не в духе прогрессивного блока. Так, например, взаимоотношения царя и царицы он в показаниях характеризует следующим образом: «Государь был в полном подчинении. Достаточно было их видеть четверть часа, чтобы сказать, что самодержцем была она, а не он. Он на нее смотрел, как мальчик на гувернантку, это бросалось в глаза. Когда они выезжали и она садится в автомобиль, он только и смотрит на Александру Федоровну. По-моему, он просто был влюблен до сих пор, какое-то особенное чувство было у него»¹. В дневнике своем, еще в январе месяце, он записал: «Слабое, плохо организованное правительство наше во главе с государем, с Протопоповым, жалким стариком кн. Голицыным начинает бороться, но ничего не выйдет, ибо очень плохи сторонники правительства; а между тем должно уступать требованиям взволнованного общества... едва ли можно сохранить самодержавие. Слишком появилась глубокая рознь русских интересов с интересами А. Ф.»². Касательно самой Александры Федоровны, Дубенский, не колеблясь, показал, что она страдала психозом, и сослался при этом на мнение Марии Федоровны, матери Николая II, определенно считавшей, что царица

¹ Падение царского режима. Ленгиз, 1925. Т. 4. С. 383

² Там же. С. 384.

сошла с ума. Такой же точки зрения Дубенский придерживался и в отношении Протопопова. Жизнь Ставки он называл «тихой и бесталанной». Был, естественно, поставлен Дубенскому вопрос о царе, об отношении к надвигающейся революции. В своем ответе он подчеркнул абсолютную пассивность царя и царского окружения. «Чем вы объясните эту пассивность?» — спросили тогда у Дубенского. Ответ последнего настолько характерен, что мы должны привести его *in extenso*: «Никак не могу объяснить его отношения. Это такой фаталист, что я не могу себе представить. Он всегда ровно, как будто равнодушно, относился, сегодня, как вчера. Вот маленькая подробность: когда случилось отречение, я был совершенно расстроен, я стоял у окна и просто не мог удержаться от того, чтобы, простите, не заплакать. Все-таки я старый человек. Мимо моего окна идет государь с Лейхтенбергским, посмотрел на меня весело, кивнул и отдал честь. Это было через полчаса после того, как он послал телеграмму с отречением от престола, в ожидании Шульгина». Между прочим, сравнивая текст показаний с соответствующим местом воспоминаний, начинаем легко уяснять принятый Дубенским для своих мемуаров метод ретуширования и подкрашивания событий. Тот же эпизод звучит в мемуарах совершенно иначе: «Проходя мимо моего вагона, государь взглянул на меня и приветливо кивнул головой. Лицо у его величества было бледное, спокойное». Равнодушие, отупляющую пассивность царя Дубенский толкует сейчас чуть ли не как акт какого-то стоицизма. В 1917 г. он был на этот счет несколько иного мнения: «Я говорил, что он отказался от Российского престола просто, как сдал эскадрон. Вот такое у меня было оскорбленное чувство, но когда я его провожал, когда он от матери шел в вагон, тут нельзя было быть спокойным. Все-таки я поражался, какая у него выдержка. У него одервенело лицо, он всем кланялся, он протянул мне руку, и я эту руку поцеловал»¹.

Так обстоит дело с Дубенским. Наигранный пафос его мемуаров есть несомненный плод эмигрантского похмелья. Но и в таком виде они интересны — в своей протокольности, как известная сводка событий. В настоящем сборнике мемуары эти, с некоторыми сокращениями, становятся впервые доступными советскому читателю.

За Дубенским следует флигель-адъютант, полковник Мордвинов.

При поверхностном сравнении они оба кажутся людь-

¹ Падение царского режима. Ленгиз, 1925. Т. 4. С. 393.

ми одной и той же касты, одной и той же социальной психологии. На самом деле это не совсем верно. Дубенский был в сущности очень далек от сферы двора, от интимного круга лиц, окружавших романовскую семью. Мордвинов, в силу происхождения, своего воспитания, всего порядка прохождения своей служебной карьеры, был непосредственно связан если не с царем, то с великим князем Михаилом Александровичем и с целым рядом видных придворных. Казалось бы, при всех этих данных Мордвинов мог бы глубже проникнуть в психологию царя, мог бы лучше разгадать, что скрывала за собой одеревенелая маска самодержца. Но и он пасует перед зрелищем давящего фатализма и обреченной пассивности. В силу своего служебного положения Мордвинов видел царя гораздо ближе и чаще, чем Дубенский, но впечатления его от этого не становятся ярче. Царя опутывает атмосфера бесконечной будничности, бесконечной обывательщины. Во все эти бесконечно трагические революционные дни свита проделывает все тот же монотонно-однообразный ритуал своего служебного дня. Вот наступило 1 марта, «новый тяжелый день» — по выражению Мордвинова. «Короткое время, которое мы обыкновенно проводили с его величеством, ничем не отличалось в разговорах от обыденных нетревожных дней. Нелегко, конечно, было и нам и ему говорить о ничтожных вещах», — замечает Мордвинов. Но утверждение его никак нельзя принять всерьез, по крайней мере в части, касающейся Николая. Свита-то, наверно, волновалась и мучилась в томительном предчувствии конца. Ну а царь? 2 марта, уже приняв решение об отречении, он входит в столовую для дневного чаепития. «Я сейчас же почувствовал, что и этот час нашего обычного общения с государем пройдет точно так же, как и подобные часы минувших «обыкновенных» дней... Шел самый незначительный разговор, прерывавшийся на этот раз только более продолжительными паузами... Государь сидел, спокойный, ровный, поддерживал разговор». А ведь Николай был в кругу самых близких, самых преданных ему людей. И тут он не нашел ни одного слова, ни одного намека, ни одного жеста. С какой радостью поведал бы нам Мордвинов какую-нибудь фразу, обращенную к «потомству». Увы! Ему остается вспоминать особенное «сосредоточенное» выражение глаз и нервное движение, с каким царь доставал папиросу. Согласитесь, что «нервное» обращение с папиросой нельзя не считать крайне скудной реакцией на переживавшиеся тогда события.

Впрочем, 3 марта Мордвинову удалось-таки поговорить

с царем. Мы помним, как весело Николай кивнул плакавшему Дубенскому. При отъезде из Ставки царь обратился к адмиралу Нилову со словами: «Как жаль, Константин Дмитриевич, что вас не пускают в Царское со мною». С не меньшей находчивостью приветствовал он Мордвинова. «А и вы, Мордвинов, вышли подышать свежим воздухом». Мордвинов пытался начать разговор об отречении, о дальнейших планах царя. Выяснилось, что Николай собирается жить «совершенно частным лицом», уехать в Крым и в Костромскую губернию, не покидать во всяком случае Россию. На этом разговор прервался. Наконец, в последний раз Мордвинов видел царя в день его отъезда из Ставки. Николай II был один в своем кабинете и неторопливо, спокойно собирал с письменного стола разные вещи для укладки. Мордвинов пришел к царю за советом: оставаться ли ему в Ставке или ехать в Царское Село. Английский военный атташе рекомендовал ему остаться, и, когда Николай узнал об этом совете, он, в свою очередь, заявил: «Конечно, оставайтесь, Мордвинов». Мордвинов подчеркивает, что это сказано было без колебаний.

Таков облик Николая II по воспоминаниям Мордвинова. И у Мордвинова, конечно, очень много лирики, много искусственного, деланного пафоса. И все же он не в силах скрыть убожество, скудость и серую повседневность тех бытовых рамок, в которых протекли последние дни царского режима. У Мордвинова особенно хорошо показано, как гибнущий класс в минуты кризиса теряет всякое чувство реальности, как он погружается в мир иллюзий и тонет в хаосе всевозможных призраков. Чего стоят его юридические размышления по поводу «опекунства», по поводу «правомерности» самого акта отречения. В последний момент утратив опору в армии и опору в стране, монархисты пытаются опереться на текст «основных законов». А вот, например, Мордвинов узнает о намерении отречься царя проститься с войсками. Он радуется в «тайниках своей души». Он надеется на то, что «появление государя среди войск или даже слова его прощального приказа могут произвести такое сильное впечатление на хорошую солдатскую и офицерскую массу, что она сумеет убедить своего вождя и царя отказаться от рокового для всей страны решения». Таким образом, Мордвинов мог самым серьезным образом предполагать, что трагическая сцена разлуки Наполеона со старой гвардией повторится при прощании Николая с той самой армией, которая в течение трех почти лет терпела неслыханные поражения во имя борьбы за глубоко ей чуждые, глубоко антинародные

интересы. Но люди типа Мордвинова ошибались не только в армии. Почему-то их всех обуяла в эти дни тяга в родовые поместья. Мы видели, что сам Николай хотел улетнуть

В деревню, к тетке,
В глушь, в Саратов...

вернее, в Костромскую губернию. «Лицом к деревне» также собирался повернуться и злосчастный дворцовый комендант Воейков. Почему-то он рассчитывал на полную безопасность именно в своем пензенском имении. Точно так же и Мордвинова потянуло в буколическую обстановку дворянской усадьбы. У него было чисто случайное препятствие к осуществлению этого желания — недавний пожар его деревенского дома. Неужели же у этих последней российской дворянства не хватало примитивного чутья для того, чтобы предугадать ту обстановку непримиримой классовой борьбы, которая должна была сложиться в деревне на следующий же день после революционного переворота? А казалось, именно в этой среде должен был быть, наконец, богатый исторический опыт, восходивший от недавно пережитого 1905 года к далеким дням Пугачевщины.

Мемуары Мордвинова отличаются необычайной обнаженностью классовой психологии. С каким великолепным, чисто шляхетским презрением описывает он депутатов Думы, явившихся конвоировать царский поезд. «Фигуры их, не то зажиточных мастеровых, не то захудалых провинциальных чиновников вызывали во мне, обыкновенно никогда не обращавшем никакого внимания на внешность, какое-то гадливое отвращение». Эту запоздалую волну отвращения к разночинцам, к парвеню, Мордвинов переживал, очевидно, с почти физической напряженностью.

Рассказ генерала Рузского воспроизводится у нас в двух версиях, в двух вариантах, и читатель имеет возможность воочию убедиться в том перевороте, какой победоносная революция совершила в уме и в психике генерала Рузского. Первый рассказ — это репортерская запись, относящаяся еще к тем дням, когда сам Рузский, должно быть, не вынимал из петлицы красной розетки. Совершенно искренно чувствуя себя «героем революции», Рузский категорически заверил репортера: «Я убедил его отречься от престола». Другой вариант — это запись 1918 года, имеющая целью доказать как раз противное, а именно: что Рузский не оказал никакого давления на царя и вообще во всех событиях играл подчиненную, второстепенную роль. Отме-

тим один характерный штрих. Первую беседу с царем Рузский имел в ночь с 1 на 2 марта. Согласно первому, репортерскому, варианту, «царь, пригласив к себе Рузского, прямо заявил ему: «Я решил пойти на уступки и дать им ответственное министерство». «Я знал,— продолжает Рузский,— что этот компромисс запоздал и цели не достигнет, но высказывать свое мнение, не имея решительно никаких директив от Исполнительного комитета, не решался». Запомним это; у Рузского составилось мнение о невозможности компромисса, мнение, которое он, правда, не решился высказать. По второму варианту царь в ночь с 1 на 2 марта отнюдь еще не решился на ответственное министерство. Наоборот, Рузскому приходилось еще его убеждать. Он стал с жаром доказывать государю необходимость образования ответственного перед страной министерства. Конечно, тут нет и намека на то, что Рузский мог в этом ночном разговоре считать ответственный кабинет запоздалым компромиссом. Таким образом, весь одинум возлагается всецело на Родзянко. Рузский, дескать, высказал «твердое желание избежать отречения», но Родзянко поставил его в такое положение, что он не мог скольконибудь активно защищать свою точку зрения. Решающий разговор Рузского с царем имел место днем 2 марта. При этом разговоре присутствовали генералы Данилов и Саввич. «Они должны были,— гласит репортерская запись,— поддержать меня в моем настойчивом совете царю, ради блага России и победы над врагом, отречься от престола». Таким образом, выходит, что Рузский не только сам убеждал царя отречься, но и привел еще с той же целью Данилова и Саввича. Конечно, второй вариант рисует совершенно иную картину. Царю пришло решение помимо всяких советов, всяких убеждений. Наоборот, до самого приезда депутатов Рузский не терял надежды на то, что отречения можно избежать. Мы имеем, однако, свидетельские показания генерала Саввича, решительно опровергающие версию второго варианта. Нет сомнения в том, что Рузский действовал в полном контакте с думскими верхами и настаивал на необходимости немедленного отречения. По рассказу Саввича, Рузский «обрисовал обстановку, сказав, что для спасения России, династии сейчас выход один: отречение его от престола в пользу наследника». И Саввич, и Данилов поддерживали Рузского, и именно этим дружным коллективным выступлением определилось окончательное решение царя.

Оставаясь в рамках первого отдела нашего сборника, отметим рассказы Шульгина, Гучкова, Лукомского. Шуль-

гин в статье, в газете «Речь», и Гучков в показаниях, данных Чрезвычайной следственной комиссии, дают сухой, протокольный очерк событий. Такой же сжатый очерк находим у Лукомского. Генерал Лукомский, впоследствии один из организаторов нашей южной контрреволюции, отмечает роль, сыгранную в подготовке отречения телеграммами командующих фронтами. Нам думается, что он довольно правильно отметил тот психологический эффект, какой произвела на «самодержца всея Руси» эта внезапная фронда высшего военного командования. Наконец, отрывок из воспоминаний проф. Ю. В. Ломоносова рассказывает о судьбе самого документа, то есть акта отречения. В то время, как Рузский настаивал на отречении во имя спасения династии, рабочие железнодорожных мастерских собирались уничтожить акт, потому что им было мало отречения царя. Сам документ был перехвачен на вокзале у Гучкова и доставлен в Министерство путей сообщения.

Что касается второго отдела сборника, то главную его часть составляют телеграммы и разговоры по прямому проводу, то есть документальный материал, напечатанный в виде приложения к «Воспоминаниям» генерала Лукомского, в III томе заграничного «Архива русской революции». Часть этих документов воспроизведена также в III книге черносотенного журнала «Русская летопись». «Приводимые Лукомским телеграммы и переговоры по проводам заслуживают доверия, — пишет во второй книге своего «Семнадцатого года» А. Г. Шляпников, — мы попытались проверить их по имеющимся архивным материалам, но среди документов Ставки ни подлинников, ни копий не оказалось. Выяснилось, что многие материалы за время от 20—25 февраля и по 5—10 марта 1917 года во всех штабах и армейских управлениях из дел умышленно взяты еще во времена господства генералов. Однако по номерам, которыми помечены телеграммы Ставки, а также по косвенным данным можно определить их достоверность. Приводимые генералом Лукомским телеграммы своими номерами и фактическим содержанием вполне соответствуют действительности того времени»¹. Мы полностью воспроизводим документацию Лукомского, отрывки которой были перепечатаны в виде приложения к цитированной выше книге Шляпникова. Кроме этого, мы приводим самый текст манифеста, черновой проект, набросанный рукой Шульгина, и протокол отречения, ведшийся генералом Нарышкиным. Нарышкинский протокол извлечен

¹ Шляпников А. Г. Семнадцатый год. Гиз, 1925. Т. 1, С. 4.

нами из статьи покойного проф. Сторожева «Февральская революция 1917 года», напечатанной в сборнике «Научные известия» за 1922 год. О том, что Нарышкин вел протокол отречения или, точнее, беседы царя с думскими представителями Шульгиным и Гучковым, свидетельствуют различно почти все наши источники. Так, Гучков говорит: «Генерал Нарышкин вынул записную книжку и стал записывать так, что, по-видимому, там имеется точный протокол». Мордвинов прямо указывает на то, что Нарышкину, как начальнику военнопоходной канцелярии, было поручено «присутствовать при приеме и записывать все происходящее».

Во всей эпопее отречения, несмотря на обилие свидетельских показаний, рисующих чисто прагматическую последовательность событий, остается неосвещенным, не разъясненным до конца один пункт. Это психология главного действующего лица — отрекающегося императора. Разбирая воспоминания Дубенского и Мордвинова, мы постарались выделить из них элементы личной характеристики Николая II. И Дубенский и Мордвинов остановились в недоумении перед тем пассивным фатализмом, перед тем безразличием, с каким Николай относился к людям и событиям этих последних дней своего царствования. Нужно признать, что такое отношение установилось у него не сразу. Посылая генерала Иванова, царь, конечно, думал об активном, вооруженном подавлении начавшегося в Петрограде восстания. Старик Иванов бесстыдно лгал допрашивавшим его членам Чрезвычайной следственной комиссии, когда утверждал, что его назначение в Петроград должно было исключительно содействовать осуществлению ответственного министерства. «27 февраля, — показывал Иванов, — я пришел к обеду у государя около 8 часов. Генерал Алексеев вышел с доклада от государя и передал мне, что я назначаюсь в Петроград. Я несколько удивился, потому что я желал остаться в армии»¹. На самом деле, для удивления не было никакого места, потому что еще в 6 часов вечера Иванов имел беседу с Дубенским и Федоровым. Иванов, по свидетельству Дубенского, не поколебался ни одной минуты взять на себя задачу «умиротворения столицы». Так была подготовлена кандидатура Иванова в диктаторы. За столом во время обеда царь сел рядом с Ивановым, и они весь обед тихо разговаривали между собой. Мысль о даровании ответственного министерства тесно переплеталась вечером 27 февраля с проектом отправки

¹ Падение царского режима. Т. 5. С. 313.

карательной экспедиции. В результате царь распорядился дать председателю Совета Министров телеграмму о беспрекословном подчинении всех министров распоряжениям Иванова. Решено было также, что Иванов озаботится снабжением Петрограда продовольствием и углем. Кроме того, в распоряжение Иванова предоставлялись четыре пехотных и четыре кавалерийских полка, Георгиевский батальон и пулеметная команда Кольта. Эти пулеметы были едва ли не самым ярким символом диктаторских полномочий Иванова. Даже «либеральный» Алексеев вечером 27 февраля считал, что остается лишь одно: «собрать порядочный отряд где-нибудь, примерно около Царского, и наступать на бушующий Петроград». Таковы же были настроения царя. Разговоры об ответственном министерстве днем 27 февраля среди чинов царской свиты были преждевременны. Царь просто не хотел связывать себя определенным решением, определенными обязательствами. С утра 27 февраля на него оказывалось определенное давление из Петрограда и из Ставки, тем не менее, когда Алексеев попробовал уговорить Николая согласиться на просьбу премьера Голицына об увольнении состава Совета Министров, Николай просто не захотел с ним говорить. Князю Голицыну была послана телеграмма, в которой царь указывал, что при создавшейся обстановке он не допускает возможности производить какие-либо перемены в составе Совета Министров, и требовал принятия самых решительных мер для подавления революционного движения и бунта среди некоторых войсковых частей Петроградского гарнизона. 1) Отправляя Иванова с пулеметной командой, царь отнюдь не связывал себя обещаниями реформ. Иванов вечером 27 говорил Дубенскому, что в Петроград посылается телеграмма об ответственном министерстве, но на самом деле никакой телеграммы послано не было. Во время ночного своего собеседования царь как будто склонился к тому, чтобы «даровать» ответственное министерство, но никаких конкретных шагов к этому не предпринимал. На прощание Иванов сказал: «Ваше величество, позвольте напомнить относительно реформ». Царь ответил ему: «Да, да, мне об этом только что напоминал генерал Алексеев». 2) Вот и все.

В течение всего дня 27 февраля царь проводит довольно последовательно политику репрессий, политику подавления революции. 28 февраля и большая часть дня 1 марта уходят на путешествие. В течение всего этого времени положение непрерывно осложняется. Механизм власти расстроен, армия выходит из повиновения. 28-го, в поезде,

царь соглашается назначить главой кабинета Родзянко, сохранив при этом за собой замещение постов министров, военно-морского, иностранных дел и двора и не делая кабинет формально ответственным перед палатами. Только во Пскове, вечером 1 марта, царь соглашается на ответственное министерство и после беседы с Рузским с 5 час. 15 мин. утра 2 марта разрешает Алексееву обнародовать со-ответственный манифест. Таким образом, понадобилось три дня, чтобы освоить Николая с мыслью об ответственном кабинете. Нам кажется, что ту видимую легкость, с какой Николай пошел на отречение, можно отчасти объяснить тем, что для него «ответственное министерство» означало фактически конец его правления, конец самодержавия. Власть, ограниченная парламентской ответственностью министров, не имела в его глазах никакой ценности. С этой точки зрения была известная последовательность в том, чтобы три дня противиться введению парламентаризма и затем в несколько часов отказаться от власти, превращенной в простой символ, простой декорум. Для Николая, этого эпигона русского абсолютизма, было органически невозможно перелицеваться в конституционного монарха на западноевропейский образец. Но дело не только в этом. Отрывки царского дневника, которыми открывается наш сборник, рисуют нам «психологическую» историю отречения. Человек, упрямо цеплявшийся за абсолютистскую неприкосновенность своей власти, просто не понимал того, что вокруг него происходило. Строго очерчен был круг обычных представлений, в которых вращалась мысль царя, и когда в них вторгся чудовищно-огромный призрак революции, царь сдал сразу и безвозвратно. Он пережил своеобразную реакцию на все, вокруг него происходившее. Как ограничен ни был Николай, все же нужно предположить наличие какого-то острого шока, сразу парализовавшего его умственную деятельность. Оступение, апатия, пассивность овладели им в самые критические дни — 1—2 марта. Глава российского абсолютизма пережил свое падение с безразличием обывателя. Он «спал долго и крепко» на следующую же ночь после отречения. В Ставке занимался укладкой вещей, он сразу же восстановил обычный ритуал своей интимной жизни с ее несложными, бесхитростными развлечениями, и уже 7 марта «царь и самодержец всея Руси», потерявший шесть дней тому назад абсолютную власть над шестой частью земной суши, записал в своем дневнике: «Обедал с мамá и поиграл с ней в безик».

Л. Кутяев

КТО СПАСАЛ ЦАРЯ

О конце Романовской династии у нас в широких массах господствуют не совсем верные представления. Дело рисуется так, что Николай совершенно безропотно подчинился первому мановению революции.

Что вышла чуть ли не ошибка, недоразумение, опечатка, фокус, умело подстроенный Родзянко вкупе с Алексеевым, в результате чего мертвецки пьяный царь подмахнул акт об отречении, как сонный кутила — назойливый ресторанный счет.

Что отрекшийся царь после своего исторического шага чуть ли не ковырял в носу и тупо бормотал: поеду в Ливадию сажать цветочки.

Николай, тряпка, сосулька, покорно ушел, как только его «честью попросили».

Такие картины, имевшие особо широкое хождение в первые годы революции, нуждаются в существенных исправлениях.

Для рассказов об анекдотическом ничтожестве покойника-самодержца, правда, есть большие основания. Нельзя, например, пройти мимо изумительных записей Николая в его личном дневнике:

«2 марта. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем командующим. К 2¹/₂ часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте и спокойствия нужно сделать этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи

уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман».

«Нужно мое отречение. Я согласился...» В самом деле, овечье смирение и безразличие. Вы думаете, Николай, уступив трехсотлетнюю власть Романовых, пытался принять яд, раздирал на себе одежды, проводил мучительные, бессонные ночи?

Вот вам запись на другой день после отречения: «3 марта. Спал долго и крепко, проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексева в вагоне. В 9 1/2 перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выбора через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его написать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше».

«7 марта. После чая начал укладывать вещи. Обедал с мамой и поиграл с ней в безик».

Спал долго и крепко! Оказывается, Миша отрекся. Оказывается, читал о Цезаре. И, тем не менее, даже читая Цезаря, через пять дней после отречения играл с мамашей в карты. В самом деле, невозмутимость исключительная! Недаром кто-то из приближенных определяет отречение Николая:

«Отрекся, как командование эскадроном сдал». Конечно, полторастамиллионная страна всегда была для Николая только огромным, молчаливым, послушным эскадроном, где всегда повиновались всадники и безысходно молчали лошади. Но расставание с властью было для царя не таким простым, каким оно кажется внешне.

В Николае Романове надо понимать его замкнутость и апатичность характера, не всегда прикрывавшие апатичность ума и воли. Очень часто под бесцветными изъяснениями у Романава весьма энергично шевелились чувства, диктовавшие немаловажные поступки, направленные к сохранению себя и власти своего класса.

Дворянство и придворные совершенно зря рисуют своего вождя в последние минуты его царствования как унылого кретина, непротивленца, безропотно сдавшего свой режим по первому требованию революции.

Нельзя сказать, чтобы ближайшие друзья, неразлучные с Николаем, смягчали события или придавали им какой-нибудь преходящий, незначительный смысл. Любимец и

субутыльник царя, адмирал Нилов говорил и повторял свою обычную фразу: «Все будем висеть на фонарях! У нас такая будет революция, какой еще нигде не было!» Николай в февральские дни особенно часто слышал от своего приближенного эти совершенно недвусмысленные и, как мы знаем, пророческие слова.

Другие придворные, штабные генералы, наконец, важнейший и авторитетнейший советник императора — сама царица, — все в один голос подчеркивали грозное значение надвигавшихся событий и неумолимость народа к династии в случае ее падения.

В условиях военных неудач, при определенных признаках разложения армии на фронте, наконец, после смерти Распутина, в лице которого царская семья убежденно видела свою существенную опору, — при всем этом упавший дух царя должен был бы подсказать ему большие политические уступки. На самом деле этого не было.

Царь Николай хорошо и твердо запомнил наставления отца и уроки воспитателя своего, Победоносцева, умного и выдержанного идеолога самодержавия.

Он понимал и логикой и нутром, что режим может держаться только прежним, единственным, испытанным средством: террором, полицейским зажимом, системой неограниченной дворянской диктатуры, не разбавленной никакими парламентскими лимонадами.

Первые же телеграммы в Ставку из столицы, говорящие о волнениях в военных частях и массах, заставляют Верховное командование и Совет Министров поднять вопрос об уступках, о компромиссах.

Последний царский премьер князь Голицын посылает паническую депешу о необходимости его, Голицына, отставки и образования «ответственного», парламентского министерства во главе с Родзянко или Львовым.

Командующий Петроградским гарнизоном генерал Хабалов, военный министр Беляев, брат царя Михаил Александрович — все бомбардируют Ставку страшными известиями, испуганными советами поскорей успокоить уступками разбушевавшееся море.

Генерал Алексеев берет на себя представительство всех этих людей и, кроме того, Родзянко и, кроме того, неведомых ему самому стихий, бушующих в Петрограде. Он просит царя согласиться на конституционные поправки.

Царь тверд и непреклонен.

Нет.

Он не хочет. Он не согласен. Наседают облеченные властью и доверенные люди. Волны революции уже зали-

вают первые ступени трона. Самый близкий человек, жена, ужасается: «Ты один, не имея за собой армии, пойманый, как мышь в западню,— что ты можешь сделать?!»

И все-таки, под таким натиском, Николай не идет на уступки. Долго, категорически он уклоняется от согласия даже на создание «ответственного министерства». После нового залпа телеграмм генерал Алексеев еще раз идет к Николаю для решительного разговора.

Выходит оттуда ни с чем, вернее — с повышенной температурой. Старик сваливается в постель,— он ничего не может сделать с упорным своим монархом.

Где же тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Он стоек и меньше всех струсил.

Что же выдвигает царь взамен голицынско-алексеевских компромиссов?

Одну простую, ясную, давно уже испытанную и оправдавшую себя вещь.

Николай снаряжает сильную карательную экспедицию на взбунтовавшуюся столицу.

Такие штуки не раз помогали короне. Так однажды Петроград справился с революционной Москвой. Может быть, сейчас, тем же способом Ставка склонит к своим ногам взбунтовавшуюся в столице чернь. Может быть! Шаг не оригинальный. Но исторически понятный и решительный.

Николай Иудович Иванов, старый вояка, выслужившийся из низов, крепкий, надежный бородач, с хорошим круглым русским говорком и солидными жемами,— вот кто должен стать усмирителем петроградского восстания и военным диктатором в усмирённой столице. Староват, но коренаст. Неладно скроен, да крепко сшит. В толпе жидких штабных генералов Николай неплохо выбрал диктатора.

Иванов получает в свое распоряжение по два кавалерийских, по два пехотных полка и по пулеметной команде Кольта с каждого фронта. Целый корпус отборных войск, вооруженных до зубов, должен вторгнуться в Петроград и стереть с лица земли мятежников.

По инструкции, в Петрограде ему должны подчиняться все министры!

Соответственно этому составлен и ответ князю Голицыну на его просьбы о конституционных уступках: «О главном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть

в столицу. То же и относительно войск... Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. Николай».

Вся Ставка насмерть перепугана таким оборотом дела. Опять убеждают царя смягчиться. Он непреклонен. И в своем положении прав! Если уж гадать задним числом о том, что могло бы спасти положение для монархии, то, конечно, это мог быть только шаг, сделанный самим царем: разгром революционного Петрограда.

Отдав свои распоряжения, Николай трогается в путь. Он хочет пробраться в Царское Село, к жене и больным детям. На станции Малая Вишера, уже почти у столицы, ехать дальше оказывается невозможным. Тосно и Любань уже заняты революционными войсками. Царский поезд возвращается, чтобы достигнуть цели кружным путем через Бологое, и застревает в Пскове. Царь ждет известий, он надеется на корпус Иванова.

Но за время почти суточного блуждания поезда события разворачиваются ужасающим темпом. В Пскове, в штабе Северного фронта, у генерала Рузского Николай застает уже готовую петлю для себя.

Рузский, частью спасовав перед неумолимостью революционной стихии, частью уже имея кое-какие виды при новом строе, объявляет перед разговором с царем его придворным:

— Надо сдаться на милость победителя!

Генерал Воейков, изнеженный полковник Мордвинов, граф Граббе и другие дворцовые салонные собачки в эпохе поражены и удручены.

Как так сдаться! Разве — уже?!

«Начались возражения, негодование, споры, требования, наконец, просто просьбы помочь царю в эти минуты и не губить отечества. Говорили все. Генерал Воейков предложил переговорить лично по прямому проводу с Родзянко, на что Рузский ответил: «Он не подойдет к аппарату, когда узнает, что вы хотите с ним беседовать». Дворцовый комендант сконфузился, замолчал и отошел в сторону». (Воспоминания генерала Дубенского).

Рузский имеет решительный, решающий разговор по проводу с Родзянко. Оба собеседника обнаруживают в этом разговоре всю сумму лукавства. Каждый старается лично задобрить и умаслить другого в предвидении возможной своей неудачи. Однако же Родзянко дает понять Рузскому действительное положение вещей.

Рузский начинает твердо соображать, откуда ветер дует.

Недаром он позволил себе через две недели так самодеятельно рекламировать себя в газетном интервью:

«— Ваше высокопревосходительство,— обратился наш корреспондент к генералу Рузскому,— мы имеем сведения, что свободная Россия обязана вам предотвращением ужасного кровопролития, которое готовил народу низвергнутый царь. Говорят, что Николай II приехал к вам с целью видеть вас, чтобы вы послали на восставшую столицу несколько корпусов.

Генерал Рузский улыбнулся и заметил:

— Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, то она даже больше той, о которой вы принесли мне сенсационную весть. По той же простой причине, что я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого ясна стала несправимость положения».

Впоследствии, когда ветер подул совсем не в сторону Рузского, он стал иначе толковать свою роль в «трагедии отречения». Когда в Эссентуках, где он жил, водворилась советская власть, когда генерал стал ожидать ареста и готовиться к бегству, он передал доверенному человеку, некоему белогвардейцу Вильчковскому, свои объяснения, в которых горячо опровергал версию о том, что он «неприлично вел себя по отношению к государю»...

Так или иначе, Николай, видя предательство кругом себя и не находя ни в ком из окружающих опоры, наконец, получив известия о неудаче экспедиции Иванова, склоняется к отречению.

Он еще колеблется. Но его решение подстегнуто телеграммами от главнокомандующих фронтами.

Все телеграммы составлены в форме выражения горячих верноподданнических чувств, но все они без обиняков толкают царя на отречение. В этом отношении содержание депеш Николая Николаевича (Кавказский фронт) мало отличается от брусиловской (Южный фронт) и эвертовской (Западный фронт). Запоздала телеграмма Сахарова с Румынского фронта. Видимо, долго трудился над ней почтенный генерал. Зато получилась она в своем роде шедевром по красоте стиля. Начало такое:

«Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной думы вам на высокомиловитое решение государя... Горячая любовь моя к его величеству не допускает в душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения (об отречении), переданного вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка

людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для своих преступных целей... Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя»...

Стали бы! Но не стали. И потому конец телеграммы загибается ловким крючком. Полюбуйтесь на этот блестящий спуск на дееспричастиях!

«Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный его величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям».

Рыдая!.. Пожалуй! Да, умри, Денис, пожалуй, лучше не напишешь.

Что было делать Николаю с перетрусившим генералитетом?

Ни одной дивизии не нашлось, чтобы защитить обожаемого монарха.

Даже собственный его величества конвой, прослышав в Царском Селе о петроградских событиях, вышел с красными бантами и «Марсельезой» на улицу. Куда дальше! Николай в западне. Делать нечего — он смиряется. Составляет две телеграммы — Родзянко и Алексееву — о готовности своей отречься от престола.

Флигель-адъютант царя Мордвинов рассказывает: «Не помню, сколько времени мы провели в вялых разговорах, когда возвращавшийся из вагона государя граф Фредерикс остановился в коридоре у дверей нашего купе и почти обыкновенным голосом по-французски сказал:

— Savez vous, l'Empereur a abdiqué. (Вы знаете, император отрекся.)

Слова эти заставили нас всех вскочить. «Как, когда, что такое да почему», — слышались возбужденные вопросы. Со всех сторон сыпались возбужденные возражения, смешанные и у меня с надеждой на путаницу и возможность еще отсрочить только что принятое решение».

Кучка придворных чувствует, что почва уходит из-под ног. Они не верят, не могут примириться с таким шагом Николая, губящего себя, а главное — их.

Они бегут к Фредериксу, тормозят 78-летнего старика, убеждают эту песочницу отговорить царя от посылки телеграммы.

Фредерикс идет. И что же?

Николай берет назад свое согласие. Он приказывает остановить телеграммы Родзянко и Алексееву! Он не гор-

дый. Он готов передумать. Ему не надоела власть. Ему не опротивела корона, даже после двадцати лет тяжелого, кровавого царствования, после трех дней катастрофического шатания трона. Он готов сидеть на троне дальше — даже если ножка подломана. Что ножка! Можно подвязать. Было бы только обо что ее опереть.

Николаю почудилась какая-то поддержка, какой-то проблеск героизма, — нет, даже не героизма, а просто решительности, нежелания «пойти на милость победителя». И он уже готов опять упорствовать, опять сопротивляться, карать. Где же сосулька, где тупое безразличие к «командованию эскадром»?

Поддержки нет. Она только почудилась. Никакой опоры. Нельзя же считать опорой 80-летнюю развалину с орденами, лейб-хирурга, пьяницу коменданта, начальника походной канцелярии. Жизнь показала, как уже через три дня тот же полковник Мордвинов трусливо сбежал с царского поезда, оставив Николая одного ехать в Царское Село.

Поддержки нет. Она только померещилась. Русский насаждает. Едут депутаты из Москвы. Уже появились на Псковском вокзале красные банты. Дальше нет пути.

Николай уступил, он отрекся после решительной и стойкой борьбы в полном одиночестве...

В этом сборнике дан богатый материал, связанный с отречением. Целый ряд генералов, сановников, придворных — почти все в своих зарубежных воспоминаниях рисуют яркие картины своего героизма верноподданнического упорства в отстаивании династии. Все это, по их словам, разбилось о мягкую «христианскую» уступчивость царя, его непротивление и мирный характер.

Конечно, это историческая ложь, нуждающаяся в разоблачении. Достаточно даже беглого знакомства с генеральскими мемуарами, чтобы разглядеть толстые белые нитки, которыми они шиты. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал царя один царь.

Не он погубил — его погубили. Николая Романова увлек за собой, свалил и похоронил под своими обломками его же правящий дворянский класс.

Михаил Кольцов

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЯ

НИКОЛАЙ II

В ДНИ ОТРЕЧЕНИЯ

(Из дневника Николая II)

15 февраля, 1917 г. Среда

У меня сразу сделался сильный насморк. В 10 час. принял генерала-ад. Безобразова. В 11 1/2 час.— к обедне. Завтракал и обедал Сашка Воронцов (деж.). Принимал и осматривал собрание рисунков и фотографий военной трофейной комиссии до 3 1/2. Погулял. Погода была мягкая. Сегодня прибыл из Измаила батальон гвардейского экипажа и расположился в Александровке. В 6 час. принял А. С. Боткина.

Вечером занимался.

16 февраля. Четверг

С 10 час. принял: Ильина, Кочубея и Мосолова. В 11 1/2 поехали к часам. Завтракал и обедал Н. П. Саблин (деж.). Посидел у Ольги, Марии и Алексея. Погулял с Татьяной и Анастасией. Было 5° мороза и тихо. В 9 1/2 принял Протопопова.

17 февраля. Пятница

Утром принял Барка и затем М. Граббе. Ездили к обеим службам. День был солнечный и морозный. Погулял с Татьяной и Анастасией. В 4 1/2 принял Озерова. Завтракал и обедал Кутайсов (деж.). Вечером исповедовались.

18 февраля. Суббота

Солнечный и морозный день. В 9 час. поехали с Татьяной и Анастасией к обедне и причастились св. тайн. Затем Александр Васильев приехал к нам и приобщил Ольгу, Марию и Алексея. В 12 час. принял Беляева. Погулял один. В 4 ч. у меня был Рейн. Ездили ко всеобщей. Обедал Свечин (деж.).

19 февраля. Воскресенье

В 10 1/2 поехали к обедне с Татьяной, Анастасия тоже простужена. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял

один. До чая принял Балашева — члена Госдумы. В 6 ч. был кинематограф — видел конец «Таинственной руки». Вечером у Аликс собрались: Лили Ден, Н. П., Мясоедов-Иванов, Родионов и Кублицкий.

20 февраля. Понедельник

Встал поздно. Утром был Воейков. После десятиминутной прогулки принял Григоровича и полковника Данильченко, командира запасного батальона Измайловского полка. Побыл наверху у болящих. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В 2¹/₂ принял депутацию от 8 гренадерского Московского полка. Погулял. В 4 ч. у меня был Шаховской. В 6 ч. кн. Голицын и затем дядя Павел. Успел прочесть нужные бумаги до обеда.

21 февраля. Вторник

Погулял полчаса. Погода была холодная и ветреная, шел снег. Принял Беляева, Покровского, Щегловитова, полковника Доброжанского и Крейтона, нового командира л.-гв. 1 Стрелкового полка. Завтракала Елена Петровна. Посидел наверху у Ольги и Алексея, которому лучше. Погулял с Татьяной. В 4 ч. принял Танеева, в 7 час. Стаховича и в 9.45 Протопопова. Обедали Аня и Петровский (деж.).

22 февраля. Среда

Читал, укладывался и принял: Мамонтова, Кульчицкого и Добровольского. Миша завтракал. Простился со всем милым своим семейством и поехал с Аликс к Знамению, а затем на станцию. В 2 часа уехал на Ставку. День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал; не выходил из-за кашля.

23 февраля. Четверг

Проснулся в Смоленске в 9¹/₂ час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время французскую книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен генералом Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним. Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай.

24 февраля. Пятница

В 10¹/₂ пошел к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком [?] принес мне от имени бельгийского короля военный крест. Погода была неприятная — метель.

Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру.

25 февраля. Суббота

Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2¹/₂ захал в монастырь и приложился к иконе Божией Матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всенощной. Весь вечер занимался.

26 февраля. Воскресенье

В 10 час. пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино.

27 февраля. Понедельник

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28 февраля. Вторник

Лег спать в ³/₄, так как долго говорили с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1 марта. Среда

Ночью повернули с М. Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!

2 марта. Четверг

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положе-

ние в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2¹/₂ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил, и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!

3 марта. Пятница

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9¹/₂ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4 марта. Суббота

Спал хорошо. В 10 ч. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую мамá, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная — холод и метель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 ч. поехал к обеду к мамá и просидел с нею до 11 ч.

5 марта. Воскресенье

Ночью сильно дуло. День был ясный, морозный. В 10 ч. поехал к обедне, мамá приехала позже. Она завтракала и оставалась у меня до 3¹/₄. Погулял в садике. После чая принял Н. И. Иванова, вернувшегося из командировки. Он побывал в Царском Селе и видел Аликс. Простился с бедным гр. Фредерикс и Воейковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь. Они уехали в его имение в Пензенской губернии. В 8 час. поехал к мамá к обеду.

6 марта. Понедельник

Утром был очень обрадован, получив два письма от дорогой Аликс и два письма от Марии. Их привезла жена кап. Головкина л.-гв. Финляндского полка. Погулял в садике. Мама́ приехала к завтраку. Посидели вместе до 3 ч. Гулял; опять началась метель. После чая принял Williams. К 8 ч. поехал к мама́ в поезд.

7 марта. Вторник

Получил еще два письма от дорогой Аликс, привезенные двумя офицерами конвоя. В 11 час. принял Williams, Janin, Ruskel; все так тепло и участливо относятся. Завтракала мама́, просидел с нею до $2/12$. Принял Coanda, Romei, Marcengo и Лонткевича. Погулял около часа. Погода была мягкая, но целый день шел снег. После чая начал укладывать вещи. Обедал с мама́ и поиграл с нею в безик.

8 марта. Среда

Последний день в Могилеве. В $10^{1/4}$ подписал прощальный приказ по армиям. В $10^{1/2}$ пошел в дом дежурства, где простился со (sic!) всеми чинами штаба и управлений. Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к мама́ в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до $4^{1/2}$ час., простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск.

Погода морозная и ветреная.

Тяжело, больно и тоскливо.

9 марта. Четверг

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в $11^{1/2}$. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики. Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у которой корь недавно началась. Завтракали в садике, так как дальше выходить нельзя! После чая расдорфа. Погулял с Вале́й Долгоруковым и поработал с ним в садике, так как дальше выходить нельзя! После чая раскладывали вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе.

КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ

Настоящие записки под заглавием «Как произошел переворот в России» составлены мною по уцелевшим моим записным книжкам, заметкам и по памяти. Весь подлинный официальный материал находится в сохранности, но в настоящее время я не имею возможности им воспользоваться.

23 февраля

Приезд из Царского Села в Ставку.

Государь император отбыл из Царского 23 днем. В этой последней поездке его величество сопровождали лица, обычно в годы войны при нем находившиеся:

1. Министр императорского двора, генерал-адъютант, граф Владимир Борисович Фредерикс.

2. Флаг-капитан, генерал-адъютант Константин Дмитриевич Нилов.

3. Дворцовый комендант, с. е. в. генерал-майор Владимир Николаевич Воейков.

4. В должности гофмаршала, с. е. в. генерал-майор князь Василий Александрович Долгорукий.

5. Начальник военно-походной канцелярии, с. е. в. генерал-майор Кирилл Анатольевич Нарышкин.

6. Командир конвоя его величества, с. е. в. генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе граф Никитин.

7. Генерал-майор Дмитрий Николаевич Дубенский.

8. Командир собственного его величества железнодорожного полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель.

9. Лейб-хирург его величества, профессор Сергей Петрович Федоров.

10. Церемониймейстер барон Рудольф Александрович Штакельберг.

11. Флигель-адъютант полковник герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский.

12. Флигель-адъютант полковник Мордвинов. Офицеры конвоя его величества, собственного железнодорожного полка, сводного его величества полка и, кроме того, обычный, небольшой состав чиновников министерства двора, нижних чинов и прислуги.

От Царского сначала отошел свитский поезд, а затем через час собственный его величества поезд.

Нам предстояло ехать по Николаевской жел. дороге до Лихославля, затем на Вязьму, Смоленск, Оршу и Могилев. Мы ехали, как я сказал, в постоянном нашем составе, и я давно привык к моим сослуживцам, находясь с ними в добрых отношениях; жизнь в Ставке любил, а тем не менее с большой тревогой оставлял на этот раз родной город.

Я уезжал беспокойно, да и все были в таком же состоянии.

Предполагали, однако, что поездка в Ставку на этот раз продолжится несколько дней и к 1 марта его величество вернется в Царское.

Весь путь наш прошел совершенно обычным порядком; всюду было спокойно: в городах царские поезда встречались местным начальством.

Станции были пустынные, так как поезд был неожиданный и никто почти не знал о следовании государя. Только в Ржеве, Вязьме и Смоленске народу было больше, и он приветливо встречал царя, снимал шапки, кланялся, кричал «ура».

В Могилев мы прибыли на другой день вечером. Государь был встречен генерал-адъютантом Алексеевым и высшими командными лицами.

Его величество приехал к себе во дворец, то есть бывший губернаторский дом. Мы все разместились по своим помещениям.

Обычная жизнь царской Ставки началась. В тот же вечер я посетил разных лиц, видел много штабных генералов, офицеров, спрашивал, как идут дела на фронте, какие события в самом Могилеве.

— У нас все по-прежнему, на фронте затишье, спокойно, новостей особых нет, — отвечали мне.

— Но что делается в Петрограде? По газетам, агентским телеграммам (без цензуры) там ожидают тревожных дней, предстоят будто бы волнения из-за недостатка хлеба. А Дума и часть Государственного совета так же беспокой-

ны... Здесь опасаются, как все это пройдет и что будет дальше...— спрашивали меня в свою очередь.

Государь находился в обычном своем настроении: ровен, спокоен, приветлив и к вечеру принял с коротким докладом генерал-адъютанта Алексеева.

Весь вечер мы долго беседовали с к. д. Ниловым и с. п. Федоровым на тему, о тех сюрпризах и неожиданностях, которые нам принесет будущее: словом, рисовалась нам невеселая перспектива.

Когда я вышел из дворца в первом часу ночи, тихий мягкий снег спускался с неба — начиналась оттепель. У подъезда стояли в своих дубленых полушубках часовые Георгиевского батальона, а в садике, между дворцом и управлением дежурного генерала, дежурила дворцовая полиция; на крыше дома генерал-квартирмейстера ясно виднелись пулеметы в чехлах, установленные на случай налета неприятельских аэропланов, и около них фигуры часовых в папахах и постовых шинелях.

Могилев. Пятница, 24 февраля

После утреннего чая государь отправился на доклад генерал-адъютанта Алексеева, который обычно происходил в генерал-квартирмейстерской части, помещавшейся рядом, в здании «губернских присутственных мест». На докладе всегда присутствовали только помощник начальника штаба генерал Клембовский и генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Лукомский. Доклад тянулся до завтрака, то есть до 12.30.

К завтраку было много приглашенных: свита государя, великие князья Сергей и Александр Михайловичи, генерал-адъютант Н. И. Иванов, все иностранцы военных миссий. Его величество в защитной рубашке, в погонах одного из пехотных полков, обошел всех, здороваясь и разговаривая с некоторыми из приглашенных. Государь был в обычном спокойном, приветливом настроении.

Тихо спрашивали друг друга: «Какие вести из Петрограда?» Передавали, что только что полученные телеграммы сообщили о волнениях в рабочих кварталах; но в общем высочайший завтрак прошел так же, как и всегда.

После двух часов государь с Воейковым, дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским, князем Долгоруким, графом Граббе и лейб-хирургом Федоровым поехали в автомобиле за город по шоссе для прогулки. Часа через полтора его величество вернулся и прошел к себе в кабинет.

Затем был дневной краткий чай, после которого государь снова ушел в кабинет на обычные занятия и оставался там до обеда. Все шло по внешности давно установленным порядком,— и это внушало какую-то уверенность, что сюда, до Ставки, никакие волнения не докатятся и работа высшего командования будет идти независимо от всяких осложнений в столице.

Генерал-адъютант Алексеев был так близок к царю и его величество так верил Михаилу Васильевичу, они так сроднились в совместной напряженной работе за полтора года, что, казалось, при этих условиях какие могут быть осложнения в царской Ставке. Генерал Алексеев был деятелен, по целым часам сидел у себя в кабинете, всем распоряжался самостоятельно, встречая всегда полную поддержку со стороны Верховного главнокомандующего.

В это время состав Ставки и высшее командование на фронтах были следующие: начальник штаба, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Его помощник, генерал от инфантерии Вячеслав Наполеонович Клембовский.

Генерал-квартирмейстер, генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский.

Дежурный генерал, генерал-лейтенант Петр Константинович Кондзеровский.

Начальник военных сообщений, генерал-майор Тихменев, начальник морского отдела адмирал Русин.

Полевой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович.

Генерал-инспектор военно-воздушного флота, великий князь Александр Михайлович.

Походный атаман великий князь Борис Владимирович. Его начальник штаба, с. е. в. генерал-майор Африкан Петрович Богаевский.

Полевой интендант генерал-лейтенант Егорьев. Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский.

При особе его величества:

Великий князь Георгий Михайлович.

Генерал-адъютант Николай Иудович Иванов.

Военные агенты:

Великобритании, генерал Вильямс.

Франции, генерал Манжен.

Бельгии, генерал барон де Риккель.

Сербии, полковник Леонткевич.

Италии, помощник военного агента, полковник Марсенго, и другие, фамилии которых не припоминаю.

Главнокомандующие фронтами:

Наместник е. и. в. на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич. Его помощник и командующий Кавказской армией генерал Николай Николаевич Юденич.

Главнокомандующие:

Северным фронтом — генерал-адъютант Николай Владимирович Рузский.

Западным — генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт.

Юго-Западным — генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов.

Румынским — генерал Владимир Викторович Сахаров, начальник главной санитарной и эвакуационной части его императорское высочество принц Александр Петрович Ольденбургский.

Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин; генералы Клембовский, Лукомский, Кондзеровский — ближайшие помощники генерала Алексева, — все это умные толковые люди, известные генералы Генерального штаба, работали свое дело усердно, и вообще Ставка была поставлена твердо.

Гарнизон Ставки состоял из следующих частей:

1. Георгиевский батальон, сформированный для охраны Ставки во время войны и составленный исключительно из раненых георгиевских кавалеров; это были избранные по своим заслугам люди. Командовал ими генерал-майор Пожарский, тоже георгиевский кавалер, видный, прекрасный боевой командир. Все офицеры, подобно солдатам, — раненые и георгиевские кавалеры. По своему виду, по своей безукоризненной службе Георгиевский батальон являлся превосходной частью. Люди одеты были в их красивую форму с георгиевскими цветами. Нельзя было не любоваться часовыми, стоявшими у подъезда государя, командами, караулами этого батальона, встречавшимися по городу.

2. Одна очередная сотня конвоя его величества. Казаки-конвойцы несли свою обычную службу внутренних постов во дворце государя. В Ставке постоянно находился командир конвоя с. е. в. генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе, граф Никитин и очередные офицеры дежурной сотни. Внешний вид конвойцев и их выправка обращали на себя внимание, в особенности иностранцев, всегда пораженных и нарядностью формы и красотой кавказских казаков.

3. Одна (кажется) дежурная рота сводного его величе-

ства полка. Люди этой части отличались превосходной выправкой и очень внимательной дворцовой службой. Командир полка с. е. в. генерал-майор Ресин находился постоянно в Царском Селе, а в Ставку поочередно командировался один из старших полковых штаб-офицеров и офицеры дежурной роты.

4. Несколько команд собственного его величества жел.-дорожного полка, обслуживавших технически императорские поезда во время их движения и в Ставке. Командир полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель держал свою часть в отличном виде.

Затем была противоаэропланная батарея, и, насколько помнится, строевых частей больше не было, если не считать автомобильной роты, обслуживавшей во время войны огромный гараж Ставки. Командир роты, капитан Вреден, умело вел свое трудное дело.

Гарнизон был невелик, но находился в полном и блестящем порядке.

Писарские и нестроевые команды особенно разрослись, и потребность в писарях значительно возросла и расширилась. Все части и команды были размещены в казармах и других помещениях, содержались прекрасно и положительно гордились, что они служат в царской Ставке при государе императоре.

А все-таки, при всех этих кажущихся благоприятных условиях жизни и работы Ставки, уже с первых часов приезда туда государя чувствовалась некоторая неуверенность в ближайших событиях, но не в смысле военного порядка в самой Ставке, а в общей государственной жизни России. Определенно об этом говорили редко, но в полусловах, в замечаниях сказывалось беспокойство.

Вечером, после обеда, который ничем не отличался от предыдущих высочайших обедов, я отправился на телефонную станцию для переговора через Царское с Петроградом. Телефонист мне передал, что только что окончился разговор государя (из его кабинета) с императрицей в Царском, длившийся около получаса.

По телефону узнал, что сегодня, 24 февраля, в Петрограде были волнения на Выборгской стороне. Толпы рабочих требовали хлеба, и было несколько столкновений с полицией, но все это сравнительно скоро успокоилось. В Петрограде многие не верят в искренность этих требований, выражающую общее недовольство правительством. Передали также, что завтра ожидаются гораздо большие волнения и беспорядки. Войска получили приказ оставаться в казармах и быть готовыми к немедленному выступле-

нию по требованию властей. Я обещал переговорить на следующий день вечером, чтобы узнать, что произошло в Петрограде за день. В этот вечер я узнал, что поступившие телеграммы также ничего радостного не сообщили.

Могилев. Суббота, 25 февраля

Уже с утра в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Революционное настроение масс росло. Государственная дума, с Родзянко во главе, предъявляла правительству новые настоячивые требования о реорганизации власти. Все эти тревожные сведения достигли Могилева отрывочно, и определенных сообщений о мероприятиях, принятых властями для подавления беспорядков в столице, не было.

Меня интересовал вопрос, как относятся в Ставке к петроградским событиям. Здесь были лица, которые в силу своего высокого служебного положения должны были ясно определить картину начавшихся революционных выступлений. Таких людей в Ставке было двое — и оба они близко стояли к государю и обязаны были отозваться на петроградские события и понять весь их ужас. Это генерал-адъютант М. В. Алексеев и дворцовый комендант генерал Воейков. Генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной думы, с которой находился в полной связи. Он был надеждой России в наших предстоящих военных операциях на фронте. Ему глубоко верил государь. Высшее командование относилось к нему с большим вниманием. На таком высоком посту редко можно было увидеть человека, как генерал Алексеев, к которому люди самых разнообразных партий и направлений относились бы с таким доверием. Уже одно то, что его называли по преимуществу Михаил Васильевич, когда о нем упоминали, говорит о всеобщем доброжелательном отношении к нему. При таком положении генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию, начавшуюся в разгар войны, да еще в серьезнейший момент, перед весенним наступлением нашим. У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем его величества. Фронт находился в его руках, а Государственная дума и ее прогрессивный блок не решились

бы послушаться директив Ставки. К величайшему удивлению, генерал Алексеев не только не рискнул начать борьбу с начавшимся движением, но с первых же часов революции выявилась его преступная бездеятельность и беспомощность. Как это случилось, понять трудно.

Дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков благодаря своему положению должен был хорошо знать, что происходит в столице. От Министерства внутренних дел и от своих агентов он имел сведения о политическом движении. Ему открыты были все пути, и он обязан был неуклонно и настойчиво добиваться мероприятий для прекращения начавшихся волнений. А между тем Воейков, прибыв с государем в Ставку накануне революции, не обращал внимания на надвигавшиеся события и занимался личными, пустыми делами, вроде устройства квартиры для своей жены, которую ожидал на днях в Могилев и для которой был нанят дом. Я не могу понять — неужели он не верил, что положение так грозно и надо безотлагательно принимать меры, тушить занимавшийся пожар. Должен, однако, сказать, что в этот день (25 февраля) Воейков, видимо, все-таки тревожился, ходил весь красный, с широко раскрытыми глазами, меньше буфонил, но никто не слышал ни о каких серьезных с его стороны распоряжениях.

Генерал Алексеев и генерал Воейков получали известия из Петрограда, совещались, докладывали обо всем государю, но они единственные, которые могли сокрушить мятеж, никаких мер не принимали.

Государь, вероятно, и не все знал, так как он был совершенно спокоен и никаких указаний не давал.

Генерал Воейков вообще не пользовался большим авторитетом в глазах государя в делах широкого государственного значения, но при начавшейся революционной смуте, угрожавшей царскому дому, он мог и был обязан настоять на решительных мероприятиях в том виде, в каком это требовалось обстоятельствами. Надо было спасти положение и, может быть, сделать необходимые уступки, весьма срочные и толковые, дабы сохранить порядок.

Весь мой вечер прошел в продолжительных беседах с С. П. Федоровым, К. Д. Ниловым и бароном Штакельбергом. Грустное сознание, что ничего не делается для восстановления порядка, что все как-то опустили руки и словно боятся проявить необходимую твердость власти,— это чувство слабости и беспомощности,— охватывало и нас.

Любопытно отметить, что, безусловно, вся свита и со-

стоящие при государе признавали в это время неотложным согласие государя на ответственное министерство и переход к парламентарному строю.

Генерал-адъютант Нилов, князь Долгорукий, граф Фредерикс и другие находили, что эта мера упрочила бы положение царской фамилии в России и могла бы внести успокоение в страну.

Внешняя жизнь Могилева — прежняя. Спокойно и тихо на улицах. Государь выезжал на прогулку, были высочайшие завтраки и обеды; а все остальное время его величество занимался в своем кабинете, принимал графа Фредерикса, генерала Воейкова, генерал-адъютанта Алексева; утром того же дня происходил обычный доклад по генерал-квартирмейстерской части.

Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекшие сутки, и удивлял всех своей памятью и вниманием к делам. В субботу легли все поздно и заснули беспокойно. Его величество еще долго не ложился, занимался в своем кабинете.

Могилев. Воскресенье, 26 февраля

Государь был у обедни. Церковь переполнена молящимися — генералами, офицерами, командами солдат и простыми прихожанами. Свита его величества — генерал-адъютант Алексеев, генерал Кондзеровский — находилась в храме. Служил протопресвитер Георгий Шавельский.

После обедни государь прошел на доклад в генерал-квартирмейстерскую часть, который продолжался недолго. Никаких важных событий за субботу не произошло, и вести от союзных армий были также спокойного характера.

На завтраке по случаю воскресенья много приглашенных: все наличные иностранцы, то есть не только военные агенты, но и их помощники. Государь обходил всех, здоровался и довольно долго беседовал с английским генералом Вильямсом, которого ценил как высокопорядочного человека, толкового и дельного военного агента.

Среди присутствовавших на завтраке шли разнообразные разговоры о печальных событиях в Петрограде, но по внешности это был обычный царский воскресный завтрак. Около двух часов государь с Воейковым, графом Граббе, герцогом Лейхтенбергским и профессором Федоровым поехал по Бобруйскому шоссе на прогулку и вышел около часовни в память 1812 года и гулял там не более часа. Мне передавали, что его величество не поднимал никаких во-

просов о происходящих событиях и вообще почти не разговаривал ни с кем и задумчиво гулял по лесной дорожке.

Однако уже с утра государя глубоко заботили события в столице. Он не раз беседовал о них с графом Фредериксом, с Воейковым, Алексеевым, Ниловым и другими, более близкими ему людьми. Государь говорил, что его тревожат отрывочные известия, получаемые из царского, что он волнуется за Петроград, за императрицу и всю семью, тем более что наследник хворает корью.

Ближайшим попечителем и, так сказать, охранителем государыни и детей в Царском в это время был обер-гофмаршал генерал-адъютант граф Павел Константинович Бенкендорф. Это разумный, спокойный, выдержанный и в высшей степени благородный человек, глубоко преданный их величествам и всей семье. На него и надеялся государь, ибо никаких других лиц опытных не находилось в Царском Селе в эти дни. Вновь назначенный помощником дворцового коменданта генерал Гротен мало знаком был еще с дворцовой службой.

В Царском, конечно, имелся огромный штат дворцовых служащих, конвой его величества, сводный его величества полк, но всеми этими людьми надо было руководить в наступившие критические часы.

В самом Петрограде, где уже шли беспорядки, не было заметной авторитетной власти, не было имени, которое знали бы народные массы. Командующий петроградскими войсками генерал Хабалов — ничем не заметный генерал, а имя министра внутренних дел Протопопова стало ненавистно Петрограду и всей России. Государь все это, вероятно, понимал, но сам никаких указаний не давал и словно мирился со всем тем, что происходило. Чувствовалось, что от него указаний и директив не будет, и в эти тяжелые минуты надо было помогать его величеству, а не ждать инициативы от измученного царя. Хотелось верить, что эту законную помощь, верное служение присяге своему императору даст прежде всего его начальник штаба, его генерал-адъютант Алексеев, все знавший, со всеми сносившийся и пользовавшийся, как я уже говорил, полным доверием Верховного главнокомандующего.

Но этого не случилось. Не попытался также прийти на помощь государю и его дворцовый комендант, не проявив никакой деятельности в это тяжелое время. Воейков не сумел задержать измену государю и прекратить начавшуюся революцию в то время, когда можно было многое еще сделать.

После обеда его величество принял у себя в кабинете

сенатора Трегубова, помощника генерал-адъютанта Алексея по гражданской части с докладом, касающимся событий данной минуты. Государь долго беседовал с этим неглупым пожилым судебным деятелем, не возражал Трегубову, но твердых личных указаний не дал.

Государь, окруженный своей свитой, своим штабом, находившимся здесь, в царской Ставке, великими князьями Борисом Владимировичем, Сергеем и Александром Михайловичами, был страшно все-таки одинок. У него не было людей, которые понимали бы сложную чистую его душу. Не было людей, которые имели бы особый вес в глазах государя. Ко всем «своим» его величество относился ласково, внимательно, ценил их преданность, но при большом уме государя он ясно понимал окружавших его ближайших лиц и сознавал, что они не советчики ему. Государь привязан к графу Фредериксу за его благородный характер, честность, за долгую преданность своему дому, но он понимал, что министр двора, старец 78 лет, с которым трудно поделить мыслью по государственным делам и задачам России. Государь хорошо относился к Нилову, верил ему, но его величество не мог устранить в себе некоторого шутивого отношения к характеру своего флаг-капитана за его горячность. Государь ценил Нилова просто как прямого, честного служаку. К Воейкову государь относился доверчиво, как к распорядительному дворцовому коменданту, бодрому, веселому человеку, хорошему хозяину, но конечно, его величество чувствовал, что Воейков не советчик в государственных делах, и особого значения ему не придавал. Та ирония, с которой относились к Воейкову все окружающие, это прозвище «кувака», за его торговлю водой, понималась государем. Что касается всех остальных — князя Долгорукого, Нарышкина и других, — то это были просто для царя хорошие, приличные люди, и больше ничего.

Для государя было величайшее горе, что с ним в эти страшные дни не было его истинного и единственного друга — императрицы Александровны Федоровны. Продолжительная тяжелая политическая обстановка, волнение за семью произвели в государе в эти дни положительный переворот в его душевных силах. Он стал как бы придавлен событиями и словно не отдавал себе отчета в обстановке и как-то безразлично стал относиться к происшедшему. «Неужели уже ничего нельзя сделать, — говорил я П. Федорову, — неужели нельзя найти человека, которого мог бы послать государь в Петроград для водворения порядка и обеспечения от случайностей царской семьи? Мне

кажется, такой человек есть в Ставке, это генерал-адъютант Иванов, герой настоящей войны. Его имя известно всей России, и если Николай Иудович немедленно отправится в Петроград и Царское, то, может быть, еще спасет положение». С. П. согласился, и мы на завтра, 27 февраля, решили отправиться к Иванову сообщить наши мысли, и, если он их одобрит, то просить его доложить государю о его желании отправиться в Петроград и принять командование над войсками столицы для водворения порядка.

Ни вчера, ни сегодня не было уже возможности переговорить с Петроградом, так как телефон все время был соединен с кабинетом его величества в Ставке для переговоров с царскосельским дворцом.

Я ждал с нетерпением завтрашнего дня, дабы скорей переговорить с генерал-адъютантом Ивановым.

Могилев. Понедельник, 27 февраля

Ночью в Ставке были получены определенные известия, что в Петрограде начался солдатский бунт и правительство бессильно водворить порядок. Я видел М. В. Алексева; он был очень встревожен и сказал: «Новые явления — войска переходят на сторону восставшего народа».

Как на причину быстрого перехода войск на сторону бунтовавших рабочих и черни указывали в Ставке на крайне неудачную мысль и распоряжение бывшего военного министра Поливанова держать запасные гвардейские батальоны в самом Петрограде в тысячных составах. Были такие батальоны, которые имели по 12—15 тысяч. Все это помещалось в скученном виде в казармах, где люди располагались для сна в два-три и четыре яруса. Наблюдать за такими частями становилось трудно, не хватало офицеров, и возможность пропаганды существовала полная.

В сущности эти запасные батальоны вовсе не были преображенцы, семеновцы, егеря и т. д. Никто из молодых солдат не был еще в полках, а только обучался, чтобы потом попасть в ряды того или другого гвардейского полка и получить дух, физиономию части и впитать ее традиции. Многие из солдат запасных батальонов не были даже приведены к присяге. Вот почему этот молодой контингент так называемых гвардейских солдат не мог быть стоек и, выйдя 24, 25 и 26 февраля на усмирение беспорядков, зашатался и затем начался бессмысленный и беспощадный солдатский бунт.

Вместе с тем, однако, получились известия, что некоторые роты, как например, Павловского, Волынского,

Кексгольмского запасных батальонов, держались в первые два дня стойко.

Удивлялись, что генерал Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как петроградские юнкерские училища, в которых в это время сосредоточивалось несколько тысяч юнкеров.

Мне передавал генерал Клембовский, что Родзянко прислал телеграмму государю, где он настойчиво просит образовать новое правительство из лиц, пользующихся доверием общества. Клембовский не знал и потому не мог мне сообщить, какой ответ послан на эту телеграмму. Обо всем этом я узнал до завтрака, к которому государь прибыл после обычного, но на этот раз короткого доклада генерал-адъютанта Алексеева в генерал-квартирмейстерской части. Государь сегодня заметно более сумрачен и очень малоразговорчив. Граф Фредерикс, Нилов и другие не скрывают своих опасений и боятся революционных переворотов.

К. Д. Нилов все повторял свою обычную фразу: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было».

Генерал Воейков держится бодро, но, видимо, все-таки волнуется, хотя все же очень занят устройством своей новой квартиры.

После двух часов государь с дворцовым комендантом и другими лицами свиты ездил на прогулку по Оршанскому шоссе.

К вечеру мы узнали, что получена еще вторая телеграмма от Родзянко, в которой он вновь настойчиво просит государя удовлетворить ходатайство об ответственном министерстве, при этом председатель Государственной думы указывает, что ответственное министерство необходимо во имя спасения родины и династии.

Я лично этой телеграммы не видал, но слышал о ней от многих лиц. На эту телеграмму будто бы послан ответ через генерал-адъютанта Алексеева по прямому проводу в Петроград после совещания у государя, на котором присутствовали граф Фредерикс, генерал Алексеев и генерал Воейков. Ответ выражал согласие государя на образование ответственного министерства, причем его величество, оставая в своем непосредственном распоряжении министерства военное, морское, иностранных дел и императорского двора, поручал формирование кабинета князю Львову. Безусловно, все, и свита и чины штаба, выражали радость по поводу ответа и надеялись, что это согласие царя на образование ответственного министерства внесет

успокоение. Однако все эти сведения появлялись отрывочно, и никто не знал, насколько были верны эти слухи¹. Около 6 часов вечера я вместе с проф. С. П. Федоровым отправился на станцию в вагон генерал-адъютанта Н. И. Иванова, который нас ожидал. В этом вагоне генерал Иванов жил все время войны, начиная с 1914 года, когда он из Киева выступил на войну главнокомандующим Южного фронта. Все победоносные операции в Галиции, блестящего периода начала великой войны, обсуждались в этом вагоне, небольшом, но уютном. В салоне стояло несколько столов, висели картины.

Я лично давно знал Н. И. Иванова, с тех еще пор, когда он был полковником и служил в главном артиллерийском управлении, затем встречал его на Японской войне, бывал у него в Киеве, а с 1914 года постоянно видел его, сначала на Южном фронте, а со времени назначения генерал-адъютанта Иванова состоять при особе его величества мы находились вместе в Ставке.

Николай Иудович был чисто русский человек незнатного происхождения, пробивший себе дорогу упорным трудом. Неглупый, осторожный, настойчивый, глубоко религиозный и честный, генерал Иванов и по внешнему своему виду являлся типичным великороссом, с большой, теперь уже поседевшей, бородой и характерной русской речью. Мы сели. Николай Иудович стал угощать нас чаем. «Что-то будет от такой разрухи! Чем все это кончится?» — сказал он.

«Вам необходимо прийти на помощь государю. Он совершенно один и измучен. Вам надо отправиться в Петроград, принять командование всеми войсками и водворить порядок», — ответили мы Иванову.

«Поздно теперь, части зашатались и верных мало осталось мне. Конечно, самому ничего не надо. Жизнь к концу. Я рад и счастлив помочь его величеству, но как это сделать. Необходимо иметь хоть небольшую, но твердую часть, чтобы до Царского к императрице доехать и охранить семью, а там уже действовать как Бог укажет», — рассуждал Иванов.

«Вы сегодня за обедом переговорите с государем, скажите ему свои соображения и доложите, что готовы принять на себя поручение его величества проехать в Петро-

¹ Дубенский впадает в этом случае в ошибку. В то время как порядком перетрухнувшие советчики царя склонялись к мысли об ответственном министерстве, Николай II с удивительным упрямством настаивал на политике репрессий и «подавления». — *Ред.*

град для водворения порядка. Государь так волнуется событиями и за императрицу и детей. Он, наверное, будет благодарен, что вы возьмете на себя умиротворение столицы и станете во главе этого тяжелого и серьезного дела. Бог поможет вам. Вас знает вся Россия».

Мы оставались у Иванова больше часа, обсуждая то трудное и опасное дело, которое он соглашался взять на себя. Должен отметить, что старый генерал-адъютант не поколебался ни одной минуты пойти на помощь царю и России в эти роковые дни. Он обсуждал только вопрос, как лучше сделать это, и ни разу даже не намекнул, что он не может и не хочет этого делать. Больше всего смущало старика то, что «поздно хватились, надо бы раньше направиться туда, в Питер», и часто повторял: «Боюсь, поздно». «Мы вам устроим сегодня за обедом место рядом с государем,— сказал С. П. Федоров,— я скажу гофмаршалу князю Долгорукову об этом».

Мы распрощались и поехали во дворец. По пути на Днепровском проспекте, у ярко освещенного изнутри дома мы заметили автомобиль дворцового коменданта, и Сергей Петрович сказал мне: «Смотрите, это Воейков все хлопочет и устраивает квартиру для своей жены. Он ждет ее на днях».

Я крайне удивился, услышав эти слова, и не мог себе представить, что в такие минуты, когда все страшились за судьбу всего нашего строя и царской семьи, такой близкий ко двору человек мог быть так спокоен. Верно, он не сомневался, что все обойдется благополучно, иначе не стал бы он заниматься такими пустяками. Ведь ему более чем кому-либо известно положение дел.

Этот последний обед, 27 февраля, у его величества в Ставке до отречения государя я ясно помню. Он врезался в память. Приглашены были генерал Кондзеровский и какой-то полковой командир, прибывший с фронта. Затем за столом находились только те, кто постоянно обедал с государем, то есть вся свита и иностранные военные представители. Тяжелое настроение господствовало у всех. Молча ожидали мы выхода государя из кабинета. Его величество в защитной рубаше появился за несколько минут до 8 часов. Он был бледен. Государь обошел всех молча и только приглашенному командиру полка сказал несколько слов.

За столом рядом с государем сел генерал-адъютант Иванов, и они весь обед тихо разговаривали между собою. Когда вышли из-за стола и направились в зал, государь подошел к дежурному генералу Кондзеровскому и сказал: «Я вас прошу сделать, непременно сделать распоряжение

относительно того лица, о котором я говорил вам. Это поручение моей матушки, и я хочу непременно его срочно исполнить».

Генерал Кондзеровский сказал: «Слушаю, ваше величество, я немедленно отдам приказание».

Государь сделал общий поклон и ушел в кабинет.

Все стали расходиться. Ко мне подошел генерал-адъютант Иванов и сообщил, что наше общее желание удовлетворено: государь повелел ему отправиться с Георгиевским батальоном сегодня в ночь в Царское и затем в Петроград для водворения порядка. Николай Иудович добавил: «Его величество приказал побывать у него еще раз для дополнительных директив. «Ведь вы уезжаете сегодня ночью в Царское, где будете 1 марта», — говорил мне государь. Дается ответственное министерство, послана об этом телеграмма в Петроград. Государь надеется, что это внесет успокоение и восстание можно будет потушить. А я все-таки опасуюсь — не поздно ли. Да и сам государь, как вы видели, сумрачен и очень тревожится. Я с георгиевцами поеду прямо через Дно на Царское и Петроград, а императорские поезда пойдут через Смоленск — Лихославль — Тосно на Царское».

Мы простились с Николаем Иудовичем, я пожелал ему успехов и сказал: «Бог даст, скоро встретимся в Петрограде».

«Дай Бог», — ответил генерал Иванов и, наклонив голову, торопливо пошел в кабинет государя. Часов в 11 вечера, когда я сидел у себя в комнате, ко мне вошел барон Штакельберг и взволнованным голосом сказал:

«Скорей собирайтесь. Мы сейчас уезжаем. Государь едет в Царское. Происходят такие события, что нельзя сказать, чем все это кончится. Правда, ответственное министерство, на которое согласился его величество, может поправить дело. На него только надежда, но все-таки очень тяжело».

Через полчаса мы уже переезжали в автомобилях в свой свитский поезд.

Вместе со мною в этом поезде ехали: командир собственного его величества железнодорожного полка генерал-майор Цабель, церемониймейстер барон Штакельберг, комендант поезда подполковник Таль, начальник дворцовой охраны полковник Невдахов, затем офицеры конвоя, сводного полка, собственного жел.-дорожн. полка, чины канцелярии министерства двора. Наш поезд должен был уйти раньше «собственного его величества» на час.

Весь этот вечер и почти всю ночь мы все не расходи-

лись и беседовали о нашем срочном отъезде, и хотя выражали надежду, что преуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество, но отошли мы из Могилева, после 2 часов ночи 28 февраля, с большой тревогой.

Вторник, 28 февраля

Переезд Могилев — Орша — Смоленск — Лихославль —
Бологое — Малая Вишера

Вчера 27 февраля, в понедельник, после обеда государь ушел к себе в кабинет и там беседовал сначала с генерал-адъютантом Ивановым и указал ему еще раз прийти к нему в вагон по переезде его в поезд, затем с генерал-адъютантом Алексеевым, потом с графом Фредериксом и генералом Воейковым. С генералом Алексеевым его величество говорил о том, что теперь, когда будет создаваться ответственное министерство, ему придется задержаться в Царском, так как новые условия организации правительства потребуют его пребывания в столице. Государь расстался с своим начальником штаба в полной уверенности, что генерал-адъютант Алексеев поведет дело так, как оно определено его величеством.

«Теперь есть телефон между Ставкой и Царским и вы, Михаил Васильевич, будете меня держать в курсе всех дел и событий», — сказал государь, расставаясь с генералом Алексеевым. «Дай Бог только наладить спокойствие в Петрограде Николаю Иудовичу», — добавил его величество. После 12 часов ночи с понедельника на вторник государь переехал в поезд, и к его величеству тотчас прибыл генерал-адъютант Иванов и остался на аудиенции почти 2 часа. Государь, как мне передал потом Николай Иудович, по душе, сердечно и глубоко искренне говорил с ним. Измученный, боящийся за участь России и свою семью, взволнованный озлобленными требованиями бунтующей Государственной думы, царь сказал генералу Иванову свои грустные и тяжелые соображения.

«Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Так выразился государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй. Затем государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах. Государь говорил о той упорной агитации, которая давно ведется против императрицы и его самого, и скорбел о том, что их лучшим стремлениям никогда не ве-

рили, и злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрения о возможности сношений между ними и врагом России императором Вильгельмом.

Слова царя трогали генерала Иванова, по его рассказу, настолько, что ему трудно было иногда отвечать от спазм в горле. Государь, расставаясь с Николаем Иудовичем, поцеловался с ним, перекрестил его и в свою очередь Иванов перекрестил царя.

Его величество лег в эту ночь поздно, после трех часов, и встал на следующий день позже обычного времени, около 10 часов утра. Днем, во вторник, мы проехали Смоленск, Вязьму. Всюду было полное спокойствие. Стоял яркий, солнечный, немного морозный день. Царские поезда шли обычным порядком. Нас сопровождали, каждый по своему участку, путевые инженеры. Вот от одного из таких инженеров в нашем свитском поезде, который шел, как я сказал, впереди императорского поезда, мы узнали через нашего инженера Эртеля, после 4 часов дня, что образовано какое-то новое «временное правительство», а старая власть свергнута. Об этом оповещал телеграммой по железной дороге член Думы Бубликов, назначенный комиссаром путей сообщения. Он просил всех служащих на железной дороге «во имя добытой свободы» оставаться на своих местах и исполнять неуклонно свою работу. Кроме того, получена на одной из станций телеграмма от какого-то коменданта ст. Петроград сотника Грекова о направлении литерных поездов А и Б (то есть свитского и царского) непосредственно в Петроград, а не в Царское Село через Тосно.

Эти неожиданные сведения нас всех крайне взволновали. Стало понятно, что в Петрограде уже совершился революционный переворот и образованное «временное правительство» свободно распоряжаться императорскими поездами, решаясь направить их по своему усмотрению. После получения этого тревожного известия мы, следовавшие в свитском поезде: генерал Цабель, барон Штакельберг, полковник Невдахов, подполковник Таль, чиновник канцелярии министра двора А. В. Суслов и я, стали обсуждать вопрос, как же реагировать на него. Постановили, чтобы я написал обо всем, что нами узнано, письмо профессору С. П. Федорову, едущему в поезде государя, с которым я был близок, с просьбой сообщить дворцовому коменданту для доклада его величеству. Письмо мною было сейчас же написано, помню карандашом, причем помимо фактов было высказано соображение, что в этих обстоятельствах ехать далее не следует и лучше через Бологое на-

правиться в Псков, где находится штаб Северного фронта, там генерал-адъютант Рузский, есть близко войска и сам по себе Псков старый, тихий, небольшой губернский город, где его величество спокойно может пробыть и определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку. Письмо было передано одному из офицеров, который сошел с нашего поезда на ближайшей станции и дождался поезда собственного его величества и передал письмо лейб-хирургу С. П. Федорову. Часам к 12 ночи наш свитский поезд подошел к Бологому, где мы получили от генерала Воейкова ответную на мое письмо телеграмму такого примерно содержания: «Во что бы то ни стало пробраться в Царское Село». Всех удивил этот ответ, некоторые из нас даже настаивали, чтобы задержаться в Бологом до подхода собственного поезда и еще раз переговорить с дворцовым комендантом, но, в конце концов, решили ехать дальше. Тронулись в путь и около часа ночи на 1 марта прибыли на станцию Малая Вишера. Весь наш поезд не спал, мы все время обсуждали наше трудное положение и сознавали, что следовать далее не только крайне рискованно, но просто невозможно, не подвергая жизнь его величества опасности.

На самой станции Малая Вишера в наш поезд вошел офицер (не помню его фамилии) собственного его величества железнодорожного полка и доложил командиру генералу Цабелю, что станция Любань, а равно и Тосно заняты уже революционными войсками, там находятся, кажется, роты л.-гв. Литовского полка с пулеметами, что люди этой роты в Любани уже сняли с постов людей железнодорожного полка и что он едва мог уехать на дрезине сюда, чтобы доложить о том, что случилось.

Вслед за такими, уже определенно грозными, сообщениями было сделано немедленно распоряжение по станции Малая Вишера занять телефоны, телеграф и дежурную комнату; выставлены наши посты, указано железнодорожным жандармам охранять станцию от всяких случайностей, и она стала изолированной от сношений с кем бы то ни было без нашего ведома. Решено было даже не двигаться и ожидать здесь подхода «собственного» поезда для доклада полученных известий его величеству.

На станции почти нет народу. Она ярко освещена. Начальник станции, небольшой старичок, очень исполнительный и расположенный сделать все, что необходимо, перевел наш поезд на запасной путь, и мы стали ждать подхода «собственного» поезда.

Ночь ясная, тихая, морозная. Всюду царствовала пол-

ная тишина. На платформе, на путях виднелись наши посты солдат железнодорожного полка. Генерал Цабель, барон Штакельберг и я находились на платформе, ожидая прибытия царского поезда. Около 2 часов ночи он тихо подошел. Из вагонов вышел только один генерал Нарышкин. Мы спросили Кирилла Анатольевича, где же дворцовый комендант и остальная свита.

«Все спят в поезде»,— ответил он. Признаться, мы крайне поразились этому известию.

«Как спят? Вы знаете, что Любань и Тосно заняты революционными войсками? Ведь мы сообщили, что наши поезда приказано отправить не в Царское, а прямо в Петроград, где уже есть какое-то «временное правительство»... К. А. Нарышкин, неразговорчивый всегда, и на этот раз молчал. Мы вошли в вагон, где было купе дворцового коменданта, и постучались к нему. Владимир Николаевич крепко спал. Наконец, он пробудился, оделся, к нему вошел генерал Цабель и доложил, как непосредственно подчиненный, о всех событиях и занятии Любани и Тосно.

Через несколько минут генерал Воейков вышел в коридор с всклокоченными волосами и начал с нами обсуждать, что делать. Некоторые из нас советовали ехать назад в Ставку, другие указывали на путь на Псков, о чем уже я писал днем. Генерал Воейков, помнится, сам не высказывался определенно ни за то, ни за другое предложение. Затем он прошел в вагон его величества и доложил государю все, что ему донесли. Дворцовый комендант очень скоро вернулся от государя, который недолго обсуждал создавшееся положение и повелел поездам следовать назад на Бологое, а оттуда на Псков, где находится генерал-адъютант Рузский.

Государь вообще отнесся к задержкам в пути и к этим грозным явлениям необычайно спокойно. Он, мне кажется, предполагал, что это случайный эпизод, который не будет иметь последствий и не мешает ему доехать, с некоторым только опозданием, до Царского Села.

Я прошел в купе к С. П. Федорову, который не спал, да и все уже проснулись в царском поезде. Меня интересовало, почему такое спокойствие царило в их вагонах после того, как мы им передали безусловно тревожные сведения. «Да, Владимир Николаевич не придавал им особого значения и думал, что поезда все-таки могут дойти до Царского, несмотря на приказание направить их на Петроград. Письмо он ваше прочитал, но, вероятно, не доложил его государю»,— ответил мне Сергей Петрович.

«Так что вы думаете, что его величество не вполне знает, что случилось?» — спросил я.

«Да, я полагаю. Он не вполне в курсе событий. Государь сегодня был довольно спокоен и надеялся, что раз он дает ответственное министерство и послал генерала Иванова в Петроград, то опасность устраняется и можно ждать успокоения. Впрочем, он мало сегодня с нами говорил», — сказал Сергей Петрович.

Пока переводили наши поезда на обратный путь, причем дабы охранить царский поезд от каких-либо, может быть, преследований, наш поезд поставили позади, — мы успели прочитать сообщения какого-то листка о намеченном составе «временного правительства».

Весь состав этого первого министерства «временного правительства» почти исключительно кадетский, только Керенский стоит левее остальных, принадлежа к партии, кажется, социал-демократов; министр военный и морской Гучков считался в октябристах, но по своей общественной деятельности и активной борьбе с правительством, и не только с ним, но даже с государем, он являлся самым ярким проводником новых начал и перемены власти. Назначенный в начале августа 1915 года председателем промышленного комитета, Гучков много вложил злой энергии в расшатывание основ власти и совместно с бывшим тогда военным министром генералом А. А. Поливановым, его другом, сеял недоверие к деятельности Ставки и опять-таки к самому государю. Наша пресса, настроенная уже давно враждебно к прежнему правительству, встретила состав «временного правительства», судя по первым попавшим газетам и листкам, сочувственно и высказывала уверенность, что Россия приобретает огромные преимущества, заменив «негодную царскую самодержавную власть». Сулились победы, подъем деятельности в стране, после «перемены шоффера», как уже выражались тогда поклонники переворота, и устранения от власти «Николая». Так все это мы и прочитали уже 1 марта в Малой Вишере.

Помню, мы начали обсуждать состав министерства, и некоторые из нас находили его соответствующим настоящему моменту. На мое замечание, что вряд ли социалист Керенский может быть полезен в составе министерства, мне ответили: «Кто знает, он может успокоить рабочих, левое крыло Думы и несколько утихомирить революционные проявления, если, конечно, пожелает начать работать, а не продолжать революцию»...

Уже поздно ночью, должно быть, в четвертом часу, наш свитский поезд отошел вслед за «собственным». Мы

ехали в Псков к генерал-адъютанту Рузскому, надеясь, что главнокомандующий Северным фронтом поможет царю в эти тревожные часы, когда зашаталась власть, устранить революционные крайности и даст возможность его величеству провести в жизнь народа спешные преобразования правления России, по возможности более тихо, по намеченной уже программе, о чем сообщено было днем 27 февраля из Ставки в Петроград. В пути на Псков мы готовили манифест, в котором государь призывал народ к спокойствию, указывая на необходимость единодушно с ним — царем — продолжать войну с немцами. Казалось, старый, считавшийся умным, спокойным Рузский сумеет поддержать государя в это страшное время. Верил в это и сам государь, почему и выбрал путь на Псков, а не в другое место.

Среда, 1 марта

Переезд Малая Вишера — Бологое — Валдай — Старая Русса —
Дно — Порхов — Псков

Днем мы подходили к Старой Руссе. Огромная толпа заполняла всю станцию. Около часовни, которая имеется на платформе, сгруппировались монахини местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу, и я сам слышал, как монахини говорили: «Слава Богу, удалось хотя в окошко увидеть батюшку-царя, а то ведь некоторые никогда не видали его».

Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции. Я не знаю, было ли уже известно всему народу о создании «временного правительства», но железнодорожная администрация из телеграммы Бубликова должна была знать о переменах и распоряжениях Государственной думы, тем не менее все было по прежнему и внимание к поезду особого назначения полное.

Невольно думалось об этой разнице в отношении к царю среди простого народа в глубине провинции, здесь, в Старой Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым государь принужден вернуться с своего пути на Царское Село.

День стоял ясный, уже чуть-чуть чувствовалась весна. Наши поезда шли спокойно, без малейших затруднений. Единственное изменение в нашем движении было то, что

мы шли тише, так как не был известен путь и надо было уменьшить скорость. Кроме того, на паровозе находились офицер железнодорожного полка с двумя солдатами.

Как я сказал выше, свитский поезд шел сзади «собственного», но на станции Дно, которую прошли совершенно спокойно, мы обогнали царский поезд, дабы к Пскову подойти раньше.

Когда мы проходили на станции Дно мимо «собственного» поезда и некоторые из нас стояли на площадке вагона, то дворцовый комендант вышел из своего вагона, стал на подножку, приветливо помахал нам рукой и улыбаясь громко крикнул в мою сторону: «Надеюсь, вы довольны, мы едем в Псков». Вид у Владимира Николаевича был очень бодрый, веселый.

«Мне кажется, что «Дворком» уверен в благополучном исходе всех наших приключений и событий, иначе у него не было бы такого довольного вида», — сказал кто-то из нас, когда мы миновали царские вагоны, Первое марта, проклятый и позорный день для России, уже кончался, когда мы после 7 часов вечера стали подходить к древнему Пскову. Станция темноватая, народу немного, на платформе находились псковский губернатор, несколько чинов местной администрации, пограничной стражи генерал-лейтенант Ушаков и еще небольшая группа лиц служебного персонала. Никаких официальных встреч, вероятно, не будет и почетного караула не видно. Поджидая подход императорского поезда, многие из нас говорили с теми людьми, которые прибыли на вокзал для встречи государя, но ничего нового мы не узнали здесь о событиях в Петрограде, да и все были очень сдержанны в своих речах. Губернатор сообщил только, что Псков пока равнодушно отнесся к событиям и в городе тихо. «Впрочем, мы на театре военных действий и у нас трудно было ожидать волнений», — добавил начальник губернии.

На вокзале народа мало, так как из Петрограда после революционных дней конца февраля поезда не приходили и пассажирское движение еще не установилось.

Около 8 часов вечера прибыл «собственный» поезд. Я и барон Штакельберг прошли в вагон лиц свиты. Мы застали всех в коридоре: тут были граф Фредерикс, К. Д. Нилов, князь Долгорукий, граф Граббе, С. П. Федоров, герцог Лейхтенбергский. Уже знали, что почетного караула не будет и его величество на платформу не выйдет. Спросили нас, что слышно о городе, спокойно ли там.

Государь на очень короткое время принял губернатора. Все ждали прибытия главнокомандующего Северным

фронтом генерал-адъютанта Николая Владимировича Рузского. Через несколько минут он показался на платформе в сопровождении начальника штаба фронта генерала Юрия Никифоровича Данилова (бывший генерал-квартирмейстер при великом князе Николае Николаевиче) и своего адъютанта графа Шереметьева. Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых галошах; он был в форме Генерального штаба. Лицо у него бледное, болезненное и глаза из-под очков смотрели неприветливо. Небольшой, с сильной проседью брюнет генерал Данилов, известный в армии и штабах под именем «черный», следовал за главным командующим. Они вошли в вагон свиты, где все собрались, и Рузский прошел в одно из отделений, кажется, князя Долгорукого, поздоровался со всеми нами и сел в угол дивана около двери. Мы все обступили его. Волнение среди нас царило большое. Все хотело говорить. Рузский, отвалившись в угол дивана, смотрел как-то саркастически на всех. Граф Фредерикс, когда немного успокоились и восклицания вроде того, что «ваше высокопревосходительство должны помочь, к вам направился его величество, когда узнал о событиях в Петрограде», прекратились, обратился к Рузскому примерно со следующими словами: «Николай Владимирович, вы знаете, что его величество дает ответственное министерство. Государь едет в Царское. Там находится императрица и вся семья, наследник болен корью, а в столице восстание. Когда стало известно, что уже проехать прямо в Царское нельзя, его величество в Малой Вишере приказал следовать в Псков к вам, и вы должны помочь государю наладить дела».

«Теперь уже поздно,— сказал Рузский.— Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия. Потом появился Протопопов и сформировано ничтожное министерство князя Голицына. Все говорят о сепаратном мире»...— и т. д. и т. д. с яростью и злобой говорил генерал-адъютант Рузский.

Ему начали возражать, указывали, что он сгущает краски и многое в его словах неверно. Граф Фредерикс вновь заговорил: «Я никогда не был сторонником Распутина, я его не знал, и, кроме того, вы ошибаетесь, он вовсе не имел такого влияния на все дела...»

«О вас, граф, никто не говорит. Вы в стороне стоите»,— ответил Рузский, и в этих словах чувствовалось указание, что ты, дескать, стар и не в счет.

«Но, однако, что же делать? Вы видите, что мы стоим

над пропастью. На вас только и надежда», — спросили разом несколько человек Рузского.

Век не забуду ответа генерал-адъютанта Рузского на этот крик души всех нас, не меньше его любивших Россию и беззаветно преданных государю императору.

«Теперь надо сдаться на милость победителя», — сказал он.

Опять начались возражения, негодования, споры, требования, наконец, просто просьбы помочь царю в эти минуты и не губить отечества. Говорили все. Генерал Войков предложил переговорить лично по прямому проводу с Родзянко, на что Рузский ответил: «Он не подойдет к аппарату, когда узнает, что вы хотите с ним беседовать». Дворцовый комендант сконфузился, замолчал и отошел в сторону. «Я сам буду говорить с Михаилом Владимировичем (Родзянко)», — сказал Рузский.

Я стал убеждать своего бывшего сослуживца по мобилизационному отделу Генерального штаба генерала Данилова повлиять на Рузского.

«Я ничего не могу сделать, меня не послушают. Дело зашло слишком далеко», — ответил Юрий Никифорович.

В это время флигель-адъютант полковник Мордвинов пришел и доложил генерал-адъютанту Рузскому, что его величество его может принять. Главнокомандующий и его начальник штаба поднялись и направились к выходу. «Вы после аудиенции у его величества вернитесь к нам сюда и сообщите о своей беседе с государем», — говорили ему все.

«Хорошо, я зайду», — нехотя ответил Рузский.

После разговора с Рузским мы стояли потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший главнокомандующий Северным фронтом поддержит своего императора, по-видимому, не осуществится. С цинизмом и грубою определенностью сказанная Рузским фраза: «Надо сдаваться на милость победителя» — все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот. Мы только недоумевали, когда же это произошло.

Прошло менее двух суток, то есть 28 февраля и день 1 марта, как государь выехал из Ставки и там остался его генерал-адъютант начальник штаба Алексеев, и он знал, зачем едет царь в столицу, и оказывается, что все уже сейчас предрешено и другой генерал-адъютант Рузский признает «победителей» и советует сдаваться на их милость.

Чувство глубочайшего негодования, оскорбления испытывали все. Более быстрой, более сознательной предатель-

ской измены своему государю представить себе трудно. Думать, что его величество сможет поколебать убеждение Рузского и найти в нем опору для своего противодействия начавшемуся уже перевороту — едва ли можно было. Ведь государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта под командой того же генерала Рузского, признающего «победителей».

Генерал-адъютант К. Д. Нилов был особенно возбужден, и когда я вошел к нему в купе, он задыхаясь говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибнет государь и вся Россия. К. Д. Нилов не надеялся на какой-либо благоприятный переворот в начавшемся ходе событий.

«Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на решительные действия государь не пойдет», — сказал Нилов. К. Д. весь вечер не выходил из купе и сидел мрачный, не желая никого видеть.

Я пошел к нему. Нилов прерывающимся голосом стал говорить мне: «Царь не может согласиться на оставление трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Государь обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адъютантов. Кучка людей не может этого делать. Есть верные люди, войска и не все предатели в России».

К. Д. стал убеждать меня пойти к государю и еще раз доложить, что оставление трона невозможно.

Мы долго ждали возвращения главнокомандующего Северным фронтом от государя, желая узнать, чем кончилась беседа их между собою. Однако свита не дождалась Рузского. Он в 12-м часу прямо прошел от его величества к себе для переговоров по прямому проводу с Петроградом и Ставкой.

При этом первом продолжительном свидании Рузского с государем сразу же определилось создавшееся положение. Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны государь должен передать престол наследнику при регентстве брата своего великого князя Михаила Александровича. Ответственное министерство, которое обещал царь, теперь уже не удовлетворяет Государственную думу и образовавшееся «временное правительство», и уже требуют оставления трона его величеством. Главнокомандующий Северным фронтом сообщил о согласии всех остальных главнокомандующих с этим мнением Думы и «временного правительства». По этому вопросу через гене-

рала Алексеева достигнуто уже соглашение по прямому проводу между Ставкой Верховного и ставками главнокомандующих¹. Верховное командование всеми российскими силами необходимо передать прежнему Верховному, великому князю Николаю Николаевичу. Рузский опять повторил то, что сказал ранее всем нам, — «о сдаче на милость победителя» и недопустимости борьбы, которая, по его словам, была бесполезна, так как и высшее командование, стоящее во главе всех войск, против императора. Государь редко перебивал Рузского. Он слушал внимательно, видимо, сдерживая себя. Его величество указал, между прочим, что он обо всем переговорил перед своим отъездом из Ставки с генералом Алексеевым, послал Иванова в Петроград. «Когда же мог произойти весь этот переворот», — сказал государь. Рузский ответил, что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, то есть после отъезда государя из Ставки. Перед царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов императора.

Зная государя и все особенности его сложного характера, его искреннюю непритворную любовь к родине, к семье своей, его полное понимание этого неблагоприятного к нему отношения, которое в данный момент охватило «прогрессивную» Россию, а главное, боясь, что все это бедственно отразится на продолжении войны, многие из нас предполагали, что его величество может согласиться на требование отречения от престола, о котором говорил Рузский. Государь не начнет борьбу, думали мы, боясь не за себя, а за судьбу своего отечества.

«Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественных сил просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», — говорил государь.

Государь в эту ночь, с 1 на 2 марта, долго не спал. Он ждал опять прихода генерала Рузского к себе, после его разговоров с Петроградом и Ставкой, но Рузский не при-

¹ Телеграмма генерала Алексеева главнокомандующим по вопросу об отречении послана была 2 марта в 10 час. 15 мин утра, а ответы главнокомандующих сообщены царю генералом Алексеевым того же числа в 14 час 30 мин. В ночь на 2 марта Рузский вел беседу с царем, добиваясь исключительно ответственного министерства. — *Ред.*

шел. Его величество говорил с графом Фредериксом, Воейковым и Федоровым о Царском, и его очень заботила мысль о Петрограде, семье, так как уже с 27 февраля, то есть два дня его величество ничего не знал и никаких сношений с Царским Селом не было.

Поздно ночью я вышел из вагона и прошел на вокзал. Там было пустынно, дежурили только железнодорожные служащие. Около царских поездов стояла наша охрана, солдаты железнодорожного полка спокойно и чинно отдавали честь. Полная тишина всюду и окончательное безлюдье. Я взял извозчика и проехал в город. Ночь была звездная, морозная и безветренная. Улицы старого города безлюдны, дома мало освещены, только около штабов было нескольколюднее и ярко светились окна и фонари. На какой-то колокольне пробило 2 часа, и я вернулся в поезд. Неужели же я нахожусь в древнем Пскове вместе с государем императором и присутствую при обсуждении вопроса об оставлении царем российского престола в дни величайшей войны с немцами после того, как этот царь, ставший предводителем русской армии, накануне перехода в наступление и вся страна и весь народ уверены, что мы разобьем врага.

И все это оказалось ни к чему. Его заставляют передать престол отроку сыну и слабому маловольному регенту — брату Михаилу. А у власти, явной власти, становятся случайные люди, и среди них личный враг царя Гучков, Родзянко и все эти лидеры «прогрессивного блока», мечтающие о министерских портфелях.

У нас в вагоне еще не спали и вели беседы о тех горьких минутах наших дней.

Псков. Четверг, 2 марта

В этот день государь встал ранее обычного, и уже в 8 часов утра его величество сидел за письменным столом у себя в отделении. «С 6 часов слышно было, как их величество поднялись и все перебирали записки и бумаги», — говорил мне камердинер государя.

Уже несколько дней все мы, и даже его величество, не знали, что, собственно, происходит в Царском Селе и самом Петрограде и насколько безопасна там жизнь наших семей и близких людей. Из слов Рузского о разгроме дома графа Фредерикса на Почтамтской улице видно было, что революционная толпа неистовствует в городе. С целью узнать что-либо о происходящем, я послал моего денщика в Петроград, переодев его в форму хлебопеков псковской

команды. С ближайшим поездом он отправился в Царское Село и Петроград. Ему удалось доехать быстро по назначению и даже привезти нам всем ответы, но уже в Могилев, что значительно успокоило всех нас.

Привожу этот случай для показания, в какой обособленности были царские поезда в эти дни, и даже государь не мог пользоваться телеграфом и телефоном. В 9 часов должен был прибыть генерал Рузский и доложить его величеству о своих переговорах за ночь с Родзянкой и Алексеевым. Всю ночь прямой провод переносил известия из Пскова в столицу и Ставку и обратно.

В начале десятого часа утра генерал Рузский с адъютантом графом Шереметьевым прибыл на станцию и тихо прошел платформу, направляясь в вагон его величества. На вокзале начал собираться народ, но особенного скопления публики не было. Мы встретили нескольких гвардейских офицеров-егерей, измайловцев, которые нам передавали о столкновениях в дни революции у гостиницы «Астория», а главное, о том, что если бы было больше руководства войсками, то был бы другой исход событий, так как солдаты в первые дни настроены были против бунта. Говорили, что никаких пулеметов на крышах не было. Все эти офицеры выбрались из Петрограда и направлялись в свои части на фронт. Они спрашивали о государе, о его намерениях, о здоровье и искренно желали, чтобы его величество проехал к войскам гвардии. «Там совсем другое», — поясняли они. Чувство глубочайшей преданности к императору сквозило в каждом их слове.

Рузский пробыл у его величества около часа. Мы узнали, что в Псков должен приехать председатель Государственной думы М. В. Родзянко для свидания с государем.

Все с нетерпением стали ожидать этой встречи. Хотелось верить, что «авось» при личном свидании устранится вопрос об оставлении трона государем императором, хотя мало верилось этой чуточной мечте. Дело в том, что за ночь Рузский, Родзянко, Алексеев сговорились, и теперь решался не основной вопрос оставления трона, но детали этого предательского решения. Составлялся в Ставке манифест, который должен был быть опубликован.

Манифест этот выработывался в Ставке, и автором его являлся церемониймейстер высочайшего двора директор политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Базили, а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев. Когда мы вернулись через день в Могилев, то мне передавали, что Базили, придя в штабную столовую утром 2 марта, рассказывал, что он всю ночь не спал и ра-

ботал, составляя по поручению генерала Алексеева манифест об отречении от престола императора Николая II. А когда ему заметили¹, что это слишком серьезный исторический акт, чтобы его можно было составлять так наспех, то Базили ответил, что медлить было нельзя и советовать было не с кем и что ему ночью приходилось несколько раз ходить из своей канцелярии к генералу Алексееву, который и установил окончательно текст манифеста и передал его в Псков генерал-адъютанту Рузскому для представления государю императору.

Весь день 2 марта прошел в тяжелых ожиданиях окончательного решения величайших событий.

Вся свита государя и все сопровождающие его величество переживали эти часы напряженно и в глубокой грусти и волнении. Мы обсуждали вопрос, как предотвратить назревающее событие.

Прежде всего мы мало верили, что великий князь Михаил Александрович примет престол. Некоторые говорили об этом сдержанно, только намеками, но генерал-адъютант Нилов определенно высказал: «Как можно этому верить. Ведь знал же этот предатель Алексеев, зачем едет государь в Царское Село. Знали же все деятели и пособники происходящего переворота, что это будет 1 марта, и все-таки, спустя только одни сутки, то есть за одно 28 февраля, уже спелось и сделали так, что его величеству приходится отречься от престола. Михаил Александрович — человек слабый и безвольный, и вряд ли он останется на престоле. Эта измена давно подготовлялась и в Ставке и в Петрограде. Думать теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти родину, по-моему, безумие. Давно идет явная борьба за свержение государя, огромная масонская партия захватила власть, и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы».

Нилов говорил все это с убеждением, и я совершенно уверен, что К. Д. смело пошел бы лично на все решительные меры и, конечно, не постеснялся арестовать Рузского, если бы получил приказание его величества.

Кое-кто возражал Константину Дмитриевичу и выражал надежду, что Михаил Александрович останется, что, может быть, уладится дело. Но никто не выражал сомнения в необходимости конституционного строя, на который согласился ныне государь.

Князь В. А. Долгорукий, как всегда, понуро ходил по

¹ Полковник Немченко передал мне это в Риме 7 мая (н. ст.) 1920 года.

вагону, наклонив голову, и постоянно повторял, слегка грассируя: «Главное, всякий из нас должен исполнить свой долг перед государем. Не нужно преследовать своих личных интересов, а беречь его интересы».

Граф Фредерикс узнал от генерала Рузского, что его дом сожгли, его жену, старую больную графиню, еле оттуда вытащили. Бедный старик был потрясен, но должен сказать, что свое глубокое горе он отодвинул на второй план. Все его мысли, все его чувства были около царя и тех событий, которые происходили теперь. Долгие часы граф ходил по коридору вагона, не имея сил от волнения сидеть. Он был тщательно одет, в старших орденах, с жалованными портретами трех императоров: Александра II, Александра III и Николая II. Он несколько раз говорил со мною. «Государь страшно страдает, но ведь это такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе. Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастья России, что его нашли нужным просить оставить трон. Ведь вы знаете, как он трудился за это время войны. Вы знаете, так как по службе обязаны были ежедневно записывать труды его величества, как плохо было на фронте осенью 1915 года и как твердо стоит наша армия сейчас накануне весеннего наступления. Вы знаете, что государь сказал, что «для России я не только трон, но жизнь, все готов отдать». И это он делает теперь. А его волнует мысль о семье, которая осталась в Царском одна, дети больны. Мне несколько раз говорил государь: «Я так боюсь за семью и императрицу. У меня надежда только на графа Бенкендорфа». Вы ведь знаете, как дружно живет наша царская семья. Государь беспокоится и о матери императрице Марии Федоровне, которая в Киеве».

Граф был весь поглощен событиями. Часто бывал у государя и принимал самое близкое участие во всех проявлениях этих страшных дней.

Надо сказать, что, несмотря на очень преклонный возраст графа Фредерикса, ему было 78 лет, он в дни серьезных событий вполне владел собой, и я искренне удивлялся его здравому суждению и особенно его всегда удивительному такту.

В. Н. Воейков в эти дни стремился быть бодрым, но, видимо, и его, как и других, волновали события. Никакой особой деятельности в пути Могилев — Вишера — Псков дворцовый комендант проявить не мог. В самом Пскове В. Н. Воейков тоже должен был остаться в стороне, так как его мало слушали, а Рузский относился к нему явно враждебно. У государя он едва ли имел в эти тревожные

часы значение, прежде всего потому, что его величество, по моему личному мнению, никогда не считал Воейкова за человека широкого государственного ума и не интересовался его указаниями и советами.

К. А. Нарышкин был задумчив, обычно молчал и как-то стоял в стороне, мало участвуя в наших переговорах. Очень волновались и тревожились предстоящим будущим для себя граф Граббе и герцог Лейхтенбергский, особенно первый.

Флигель-адъютант полковник Мордвинов, этот искренно религиозный человек, бывший адъютант великого князя Михаила Александровича, от которого он ушел и сделан был флигель-адъютантом после брака великого князя с Брасовой, очень серьезно и вдумчиво относился к переживаемым явлениям. О Михаиле Александровиче, которому он был предан и любил его, он старался не говорить и не высказывал никаких предположений о готовящейся для него роли регента наследника цесаревича.

В эти исторические дни много души и сердца проявил лейб-хирург профессор Сергей Петрович Федоров. Этот умный, талантливый и живой человек, он близок царскому дому, так как много лет лечит наследника, спас его от смерти, и государь и императрица ценили Сергея Петровича и как превосходного врача и отличного человека. В эти дни переворота Сергей Петрович принимал близко к сердцу события.

2 марта Сергей Петрович днем пошел к государю в вагон и говорил с ним, указывая на опасность оставления трона для России, говорил о наследнике и сказал, что Алексей Николаевич, хотя и может прожить долго, но все же по науке он неизлечим. Разговор этот очень знаменателен, так как после того, как государь узнал, что наследник неизлечим, его величество решил отказаться от престола не только за себя, но и за сына. По этому вопросу государь сказал следующее:

«Мне и императрица тоже говорила, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. В Гессенском доме болезнь эта идет по мужской линии. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним».

«Да, ваше величество, Алексей Николаевич может прожить долго, но его болезнь неизлечима», — ответил Сергей Петрович.

Затем разговор перешел на вопросы общего положения России после того, как государь оставит царство. «Я буду благодарить Бога, если Россия без меня будет счастлива,—

сказал государь. «Я останусь около своего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устраняясь от всякой политической жизни, но мне очень тяжело оставлять родину, Россию», — продолжал его величество. «Да, — ответил Федоров, — но вашему величеству никогда не разрешат жить в России как бывшему императору». «Я это сознаю, но неужели могут думать, что я буду принимать когда-либо участие в какой-либо политической деятельности после того, как оставлю трон. Надеюсь, вы, Сергей Петрович, этому верите».

После этого разговора Сергей Петрович вышел от государя.

Вот в таких беседах, разговорах проходил у нас день 2 марта в Пскове.

Утром после одиннадцати часов, чтобы немного рассеяться, мы с С. П. Федоровым поехали в город и осмотрели древний собор. В Пскове по внешности шла обычная провинциальная жизнь. Лавки открыты, на базаре идет торговля, движение по улицам самое обычное. Солдат и офицеров встречается немного. Собор был заперт, и мы просили его открыть. Громадный, высокий, недавно реставрированный храм, освещенный яркими лучами солнца, величественен, красив и оставляет большое впечатление. Только холодно внутри, так как собор не отапливается, и зимой там служба не происходила. Потом проехали к белым Поганкиным палатам, типичным своей стариной. Чудные древние церкви попадались нам на пути.

К 12 часам мы вернулись в поезд и узнали, что Родзянко не может приехать на свидание к государю императору, а к вечеру в Псков прибудут член исполнительного комитета Думы В. В. Шульгин и военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков.

Государь все время оставался у себя в вагоне после продолжительного разговора с Рузским. Чувствовалось, что решение оставить престол назревало. Граф Фредерикс бывал часто у его величества и после завтрака, то есть часов около трех, вошел в вагон, где мы все находились, и упавшим голосом сказал по-французски: «Все конечно, государь отказался от престола и за себя и за наследника Алексея Николаевича в пользу брата своего Михаила Александровича и послал через Рузского об этом телеграмму». Когда мы услышали все это, то невольный ужас охватил нас и мы громко в один голос воскликнули, обращаясь к Воейкову: «Владимир Николаевич, ступайте сейчас, сию минуту к его величеству и просите его остановить, вернуть эту телеграмму».

Дворцовый комендант побежал в вагон государя. Через очень короткое время генерал Воейков вернулся и сказал генералу Нарышкину, чтобы он немедленно шел к генерал-адъютанту Рузскому и по повелению его величества потребовал телеграмму назад для возвращения государю. Нарышкин тотчас же вышел из вагона и направился к генералу Рузскому (его вагон стоял на соседнем пути) исполнять возложенное на него высочайшее повеление. Прошло около получаса, и К. Д. Нарышкин вернулся от Рузского, сказав, что Рузский телеграмму не возвратил, и сообщил, что лично даст по этому поводу объяснение государю.

Это был новый удар, новый решительный шаг со стороны Рузского для приведения в исполнение намеченных деяний по свержению императора Николая II с трона. Мы все печально разошлись по своим купе около 5 часов дня. Я стоял у окна в совершенно подавленном настроении. Трудно было поймать даже мысль в голове, так тяжело было на душе. Было то же самое, когда на ваших глазах скончается близкий, дорогой вам человек, на которого были все упования и надежды. Вдруг мимо нашего вагона по узкой деревянной платформе между путей я заметил идущего государя с дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским. Его величество в форме кубанских пластунов в одной черкеске и башлыке не спеша шел, разговаривая с герцогом. Проходя мимо моего вагона, государь взглянул на меня и приветливо кивнул головою. Лицо у его величества было бледное, но спокойное. Я подумал, сколько надо силы воли, чтобы показываться на народе после величайшего события акта отречения от престола...

Уже в 1918 году в июне я был в Петрограде у графа Бенкендорфа и вспоминал о тех часах, которые пришлось пережить с государем в Пскове, и передал Павлу Константиновичу свое впечатление о редкой сдержанности государя после отречения. Граф задумался, потом сказал: «Весною в начале апреля 1917 года я как-то гулял с его величеством по Царскосельскому парку, и государь мне сказал, что только теперь, спустя 2—3 недели, он начинает приходить немного в себя, во время же событий в Могилеве, в пути, а главное, в Пскове он находился как бы в забытьи, тумане... Да, его величество очень страдал, но ведь он никогда не показывает своих волнений», — добавил граф. Около 8 часов вечера прибыл первый поезд из Петрограда после революционных дней. Он был переполнен. Толпа из вагонов бросилась в вокзал к буфету. Впереди всех бежал какой-то полковник. Я обратился к нему, спросил его о

Петрограде, волнениях, настроении города. Он ответил мне, что там теперь все хорошо, город успокаивается и народ доволен, так как фунт хлеба стоит 5 коп., масло 50 коп. Меня удивил этот ответ, определяющий суть революции, народных бунтов, только такой материальной стороной и чисто будничным интересом.

«Что же говорят о государе, о всей перемене?» — спросил я опять полковника.

«Да о государе ничего не говорят, надеются, вероятно, что «временное правительство» с новым царем Михаилом (ведь его хотят на царство) лучше справится».

Мы разошлись, и невольно приходится задумываться — неужели общество так уже подготовлено к перевороту, к замене государя, что это уясняется всеми так просто и без сомнений? Поезд ушел, на станции стало тихо, и мы продолжали ожидать экстренного прибытия из столицы депутатов Гучкова и Шульгина.

Часов около 10 вечера флигель-адъютант полковник Мордвинов, полковник герцог Лейхтенбергский и я вышли на платформу, к которой должен был прибыть депутатский поезд. Через несколько минут он подошел. Из ярко освещенного вагона-салона выскочили два солдата с красными бантами и винтовками и стали по бокам входной лестницы вагона. По-видимому, это были не солдаты, а, вероятно, рабочие в солдатской форме, так неумело они держали ружья, отдавая честь «депутатам», так не похожи были также на молодых солдат. Затем из вагона стали спускаться сначала Гучков, за ним Шульгин, оба в зимних пальто. Гучков обратился к нам с вопросом, как пройти к генералу Рузскому, но ему, кажется, полковник Мордвинов сказал, что им надлежит следовать прямо в вагон его величества.

Мы все двинулись к царскому поезду, который находился тут же, шагах в 15—20. Впереди шел, наклонив голову и косолапо ступая, Гучков, за ним, подняв голову вверх, в котиковой шапочке Шульгин. Они поднялись в вагон государя, разделись и прошли в салон. При этом свидании его величества с депутатами присутствовали министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс, генерал-адъютант Рузский, его начальник штаба генерал Данилов, кажется, начальник снабжения Северного фронта генерал Саввич, дворцовый комендант генерал Воейков и начальник военно-походной канцелярии генерал Нарышкин.

Приезд депутата А. И. Гучкова никого не удивил. Деятельность его давно была направлена против государя, и

он определенно являлся всегда упорным и злобным врагом императора. Будучи еще председателем Думы, затем с 1915 года председателем военно-промышленного комитета и находясь в постоянной связи со своим другом генералом Алексеем Андреевичем Поливановым, бывшим военным министром, Гучков много лет всюду, где мог, интриговал и сеял недоверие к царю.

Другое дело В. В. Шульгин, много лет крайний правый член Государственной думы, друг В. М. Пуришкевича, издатель «Киевлянина», наследник Пихно. Как он мог решиться вместе с Гучковым приехать просить царя оставить престол? Шульгин бойкий, неглупый человек. Вероятно, честолюбивые мечты заставили его сделаться националистом, затем войти в прогрессивный блок, играя всюду видную роль. Он постепенно забывал свои «правые» убеждения, исповедовавшие, что православный царь на Руси от Бога. Государю очень тяжело было узнать, что Шульгин едет депутатом сюда, в Псков. Лично я знал Шульгина по его деятельности среди правых партий, мне нравились его речи в Думе, и потому трудно было мне поверить в приезд сюда Шульгина и в его деятельное участие в перевороте.

По виду Шульгин, да и Гучков казались смущенными и конфузливо держались в ожидании выхода государя. Через несколько минут появился его величество, поздоровался со всеми, пригласил сесть всех за стол у углового дивана. Государь спросил депутатов, как они доехали. Гучков ответил, что отбытие их из Петрограда, ввиду волнений среди рабочих, было затруднительно. Затем само заседание продолжалось недолго.

Его величество, как было упомянуто, еще днем решил оставить престол, и теперь государь желал лично подтвердить акт отречения депутатам и передать им манифест для обнародования. Никаких речей поэтому не приходилось произносить депутатам.

Его величество спокойно и твердо сказал, что он исполнил то, что ему подсказывает его совесть, и отказывается от престола за себя и за сына, с которым, ввиду болезненного состояния, расстаться не может.

Гучков доложил, что обратное возвращение депутатов сопряжено с риском, а посему он просил подписать манифест на всякий случай не в одном экземпляре. Государь на это согласился.

В это же время Верховным главнокомандующим всеми российскими силами был назначен государем великий князь Николай Николаевич — наместник Кавказа и глав-

нокомандующий Кавказской армией, о чем была послана телеграмма в Тифлис его величеством.

Затем государь ушел к себе в отделение, а все оставшиеся стали ждать изготовления копии манифеста. Вот, собственно, с формальной стороны и все, что произошло на свидании депутатов Думы Гучкова и Шульгина с его величеством 2 марта в Пскове¹.

Что сказать о настроении всех тех, которые были свидетелями этого глубоко трагичного события?

Среди близких государю, среди его свиты, в огромном большинстве все почти не владели собою. Я видел, как плакал граф Фредерикс, вернувшись от государя, видел слезы у князя Долгорукого, Федорова, Штакельберга, Мордвинова, да и все были мрачны.

Государь после 12 часов ночи ушел к себе в купе и оставался один. Генерал Рузский, Гучков, Шульгин и все остальные скоро покинули царский поезд, и мы не видали их больше.

После часа ночи депутатский поезд, то есть собственно один вагон с паровозом, отбыл в Петроград. Небольшая кучка народа смотрела на этот отъезд. Дело было сделано — императора Николая II уже не было. Он передал престол Михаилу Александровичу.

Пятница, 3 марта

Псков — Витебск — Орша — Могилев

Поздно ночью, в пятницу 3 марта, государь отбыл из Пскова в Могилев. Путь его величества лежал через Остров, Двинск, Витебск, Оршу в Могилев, в Ставку.

От ярко освещенной, но пустынной платформы пассажирского вокзала Пскова отошли собственный его величества и свитский поезда. Только небольшая группа железнодорожных служащих да несколько лиц в военной форме смотрели на отходящие поезда.

Переезд от Пскова до Могилева совершился спокойно, без малейших осложнений. На станциях почти не было публики, только в Витебске, который миновали днем, скопление пассажиров значительно, но никаких волнений, симпатии или антипатии к царскому поезду мы не заметили. Точно это был один из очередных поездов, точно

¹ Описание свидания Гучкова и Шульгина с государем 2 марта, сделанное Шульгиным вскоре после возвращения депутатов в Петроград, составлено довольно верно.

никто не знал, кто находится в этих больших, чудных синих вагонах с орлами.

А между тем по всем линиям, как я уже отметил ранее, разослана была телеграмма члена Думы Бубликова об обнародовании «временного правительствa».

Днем 3 марта с пути его величество послал телеграмму Михаилу Александровичу уже как новому царю, в которой просил его простить, что принужден передать ему тяжелую ношу правления Россией, и желал брату своему успеха в этом трудном деле. Телеграмма простая, сердечная, и она так отражала государя и всю его духовную жизнь. Нет ни малейшей рисовки, ни малейшей позы, а высказан только душевный порыв человека.

Эта телеграмма, может быть, объясняет в значительной степени то сравнительно спокойное отношение к событиям, которое замечалось у государя последние два дня. Его величество надеялся, что брат его, который принимает царство, при том сочувствии со стороны деятелей переворота, успокоит страну, а назначенный государем Верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич сбережет армию от революционного развала и война будет закончена победоносно. Государь, однако, понимал, что Михаил Александрович не опытен в государственных делах, но его величество знал, что брат предан России и любит родину и отдаст себя на служение ей.

В настроении его величества заметна перемена. Он по-прежнему хотя ровен, спокоен, но задумчив и сосредоточен. Видимо, он уходит в себя, молчит. Иногда с особой грустью смотрели его глаза, и в них, в этих особенных — чистых, правдивых и красивых глазах, особенно грустный вопрос: как все это совершилось и сможет ли брат справиться с государством и имел ли он, законный царь, право передать ему Россию.

Все эти дни с 1 марта государь был в кубанской пластунской форме, выходил на воздух, несмотря на свежую ветреную погоду, без пальто, в одной черкеске и башлыке. Он такой молодежавый, бодрый и так легко и скоро ходит. Когда я смотрел на него сегодня, мне припомнились те слова флигель-адъютанта А. А. Дрентельна: «Государь никогда не торопится и никогда не опаздывает». Так ли это теперь, когда все рушится.

К вечеру, когда уже стало темнеть, проехали Оршу — это преддверие Ставки. Шумная толпа, как всегда, наполнила грязную станцию в этом узловом пункте. Но на платформе около поезда было тихо, спокойно.

Около 9 часов государь прибыл в Могилев. Поезд тихо

подошел к «военной» длинной, пустынной, открытой платформе, к которой всегда прибывали царские поезда. Высокие электрические фонари ярко освещали небольшую группу лиц во главе с генералом Алексеевым, прибывших встретить его величество.

Небольшой, с седыми усами, солдатской наружности, невзрачный генерал Алексеев вытянулся, отдал честь. К нему подошел его величество, протянул ему руку, поздоровался, что-то спросил его и затем сел в автомобиль с графом Фредериксом и отправился к себе по пустынным, тихим улицам Могилева. Мы все последовали за его величеством и разместились в своих обычных помещениях.

Час спустя, уже около 11 часов вечера, я прошел в генерал-квартирмейстерскую часть к генералу Клембовскому. Я знаю Владислава Наполеоновича, так как мы одного выпуска из военного училища. Это умный, выдержанный, скрытный человек, хороший офицер Генерального штаба, боевой генерал и известный военный писатель. Нам помещали говорить, так как генерал Алексеев прислал за Клембовским. Я узнал только, что завтра в обычное время, после 9 часов утра, государь прибудет в штаб для выслушивания доклада начальника штаба генерала Алексева в присутствии генерала Клембовского и генерал-квартирмейстера генерала Лукомского.

«Я не могу не выразить удивления, как после того что произошло, государь все-таки будет принимать обычный наш доклад», — сказал мне генерал Клембовский и пошел в кабинет генерала Алексева.

Я спустился на первый этаж и здесь в одной из комнат встретил графа Граббе, который был очень оживлен. На мой вопрос, почему он здесь так поздно, граф Граббе ответил: «Я был у Алексева и просил конвой его величества сделать конвоем Ставки. Он обещал».

Удивленный этими соображениями командира конвоя русского государя устроить этот конвой в Ставку уже без царя, я заметил Граббе, что зачем он так торопится с этим делом, ведь его величество еще в Ставке. «Да, но не нужно упускать времени», — ответил Граббе и быстро ушел из комнаты.

Этот случай был первый из подобных, когда люди так спешно стали менять идею службы, ее принципы...

В комнатах генерал-квартирмейстерской части все было по-прежнему. Дежурили полевые жандармы, сидели офицеры за столами, стучал телеграфный аппарат... На маленькой площади у дворца из старинной ратуши, в круглом садике стояли посты дворцовой полиции, а у подъезда

государя в дубленых постовых тулупах находились по-прежнему парные часовые Георгиевского батальона.

Могилев тих, малолюднен и спокоен, как всегда. В царских комнатах долго, долго светился огонь. Точно ничего не случилось, точно то, что я видел, что все мы пережили, был сон.

Суббота, 4 марта

В Ставке — Могилев

В субботу 4 марта, после утреннего чая в начале 10-го часа, государь прошел, своим обычным порядком, в генерал-квартирмейстерскую часть (дом рядом с дворцом) для принятия доклада генерала Алексеева о положении на фронтах.

Об этом последнем докладе его величеству мне сообщил генерал Клембовский, присутствовавший на нем вместе с генералом Лукомским по службе. Государь, как сказал, в начале 10-го часа пришел в генерал-квартирмейстерскую часть и занял свое обычное место за столом, где ежедневно происходили эти доклады. Спокойно, внимательно слушал государь Алексеева, который сначала волновался, спешил и только через несколько минут под влиянием вопросов его величеству, замечаний и указаний стал докладывать как всегда. «Вот так и состоялся этот исторический последний доклад императору Николаю II от его начальника штаба», — закончил генерал Клембовский.

После известия об отказе Михаила Александровича не только среди лиц, окружавших государя, но и среди всей Ставки не было уже почти никаких надежд на то, что Россия сможет вести войну и продолжать сколько-нибудь правильную государственную жизнь. Надежда, что «учредительное собрание» будет правильно созвано и утвердит царем Михаила Александровича, была очень слаба и в нее почти никто не верил. Прав был К. Д. Нилов, говоря, что Михаил Александрович не удержится и за сим наступит всеобщий развал.

Среди Ставки, которая в огромном своем большинстве была против переворота, начали ходить особенно мрачные слухи после того, как появилось известие об организации Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, требования которых направлены к развалу армии и к передаче власти в войсках солдатской массе. Уже сегодня генерал Алексеев полтора часа по прямому проводу говорил с военным министром Гучковым и убеждал его не допускать

опубликовывать приказ № 1, так как это внесет полную дезорганизацию в части войск и вести войну мы не будем в состоянии. Гучков, однако, отвечал, что надо уступить требованию представителей «освобожденной армии», и приказ был опубликован и разослан. По поводу приказа № 1 и солдатских комитетов генерал Клембовский говорил мне, что генерал Алексеев негодовал на Гучкова и со злобой сказал: «Единственно, что остается, это немедленно дать разрешение офицерам вне службы носить штатское платье. Только это и поможет им иногда избавляться от произвола и наглости революционных солдат».

Кажется, 4 марта вечером выезжали из Ставки граф Фредерикс и генерал Воейков. Я пошел с ними проститься. После прощания с графом Фредериксом я прошел в комнаты дворцового коменданта. Здесь было много народа, все подчиненные генерала Воейкова, сослуживцы, вся свита государя пришли проводить Владимира Николаевича. Он бодрился, все время распоряжался своим огромным, в необычайном порядке, багажом, отдавал приказания прислуге и отрывисто переговаривался со всеми нами. «Я надеюсь пробраться к себе в пензенское имение и, может быть, смогу там жить», — сказал он.

Скоро дворцовый комендант вместе с подполковником Талем, бывшим офицером л.-гв. гусарского его величества полка, которым командовал до войны генерал Воейков, отправился на вокзал. Они поместились в вагоне II класса незаметно, но, конечно, могли проехать недалеко и были задержаны на одной из ближайших к Могилеву станций и через Москву отправлены в Петроград, где генерала Воейкова и арестовали...

Вторник, 7 марта

В Ставке — Могилев

Солдатская масса Ставки, спокойная в первые часы революции и совершенно не ожидавшая нагрянувших событий, стала понемногу волноваться. Приехали агитаторы, появились газеты, радостно сообщавшие о «бескровных днях» переворота, наконец, ясный переход генерала Алексеева на сторону Временного правительства, все это сделало то, что и войска царской Ставки начали организовывать митинги, собрания, тем более что еврейский Могилев, конечно, стал идти полным ходом к «свободе».

Утром стало известно, что на базаре соберутся войска Ставки и будет какой-то митинг. Генерал Алексеев, желая

сдержат солдат, приказал, чтобы свои части сопровождали офицеры. На этом митинге должны были быть и роты собственного его величества железнодорожного полка. Я сидел в комнате моего соседа барона Штакельберга, и туда, смущенный и растерянный, пришел командир этого полка генерал Цабель. Ему не хотелось быть на этом солдатском митинге. Он не знал, как отнесутся к нему солдаты, до сих пор ведущие себя очень хорошо и вполне дисциплинированно. Полк этот был в блестящем до переворота состоянии в руках умного, толкового командира и с прекрасным составом офицеров. К тому же генерал Цабель не знал, надо ли быть в погонах с вензелями государя, или их надо снять, как этого хотел генерал Алексеев.

«Не знаю как и быть,— говорил Сергей Александрович Цабель,— пожалуй, уже все солдаты сняли вензеля и выйдет скандал, если придем с «Н» на погонах. Надо снять». И он стал снимать вензеля с пальто, но дело не ладилось, и генерал обратился к стоявшему здесь же старому преображенцу, курьеру Михайлову: «Михайлов, помоги мне, сними с погон вензеля». — «Никак нет, не могу, увольте. Никогда это делать не согласен, не дай Бог и смотреть». И он, потупившись, отошел. Вышло очень неловко, и сцена эта произвела на всех крайне тягостное впечатление.

Генерал Цабель замолчал, нахмурился и стал сам ковырять что-то на погонах.

Среда, 8 марта

Отъезд государя императора из Ставки

Утром в среду 8 марта в Ставке было получено известие, что назначенный 2 марта государем императором Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич выехал из Тифлиса и прибудет в Могилев после 9 марта. Генерал Алексеев все важные вопросы откладывал до вступления в командование нового Верховного. В 3-м часу ночи военная платформа стала наполняться провожающими государя. Тут находились великие князья Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович и очень заметно выделялась огромная фигура старика, принца Александра Петровича Ольденбургского с красным обветренным лицом, в полушубке; он стоял, опираясь на палку. Весь высший командный состав Ставки был налицо: генералы Алексеев, Клембовский, Лукомский, Кондзеровский, адмирал Русин и другие генералы, офицеры и гражданские чины. Была и частная публика и простонародье, но так

как неизвестен был час отъезда государя, то сравнительно частной публики было немного — человек 150, не более.

Стояла ветреная, холодная погода. Поезд с депутатами все не приходил, и все собравшиеся разбрелись по путям, находились около государева поезда, в который вносили багаж и разные вещи, подходили к поезду императрицы Марии Федоровны, где пребывал его величество, и там протекали последние минуты свидания перед тяжелой, неопределенной и страшной их разлукой.

Генерал Алексеев все время распоряжался, говорил то с тем, то с другим и раза два входил в вагон императрицы к государю.

Как-то не ладилась разговоры. Все были молчаливы и коротко отвечали друг другу. Все понимали, что настал последний момент расставания, и у всех сжималось сердце о судьбе царя, о России и о себе самом.

Около 4 часов прибыл поезд с депутатами Государственной думы с Бубликовым во главе. Они появились как-то неожиданно у царского поезда и стали переговариваться с генералом Алексеевым. Это были люди определенной окраски и показались мне неприветливыми, враждебно настроенными, только Бубликов чуть-чуть был пообходительнее. Все эти депутаты принадлежали к левому крылу Государственной думы; я не помню их фамилий.

Сейчас по своем прибытии Бубликов передал распоряжение Временного правительства о запрещении адмиралу Нилову следовать с государем и приказание остаться в Ставке. «Что же, я арестован?» — спросил мрачно Нилов. «Нет, но вы должны остаться здесь», — ответил Бубликов. Нилов гневно отошел, и я, стоявший с ним рядом, искренно ожидал, что адмирал как-либо оскорбит депутата. После переговоров Бубликова с генералом Алексеевым оказалось, что государь должен считать себя арестованным и лишенным уже свободы. Это распоряжение произвело крайне тяжелое впечатление на всех и вызвало большое негодование и волнение среди свиты и некоторых других лиц Ставки.

«Как, почему, с какой стати, какие основания, неужели Алексеев решится передать это заявление его величеству?» — говорили многие. Оказалось, однако, что генерал Алексеев передал государю: «Ваше величество должны себя считать как бы арестованным». Я не был при этом разговоре, но слышал, что государь ничего не ответил, поблел и отвернулся от Алексеева.

Государь был очень далек от мысли, что он, согла-

сившийся добровольно оставить престол, может быть арестован.

Прошло еще минут 10—15. Мы все напряженно стояли у вагонов при полной тишине. Еще раз прошел, почти пробежал, генерал Алексеев в вагон императрицы, пробыл там несколько минут и вышел оттуда. Вслед за ним отворилась вагонная дверь, и государь стал спускаться по ступенькам на рельсы. До государева поезда было шагов 20—30, и его величество сейчас же дошел до своего вагона. Тут к нему подошел адмирал Нилов и, схватив руку государя, несколько раз ее поцеловал. Его величество крепко обнял своего флаг-капитана и сказал: «Как жаль, Константин Дмитриевич, что вас не пускают в Царское со мною».

Затем государь поднялся в свой вагон и подошел к окну, стараясь его протереть, так как оно было запотелое. Наконец поезд тронулся. В окне вагона виднелось бледное лицо императора. Генерал Алексеев отдал честь его величеству.

Последний вагон царского поезда был с думскими депутатами; когда он проходил мимо генерала Алексеева, то тот снял шапку и низко поклонился. Помню, этот поклон депутатам, которые увозили царя «как бы арестованным», тяжело лег на сердце и окончательно пошатнул мое мнение об Алексееве.

Четверг и пятница, 9—10 марта

Сама Ставка после отъезда государя из Могилева во многом изменила свой вид, тон и настроение. Весь командный состав — в ожидании приезда великого князя Николая Николаевича. Революционное настроение от Петрограда расходуется по всей России, докатывается до Ставки и добирается до фронта. Революционная агитация, новые деятели Временного правительства продуктивно работают в своих целях, и вся надежда разумных людей Ставки сосредоточена на новом Верховном главнокомандующем, который может еще своим именем, своей несомненной популярностью, авторитетом сдержать развал в войсках и тем предотвратить гибель родины. Однако уже начали опасаться, что Временное правительство великого князя Николая Николаевича, как Романова, не допустит стать Верховным главнокомандующим. Высказывалось мнение, что Временное правительство проведет назначение Верховным Алексеева. В Ставке уже начали появляться все больше и больше лиц из Петрограда, приверженных новому военно-морскому министру Гучкову и его сторон-

никам. На станции в эти дни уже стоял вагон генерала Поливанова, охраняемый юнкерами. Бывший военный министр прибыл из Петрограда в Ставку, дабы дать указания о более спокойном и гладком проведении в жизнь армии новых оснований ее строя, связанных с приказом № 1 и с новосоздаваемыми солдатскими комитетами.

В штабе, в столовой можно было видеть иногда прибывших из Петрограда офицеров, украшенных красными бантами, которые, однако, они быстро снимали, так как никто в Ставке этой эмблемы революции не надевал в эти дни.

Адмирал Нилов жил рядом со мной, он переехал из дворца и поместился в нашем доме. Дом, где жил государь, заперли; там шел разбор вещей и отправка некоторого дворцового имущества в Петроград. Странно и смешно было смотреть и сознавать, как от нас отняли белье, посуду... В штабной столовой Нилов и я с трудом находили себе место. Перемена в отношениях к нам была значительная.

Начались уже собрания офицеров, и какой-то военный чиновник читал лекции об основах всеобщего голосования (четырёххвостке), необходимого для Учредительного собрания, а полковник Генерального штаба Плющевский-Плющик, один из первых председателей комитета офицерско-солдатских депутатов, делал всякие пояснения по этому вопросу.

Не помню точно, но кажется, на второй день по отбытии государя в Царское Село, то есть, должно быть, 9 марта состоялось приведение к присяге Ставки Верховного главнокомандующего. Утром, часов около десяти, на площади Могилева перед старой ратушей и зданием присутственных мест, где находилось, как я упоминал, управление генерал-квартирмейстерской части, и близ дома, где жил государь, собрали войска, все офицерство и весь генералитет Ставки. Духовенство в зеленых военных ризах поместилось в центре шеренг солдат и групп офицеров. Поставлен аналой с св. крестом и Евангелием. Среди присягавших я заметил великих князей Бориса Владимировича, Александра Михайловича, генералов Алексеева, Кондзевского, Борисова и многих других. Седой священник громко читал новосозданную присягу Временному правительству взамен нашей старой, составленной великим Петром, и вся площадь с солдатами, офицерами и даже великими князьями, поднявши правые руки, повторяла новые, во многом неясные слова присяги и затем целовали св. крест и Евангелие. Была оттепель. Шел мокрый снег. На-

строение у всех было равнодушное, безразличное. Присяга закончилась быстро, и ясно было, что соблюдали необходимую формальность, и спешно разошлись по местам. Мы с адмиралом Ниловым стояли несколько в стороне и наблюдали обряд присяги, не участвуя в ней. Помню, что вместе с нами находились несколько офицеров штаба, которые явились тоже, но только смотрели, как присягали войска.

А так недавно на той же площади служились молебны по случаю полковых праздников конвоя его величества и других частей в высочайшем присутствии, и государь обходил войска, поздравлял людей, и те радостно и восторженно смотрели на него и гордились, что их праздник посетил царь.

Перемена событий невероятно быстрая, но худо верилось, что не будет новых явлений более грозных и неожиданных и вряд ли новая присяга русской армии будет держаться так же верно, как Петровская клятва держалась более 200 лет.

Кажется, 10 марта поезд великого князя Николая Николаевича прибыл в Могилев. С ним прибыли великий князь Петр Николаевич с сыном Романом Петровичем, пасынок Николая Николаевича герцог Лейхтенбергский, князь В. Н. Орлов, генерал Крупенский и несколько адъютантов. Их рассказы полны интереса. Находившиеся в Харькове и тоже встречавшие Николая Николаевича генерал-адъютант хан Гуссейн-Нахичеванский и князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон убеждали великого князя не ехать в Ставку, находящуюся всецело под давлением Временного правительства, которое определенно стоит за устранение Николая Николаевича, как Романова, от командования и против предоставления ему власти. Великий князь глубоко задумался, долго сидел один, затем советовался с братом Петром Николаевичем, генералом Янушкевичем и другими лицами своей свиты и решил в конце концов не менять маршрута и следовать в Могилев. Кажется, на второй день великие князья Николай и Петр Николаевичи и князь Роман Петрович, его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский и пасынок великого князя Николая Николаевича герцог Лейхтенбергский и вся свита их приняли присягу Временному правительству в вагоне поезда его высочества. Николай Николаевич очень нервно был настроен, и его руки, подписывая присяжный лист, тряслись. Приводил к присяге священник Ставки, и присутствовал при этом, вместо генерала

Алексеева, дежурный генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский. Все это мне передавали очевидцы присяги.

Самое назначение великого князя Верховным главнокомандующим и затем отношение Николая Николаевича к последующим событиям после переворота, то есть после 2 марта мне выясняются с полной определенностью из следующих данных, сообщенных мне лицами, которые были не только свидетелями событий, но и знали все подробности от его высочества наместника Кавказа¹. Вот как произошло назначение Николая Николаевича Верховным и вот те причины, почему великий князь оставил армию.

После получения от его величества телеграммы о назначении Верховным главнокомандующим великий князь немедленно решил оставить Тифлис и направиться в Ставку, в Могилев. В это же время, то есть в первые дни марта, доставлена была депеша его высочеству от генерала Алексеева, в которой начальник штаба Верховного сообщает, что, учитывая создавшуюся обстановку, все главнокомандующие и он сам (генерал Алексеев) пришли к убеждению в необходимости для спасения России и победоносного окончания войны просить государя императора отречься от престола. Кроме того, ввиду изложенных соображений начальник штаба Верховного просит великого князя присоединить свой голос к остальным голосам главнокомандующих в обращении к его величеству и в свою очередь лично от себя телеграфировать об оставлении престола царем. Для великого князя телеграмма генерала Алексеева была совершенно неожиданна, так как на Кавказе симптомов крушения государственной власти не было. Грозность обстановки, побудившая, вероятно, генерала Алексеева телеграфировать великому князю, не дала возможности его высочеству успеть проверить сообщенные данные, ему пришлось принять на веру все эти известия. На основании всех этих заявлений и событий Николай Николаевич присоединил свой голос к голосам высших представителей армии и телеграфировал государю.

Николай Николаевич, отправив указанную телеграмму, уже 4 марта отдал приказ по войскам Кавказской армии, в котором он повелевает всем войсковым начальникам, от старшего до младшего, что после оповещения двух актов (об отречении государя императора Николая II и великого князя Михаила Александровича) они должны спокойно ждать изъявления воли народа и свято исполнять повеле-

¹ Переданы генералом бароном Сталем с разрешения великого князя Николая Николаевича в Риме в мае 1920 г.

ние закона и по чести оберегать родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе.

В это время великий князь обменялся следующими телеграммами с главою правительства: 4 марта Николай Николаевич телеграфировал князю Львову о необходимости поддержки общего порядка в стране, что поддержит в свою очередь порядок в войсках. Через день его высочество получил от князя Львова ответ, что Временное правительство вполне уверено в настроении армии и что она даст победоносный конец войне. Вместе с сим князь Львов спрашивал, когда великий князь будет в Ставке. На эту телеграмму Николай Николаевич ответил, что будет в Ставке 10 марта и рад принять князя Львова. Затем, по прибытии своем в Ставку в Могилев, великий князь Николай Николаевич немедленно вступил в командование и, приняв должность Верховного главнокомандующего, отдал о сем приказ, но он не был объявлен, по крайней мере ни самому великому князю, ни его свите не приходилось его встречать. Мне лично тоже не пришлось читать этот приказ в Ставке, хотя я в эти дни бывал постоянно в штабе Верховного, ожидая распоряжений о себе, и, если бы приказ был объявлен, нельзя было бы его пропустить, тем более что все его ждали. Приходится отметить, что «первый приказ Верховного, Николая Николаевича», так же как последний приказ «Верховного, государя императора», от 8 марта, генерал Алексеев, по соглашению с Временным правительством, оповещать не решился, и русской армии побоялись в эти дни совершенного переворота передать прощальное слово царя и вступительный приказ Николая Николаевича.

11 марта великий князь получил письмо от Временного правительства, подписанное князем Львовым. Из этого письма видно, что оно должно было быть доставлено Николаю Николаевичу до прибытия его высочества в Ставку. В этом документе сказано, что Временное правительство незадолго до отречения государя, обсудив народное мнение, решительно и настойчиво высказывающееся против дома Романовых, пришло к заключению, что оно не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа и убеждено, что великий князь во имя блага родины пойдет навстречу требованиям положения и сложит с себя командование до прибытия в Ставку.

На это письмо великий князь ответил: «Идя навстречу высказанным желаниям, чтобы я сложил с себя Верховное командование во имя блага родины, я это делаю и рад, что

могу вновь высказать любовь к родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась, и поэтому отдаю приказ о сдаче командования генералу Алексееву, согласно положению о полевом управлении войск».

Приводимые мною глубокого и высокого значения данные получены мною, как упомянуто выше, из несомненных источников¹.

Очень любопытно, что Временное правительство только в самом конце мая, то есть через три месяца после фактического ухода из армии великого князя, решилось объявить об отчислении от должности Верховного Николая Николаевича. В «Русском инвалиде» от 27 мая 1917 года № 122 появился приказ, помеченный от 11 марта, в котором говорится: числящийся по гвардейской кавалерии и состоящий по Уральскому и Кубанскому казачьим войскам, Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич отчисляется от должности вследствие его ходатайства об освобождении от Верховного командования и освобождается от службы.

В этом приказе помещена неправда о «ходатайстве» его высочества об освобождении от Верховного командования. Такого ходатайства не было.

Сдача великим князем Верховного командования генералу Алексееву повергла всех в полное уныние, и стало ясно, что революция теперь не остановится и скорая гибель армии, а с ней и России, неизбежна. Ставка при этом хорошо понимала, что генерал Алексеев Верховным главнокомандующим ни по своему характеру, ни по своим способностям, ни по системе своего труда, при котором он стремился одинаково внимательно разрешить и крупные и мелкие вопросы, быть не может.

Генерал Алексеев был ценный начальник штаба, и не более.

Великий князь отбыл в Крым, где стал жить уединенно частным человеком.

Через несколько дней генерал Алексеев, по моему ходатайству, разрешил мне выехать из Ставки.

¹ Все эти данные получены мною 29 мая/11 июня 1920 года в Риме от генерала барона Сталя по приказанию великого князя Николая Николаевича.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА

Во вторник, 21 февраля 1917 года, вечером, находясь у себя дома, в Гатчинском дворце, я получил уведомление от командующего императорской главной квартирой графа Фредерикса, что, согласно высочайшему повелению, я назначен сопровождать государя в путешествии в Ставку для несения дежурства при его императорском величестве. Отбытие императорского поезда из Царского Села было назначено около трех часов дня, в среду 22 февраля. Это уведомление явилось несколько неожиданным. Я накануне только что вернулся из Царского Села с дежурства по военно-походной канцелярии, и тогда еще не было никаких разговоров об отъезде. Внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку.

Отчасти государя удерживала и болезнь наследника и великих княжен, заболевших корью, положение которых вызывало большую тревогу. Этой болезнью Алексей Николаевич заразился от одного из товарищей его детских игр в Ставке. Их было двое случайно встреченных во время прогулок в Могилеве: один — кадет Орловского, другой, кажется, Псковского или Полтавского корпусов. Очень милые, скромные мальчики, полусироты, дети очень бедных матерей, они были переведены затем в Петроградские корпуса, изредка навещали Алексея Николаевича, любившего их, и во время минувших рождественских праздников занесли корь из своего корпуса и во дворец. У великих княжен болезнь, хотя и в тяжелой форме, протекала нормально, но хрупкое здоровье Алексея Николаевича очень заботило их величества и не предвещало близкого улучшения.

Я наскоро сделал необходимые распоряжения, простился с взволнованной женой и с тяжелым чувством вы-

ехал из Гатчины утром 22 февраля. Вместе со мною поехал и преданный нашей семье дворцовый лакей, добродушный старик ворчун В. А. Лукзен, всегда сопровождавший меня в различных поездках и служивший еще отцу моей жены.

Я приехал в Царское Село около 12 часов, переоделся в служебную форму и пошел завтракать в соседнее помещение, к товарищу по службе флигель-адъютанту Дену, помощнику начальника военно-походной канцелярии. Кроме самого хозяина и Киры Нарышкина, я застал там и жену Дена, Софью Владимировну, урожденную Шереметьеву. Завтрак прошел в очень тягостном настроении, в каком мы находились все за последнее время. Всем хотелось больше думать, чем говорить, а тогдашние злобы дня не могли сделать разговор для меня очень занимательным. Вспоминаю только, что пребывание в Ставке предполагалось непродолжительным и намечалось скорое возвращение. Около 3 часов мы с Нарышкиным поехали в царский павильон, где уже собрались для проводов все обычные в этих случаях лица.

Вскоре прибыли их величества. Государь обошел всех собравшихся, простился в своем вагоне с императрицей, мы вошли в поезд, и он незаметно тронулся в путь. В эту последнюю поездку государя сопровождали: министр двора граф Фредерикс, флаг-капитан его величества адмирал К. Д. Нилов, дворцовый комендант В. Н. Воейков, гофмаршал князь В. А. Долгорукий, командир конвоя граф А. Н. Граббе, лейб-хирург профессор С. П. Федоров, начальник военно-походной канцелярии К. А. Нарышкин и дежурные флигель-адъютанты герцог Н. Н. Лейхтенбергский и я. Комендантом императорского поезда был начальник дворцовой полиции полковник Герарди, помещавшийся в служебном вагоне вместе с начальником императорских поездов инженером Ежовым. В другом, служебном, почему-то называемом «свитским», поезде, следовавшем обыкновенно в часовом расстоянии от императорского, насколько я помню, находились: генерал Цабель, командир железнодорожного полка барон Штакельберг, чиновник канцелярии министерства двора генерал Дубенский, описывавший в издаваемых периодически книжках пребывание государя в действующей армии, чиновник гофмаршальской части Суслов и находившиеся в наряде офицеры собственного его величества полка, конвоя государя и железнодорожного батальона. Потянулась обычная в наших путешествиях жизнь, столь мне знакомая и привычная за последние годы. Императорский поезд был невелик. Он состоял в центре из вагона его величест-

ва, где находились спальня и кабинет государя; рядом с этим вагоном был, с одной стороны, наш свитский вагон из восьми отделений, а с другой — вагон-столовая, с отделением салона для приемов. Далее шли кухня с буфетом, вагон, где помещалась военно-походная канцелярия, и последний служебный вагон, где помещались железнодорожные инженеры и начальник той дороги, по которой приходилось следовать поезду.

Время в путешествиях, если не было смотров и приемов, распределялось обыкновенно, как и дома, следующим образом: завтрак в час дня, обед в восемь часов, дневной чай в пять часов, вечерний около одиннадцати. Государь вставал рано, но выходил в столовую не раньше девяти или девяти с половиною часов. Лица свиты к утреннему брекфасту появлялись в разное время; некоторые из нас пили утром кофе у себя в купе, но все неизменно собирались вместе к обеду, завтраку и дневному чаю. К высочайшему обеду, кроме лиц свиты, приглашались всегда начальник императорского поезда и начальник дороги.

Обед бывал всегда очень скромный, непродолжительный и состоял из трех блюд, как и в Ставке, где, даже не смотря на приемы «знатных иностранцев», изредка наезжавших в Могилев, ничего не прибавлялось лишнего. Вопреки кем-то пущенным слухам, вина государь совершенно не любил и выпивал иногда у себя за обедом лишь одну небольшую рюмку портвейна, довольствуясь большею частью превосходным сухарным квасом.

Встав из-за стола, государь немедленно удалялся в свой вагон, где продолжал заниматься делами. Иногда, на какой-нибудь продолжительной остановке, государь выходил с противоположной стороны от платформы для небольшой прогулки. Его всегда сопровождали дежурный флигель-адъютант, ординарец-урядник конвоя и кто-нибудь из лиц свиты, вышедших также подышать свежим воздухом. Иногда вечером, когда не было очередного фельдъегеря с бумагами, перед вечерним чаем, его величество, закончив текущие дела, предлагал сыграть две-три партии в домино. Обычными партнерами государя при этом бывали адмирал Нилон, граф Граббе и я.

Во время движения в поезде получались на имя его величества агентские телеграммы, и государь обыкновенно просматривал их за утренним, дневным и вечерним чаем, передавая их затем для прочтения и нам. Тут завязывались всегда очень оживленные беседы на известия со всего мира, в которых войне было отведено главное место. Вопросы о нашей внутренней политике и «злобах дня» госу-

дарь, видимо, избегал касаться. Чувствовалось, что это было отнюдь не из-за недоверия к нам, а лишь невольное нежелание его величества касаться в редкие минуты отдыха того, о чем ему и без того часами и днями приходилось мучительно думать одному и говорить с многочисленными правительственными лицами во время докладов и приемов.

В эту поездку государь, как всегда, был спокоен и ровен, но что-то озабоченное, порою очень грустное, на мгновение появлялось на его лице и опять исчезало...

На другой день, в четверг 23 февраля, поезд подошел к Могилеву. На платформе обычная встреча из начальников отделов в Ставке во главе с генералом Алексеевым — начальником штаба, только что вернувшимся после болезни из Крыма.

Государь обошел всех собравшихся, а затем в автомобиле вместе с графом Фредериксом проехал в губернаторский дом — дворец, как его называли.

В тот день я не был дежурным и направился прямо в свою гостиницу «Франция», которая была снята гофмаршальской частью под помещение для лиц свиты.

В четверг, пятницу, субботу и воскресенье потянулась обычная однообразная жизнь в Могилеве, где один день походил на другой, как две капли воды.

В Ставке государь жил в довольно неудобном губернаторском доме, в котором наверху занимал две комнаты: одна служила кабинетом, другая спальней, где вместе с походной кроватью государя стояла такая же походная кровать для наследника, на которой он спал во время своих частых пребываний в Могилеве. Рядом с кабинетом находилась пустынная приемная зала и столовая, а низ дома занимала часть свиты.

Неизменно в десять часов утра, после утреннего чая, к которому постепенно собиралась вся ближайшая свита, государь направлялся пешком, в сопровождении дежурного флигель-адъютанта и дворцового коменданта, в штаб Верховного главнокомандующего, где и занимался с генералом Алексеевым до завтрака, который был в час дня и к которому, как и к обеду в семь с половиною часов вечера, приглашались все начальники иностранных военных миссий и, по очереди, начальники разных отделов Ставки, а также приезжавшие в Могилев с докладом министры и чины фронта.

После завтрака государь занимался у себя в кабинете, подготавливая необходимые бумаги для отправки с отъезжавшим фельдъегерем, а затем до дневного чая его величество

и желающие из свиты выезжали за город на автомобилях и делали несколько верст прогулки пешком, всегда быстрым шагом, и возвращались к короткому дневному чаю, после которого государь снова направлялся в кабинет для работы или принимал доклады разных лиц, прибывавших из Петрограда или с фронта.

Я не помню, чтобы в эти предпоследние дни кто-либо из министров или общественных деятелей приезжал в Могилев. Настроение в Ставке, обыкновенно более бодрое и серьезное, более «разное», чем в столичном тылу, в эти дни мало отличалось от угнетенного петроградского. Мне удалось лишь мельком видеть генерала Алексеева и сказать с ним несколько незначительных фраз.

Скромный до застенчивости, мало разговорчивый всегда, он был на этот раз особенно замкнутый и ушедший в себя. Видимо, он еще далеко не оправился от болезни, страдал очень сильно от нее, хотя и бодрился и не бросал даже мелочной работы, которая поглощала все его свободное время.

С остальными чинами Ставки меня и не тянуло говорить в эти дни,— я знал заранее, к каким сетованиям сведутся разговоры и на какие сплетни будут осторожно, но настойчиво намекать.

Генерала Алексеева я хотя знал и давно — еще молодым армейским пехотным офицером, только что окончившим академию,— но все же знал очень мало, почти не знал совсем.

Я его тогда же потерял из виду и встретился с ним мельком лишь как с главнокомандующим Западного фронта, в Барановичах.

Он и через 26 лет остался тем же скромным, застенчивым человеком, далеким от карьеризма и, как мне казалось, сплетен, к которому я чувствовал поэтому невольную симпатию.

Эти основные качества его натуры были, по-моему, очень схожи с простотою и замкнутым же скромным, стесняющимся характером государя, и я убежден по многим признакам, что его величество относился к генералу Алексееву с большей симпатией и любовью, чем к другим, не обладавшим такими чертами характера.

Понимал ли генерал Алексеев государя настолько, чтобы любить его как человека, был ли предан ему, как настоящий русский своему настоящему русскому царю,— вот те вопросы, которые я задавал себе неоднократно тогда и потом, и как тогда, так и потом, вплоть до настоящего времени, не мог себе с достаточной ясностью на

них ответить. Многое, а после отречения и, судя по искренним рассказам его семьи, очень многое мне говорило «да», но всегда с неизменной во мне прибавкою — «вероятно, недостаточно крепко, хотя бы до забвения сплетен».

Генерал Борисов, близкий друг М. В. Алексеева, в частных разговорах со мною уже после отречения неоднократно выражал сожаление, что государь «не сумел с достаточной силой привязать к себе Михаила Васильевича и мало оказывал ему особенного внимания, недостаточно выделяя его якобы из других». «Тогда все было бы, конечно, иначе», — неизменно, с полным убеждением доказывал мне Борисов.

Я не думаю, чтобы это было так.

Генерал Алексеев, по свойству своего характера, ничего, наверное, показного не требовал и тем менее домогался. Он даже отказывался от звания генерал-адъютанта, говоря графу Фредериксу, что «такой милости пока еще не заслужил».

Все же нельзя сказать, чтобы к генералу Алексееву в те тяжелые и смутные дни свита, находившаяся в Ставке, относилась с безусловным доверием и надеждой.

Что-то очень неопределенное, хотя и совершенно неподозрительное, заставляло большинство из нас желать постоянной, а не временной, лишь ввиду болезни генерала Алексеева, замены его генералом Гурко, обладавшим, по нашему разумению, более решительными качествами характера и более прочно сложившимися традициями, чем генерал Алексеев, нуждавшийся к тому же в продолжительном отдыхе.

Желание это высказывалось неоднократно в наших интимных беседах за последние месяцы, было, конечно, совершенно далеким даже от намека на какую-либо интригу и осталось в числе тех многих платонических пожеланий, которыми мы иногда себя тешили в те дни.

В субботу 25 февраля была наша последняя продолжительная прогулка с государем по живописному Могилевскому шоссе к часовне, выстроенной в память сражения в 1812 году, бывшего между нашими и наполеоновскими войсками.

Был очень морозный день, с сильным ледящим ветром, но государь по обыкновению был лишь в одной защитной рубашке, как и все мы, его сопровождавшие. Его величество был спокоен и ровен, как всегда, хотя и очень задумчив, как все последнее время. Навстречу нам попадалось много людей, ехавших в город и с любопытным недоумением смотревших на нас.

Помню, что во время этой прогулки его величество сообщил нам, что получил печальное известие о том, что великая княжна Анастасия Николаевна заболела корью и что теперь из всей семьи только Мария Николаевна еще на ногах, но что он опасается, что и она скоро разделит участь своих сестер.

Вечером в этот день государь был по обыкновению у всенощной. В воскресенье, 26 февраля утром, как всегда пешком, в сопровождении свиты его величество отправился в штабную церковь к обедне, и, как всегда, большая толпа собралась по сторонам прохода и на площади, чтобы посмотреть на царя.

После церкви государь пошел на занятия в штаб, где оставался очень долго. Прогулки в этот день не было, чем я воспользовался и прошел в Могилевскую городскую думу, где находились портреты императора Павла работы Боровиковского, с которых я присил нашего фотографа Гана снять фотографии, так как намеревался заказать с этих портретов копии взамен сгоревших у меня вместе с домом таких же точно картин Боровиковского. Мне этих портретов было более жаль, чем самого дома, так как они были единственными в своем роде.

Я тогда еще мог думать о таких мелочах и даже строить предположения о близком будущем.

Вечер этого последнего, относительно спокойного для меня, дня прошел обычным порядком. Ввиду воскресенья посторонних докладов не было, и после долгого промежутка мы — адмирал Нилов, граф Граббе и я — по предложению его величества сыграли две партии в домино, но государю, видимо, было не по себе, и мы вскоре разошлись. В понедельник, 27 февраля, я был дежурным при его величестве. Утром государь отправился по обыкновению в штаб, где и оставался необычно долго.

В ожидании выхода государя от генерала Алексеева я прошел в одну из комнат генерал-квартирмейстерской части, где встретил генерала Лукомского, бывшего тогда генерал-квартирмейстером в Ставке.

Он был, видимо, чем-то очень взволнован и удручен. На мой вопрос, «что нового и что случилось», он ответил, что «на фронте, слава Богу, ничего худого, но что ночью получилось известие, что в Петрограде со вчерашнего дня начались сильные беспорядки среди рабочих, что толпа громит лавки, требует хлеба и настолько буйствует, что приходится употреблять в дело войска, среди которых много ненадежных».

Генерал Беляев, бывший тогда военным министром,

хотя и успокаивает, что беспорядки будут прекращены, но генерал Хабалов, командующий войсками округа, говорит другое и просит подкреплений, так как не надеется на свои запасные части.

Была получена и телеграмма от Родзянко, указывавшего, что единственная возможность прекратить беспорядки — это немедленное формирование ответственного министерства.

По имевшимся сведениям, в то время из-за снежных заносов Петроград был обеспечен продовольствием на восемь дней, а войска Северного фронта на полмесяца. Государь оставался долго у генерала Алексеева и вернулся, опоздав к завтраку, озабоченный. Иностранные представители, вероятно, уже получившие тревожные сведения, были очень смущены, но, видимо, и они надеялись, что беспорядки будут вскоре прекращены. По крайней мере, они это высказывали довольно искренно и убежденно.

После завтрака, около двух часов дня, когда я спускался по лестнице вместе со всеми приглашенными, чтобы пойти на свободный час домой, на нижней площадке меня остановил с крайне озабоченным видом дежурный полковник штаба, кажется, Гюленбегель, с открытыми телеграммами в руке. «Генерал Алексеев, — обратился он ко мне, — приказал передать лично вам эти телеграммы и просит вас, чтобы вы, лично же, не передавая никому другому, немедленно же доложили его величеству». На мой вопрос, что это за телеграммы, полковник отвел меня в сторону, к окну, и сказал: «Вот, прочтите сами, что делается в Петрограде. Сейчас, когда я уходил из штаба, я мельком видел, что получились и еще более ужасные известия».

Я наскоро, взволнованный, просмотрел протянутые мне телеграммы: их было две, одна от генерала Беляева, другая от генерала Хабалова, обе на имя начальника штаба для доклада государю. В обеих говорилось почти одно и то же, что войска отказываются употреблять оружие и переходят на сторону бунтующей черни; что взбунтовались запасные батальоны гренадерского и волынского полков, перебили часть своих офицеров и что волнения охватывают и другие части. Они прилагают все усилия, чтобы с оставшимися немногими верными присяге частями подавить бунтующих, но что положение стало угрожающим и необходима немедленная помощь.

«Генерал Алексеев, — добавил мне штаб-офицер, — уже докладывал утром его величеству о серьезности положения, и подкрепления будут посланы, но с каждым часом положение становится все хуже и хуже».

Не буду говорить, что перечувствовал я в эти три-четыре минуты, читая такие неожиданные для меня известия и подымаясь навверх к кабинету государя. Я постучал и вошел.

Его величество стоял около своего письменного стола и разбирал какие-то бумаги. «В чем дело, Мордвинов?» — спросил государь. Наружно он был совершенно спокоен, но я чувствовал по тону его голоса, что ему не по себе и что внутренне его что-то очень заботит и волнует. «Ваше величество, — начал я, — генерал Алексеев просил вам представить эти, только что полученные телеграммы... Они ужасны... В Петрограде с запасными творится что-то невозможное...»

Государь молча взял телеграммы, бегло просмотрел их, положил на стол и немного задумался. «Ваше величество, что прикажете передать генералу Алексееву», — прервал я эту мучительную до физической боли паузу. «Я уже знаю об этом и сделал нужные распоряжения генералу Алексееву. Надо надеяться, что все это безобразие будет скоро прекращено», — ответил с сильной горечью и немного раздраженно государь.

«Ваше величество, мне дежурный штаб-офицер сказал, что видел в штабе новые, уже после этих полученные телеграммы, где говорится, что положение стало еще хуже, и просят поторопить присылкою подкреплений...»

«Я еще увижу генерала Алексеева и переговорю с ним», — спокойно, но, как мне почувствовалось, тоже довольно нетерпеливо сказал государь и снова взял со стола положенные телеграммы, чтобы их перечитать.

Я вышел, как сейчас помню, с мучительной болью за своего дорогого государя, со жгучим стыдом за изменившие ему и родине, хотя и запасные, но все же гвардейские части.

Я хотел верить и успокаивал себя, что присланные настоящие военные части сумеют восстановить порядок и образумить свихнувшихся мирных тыловиков... Я не помню, как прошел остаток этого тяжелого волнующего дня.

Помню только, что генерал Алексеев приходил с коротким докладом к государю и затем его величество сам отправился в штаб с телеграммой на имя председателя Совета министров князя Голицына, в которой не соглашался, ввиду создавшегося положения, на испрашиваемые перемены в составе правительства. Генерал Алексеев был очень болен, вид у него был лихорадочный, он был апатичен и угнетен. Он мне сказал, что получены были еще телеграммы от Родзянко и князя Голицына. Первый просил вновь

о формировании ответственного министерства, второй — об отставке. Вечером, около десяти часов, во время чая, когда ни граф Фредерикс, ни Воейков обыкновенно не появлялись, они оба неожиданно вошли к нам в столовую. Граф Фредерикс приблизился к государю и попросил разрешения доложить о чем-то срочном, полученном из Царского Села. Его величество встал и вышел вместе с ним и Воейковым в соседнюю залу, где доклад и переговоры продолжались довольно долго. Государь затем вернулся к нам один, но был, видимо, очень озабочен и вскоре удалился в свой кабинет, не сказав нам ни слова.

Мы совершенно не знали, в чем заключался неурочный доклад министра двора, но, судя по озабоченности государя и по отрывкам долетавшего до нас разговора, догадывались, что положение в Царском Селе становилось серьезным и опасным, о чем сообщал по телефону из Александровского дворца граф Бенкендорф.

Встревоженные, мы начали расходиться по своим помещениям, а профессор Федоров отправился к графу Фредериксу, чтобы узнать подробности волновавших нас событий.

Внизу, в передней, ко мне подошел скороход Климов и предупредил, что, по имевшимся у него сведениям, завтра утром назначено наше отбытие в Царское Село, что час отъезда еще не установлен и будет сообщен дополнительно, но что всей свите приказано готовиться к отъезду.

Я направился к себе в гостиницу «Франция», чтобы отдать распоряжения своему старику Лукзену, и, к своему удивлению, нашел его уже почти готовым к отъезду, с уложенными вещами, ожидающим присылки автомобиля, чтобы ехать на вокзал.

Оказывается, что за несколько минут до моего прихода было передано по телефону извещение всем быть немедленно готовыми к отъезду, так как императорский поезд отойдет не завтра утром, а сегодня же, около 12 часов ночи. Было уже около половины двенадцатого. Я был дежурным и потому поспешил вернуться в губернаторский дом. Внизу шла обычная перед отъездом суматоха; наверху, в полуосвещенном большом зале, перед кабинетом государя было пусто и мрачно. Пришел и генерал Алексеев, чтобы проститься с его величеством. Он оставался довольно долго в кабинете и наконец вышел оттуда. На вид был еще более измучен, чем днем. Его сильно лихорадило, он совсем осунулся и говорил апатично, но, прощаясь, оживился и, как мне показалось, с особенной сердечностью пожелал нам счастливого пути, добавив: «Напрасно все-таки

государь уезжает из Ставки, в такое время лучше оставаться здесь. Я пытался его отговорить, но его величество очень беспокоится за императрицу и за детей, и я не решился очень уж настаивать».

На мой вопрос, не наступило ли улучшение в Петрограде, Алексеев только безнадежно махнул рукою: «Какое там, еще хуже. Теперь и моряки начинают, и в Царском уже началась стрельба».

«Что же теперь делать?» — спросил я волнуясь.

«Я только что говорил государю, — отвечал Алексеев. — Теперь остается лишь одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград. Все распоряжения мною уже сделаны, но, конечно, нужно время... Пройдет не менее пяти-шести дней, пока все части смогут собраться. До этого с малыми силами ничего не стоит и предпринимать».

Генерал Алексеев говорил все это таким утомленным голосом, что мне показалось, что он лично сам не особенно верит в успешность и надежность предложенной меры. «Ну, дай вам всем Бог всего лучшего в вашей поездке, — в заключение немного оживляясь, сказал он, — чтобы все кончилось у вас благополучно. На всякий случай впереди вас пойдет Георгиевский батальон с Ивановым, но вряд ли вам будет возможность выехать ранее утра, ведь надо время, чтобы уведомить все пути о вашем маршруте...»

Двери кабинета раскрылись, и вышел государь, уже одетый в походную, солдатского сукна, шинель и папаху. Его величество еще раз простился с генералом Алексеевым, пожав ему руку, сел в автомобиль с графом Фредериксом, я сел в другой с дворцовым комендантом Воейковым, и мы поехали на вокзал. Было уже около часа ночи. В. Н. Воейков по дороге, как всегда, был неразговорчив о служебных делах и на мои попытки подробнее узнать, чем вызван такой внезапный отъезд, отвечал многозначительным молчанием или уклончиво; с раздражением отзывался о Родзянко и К° и был убежден, что генерал Иванов сумеет справиться с бунтующими запасными.

Этим же иллюзиям невольно поддавался и я... Без них было бы слишком тяжело на душе...

При входе в поезд нас встретил дожидавшийся у вагона генерал-адъютант Иванов, спокойный, видимо, уверенный в себе и в возможности справиться с бунтом и защитить царскую семью. Впоследствии он мне довольно подробно рассказывал о своем вынужденном тогда бездействии. К сожалению, туманный и неопределенный рассказ его не сохранился хорошо в моей памяти. Вспоминаю только то,

что он рассказывал о полученной им 2 марта телеграмме от государя, предписывавшей ему ничего не предпринимать до возвращения его величества в Царское, а также высказывал искреннее удовлетворение, что его действия «не вызвали пролития ни одной капли русской крови», что было бы полным отчаянием для ее величества, которую он посетил немедленно после своего беспрепятственного прибытия в Царское Село.

Генерал Иванов вошел в вагон вместе с государем и оставался долго у его величества. Георгиевский батальон был уже погружен и должен был отправиться раньше нас по более ближнему направлению на Витебск — Царское Село.

Проходя в свое купе, я зашел в отделение профессора Федорова, где были и другие мои сослуживцы. Из разговоров выяснилось, что наш внезапный отъезд вызван был сильным беспокойством государя за императрицу и больных детей, так как Царское Село с утра было уже охвачено волнениями и пребывание там было не безопасно. Государыня через графа Бенкендорфа, гофмаршала, спрашивала у государя по телефону совета, как ей поступить. Ее величество намеревалась сначала выехать в Могилев или по направлению нашего движения, чтобы соединиться в дороге; но после вечерних переговоров графа Фредерикса с государем было решено, чтобы вся царская семья до прибытия генерала Иванова, а затем и нас, оставалась в Царском Селе или, если бы обстоятельства этого потребовали, переехала в Гатчинский дворец в 40 верстах от Петрограда. Генерал Лукомский и другие, говоря в своих воспоминаниях об отъезде государя из Могилева, останавливаются на одном предположении, что, находясь в Могилеве, государь якобы не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и надеялся найти более твердую опору в генерале Рузском в Пскове.

Это, конечно, совершенно далеко от действительности. К генералу Рузскому и его прежнему, до генерала Данилова, начальнику штаба генералу Бонч-Бруевичу его величество, как и мы все, относился с безусловно меньшим доверием, чем к своему начальнику штаба, и наше прибытие в Псков явилось вынужденным и совершенно непредвиденным при отъезде. Государь, стремясь возможно скорее соединиться с семьей, вместе с тем стремился быть ближе и к центру управления страной, удаленному от Могилева. Мы оставались еще долго в купе у С. П. Федорова.

Взволнованно строя разные догадки и предположения о разыгравшихся событиях и узнав, что поезд отойдет не

раньше шести утра, наконец разошлись по своим отделениям.

28 февраля утром я проснулся, когда поезд был уже в движении. Погода изменилась, в окно вагона светило солнце, и как-то невольно стало спокойнее на душе после мучительной, в полузабытьи проведенной ночи.

Размеренная обычная жизнь вступала в свои права и хоть ненадолго вместе с надеждой отгоняла тяжелые мысли от всего того, что совершилось тогда далеко еще за пределами моего уютного вагона.

Я быстро оделся и вышел в столовую. Государь был уже там, более бледный, чем обыкновенно, но спокойно ровный и приветливый, как всегда. Разговор был очень не оживлен и касался самых обыденных вещей. Мы проезжали замедленным ходом какую-то небольшую станцию, на которой стоял встречный поезд с эшелонном направлявшегося на фронт пехотного полка. Им, видимо, было уже известно о проходе императорского поезда: часть людей с оркестром стояла выстроенная на платформе, часть выскакивала из теплушек и пристраивалась к остальным, часть густой толпой бежала около наших вагонов, заглядывая в окна и сопровождая поезд. Его величество встал из-за стола и подошел к окну. Звуки гимна и громовое «ура», почти такой же искренней силы, как я слышал на последнем смотре запасных в Петрограде, раздались с платформы при виде государя и невольно наполнили меня вновь чувством надежды и веры в нашу великую военную семью и благоразумие русского народа. Но это было только мгновение. Стоявший рядом со мною у окна Нарышкин, отвечая, видимо, на свои невеселые мысли, шепнул мне тихо: «Кто знает, быть может, это последнее «ура» государю, которое мы слышим». Мои горячие переживания были облиты холодной водою, но надежда все же не остывала и разум ей не противился. Не хотелось верить, что эти неожиданные тогда радостные переживания действительно окажутся последними и что дальше, кроме беспросветного мрака длинных годов, ничего более уж не будет.

Императорский поезд продолжал беспрепятственно двигаться вперед через Оршу — Смоленск на Вязьму — Лихославль — Бологое и Тосну, согласно маршруту, на этот раз не напечатанному на толстом картоне, а лишь наскоро написанному на клочке бумаги и лежавшему у меня на столе. На мелькавших станциях и во время остановок текла обычная мирная жизнь, и не было даже намека на что-либо революционное. Но агентских телеграмм, как бывало раньше, уже не приносили, и мы не знали, что де-

дается в Петрограде. Генерал Воейков тоже, видимо, не имел сведений и по обычаю шутливо отмалчивался. Из разговоров в течение дня с другими моими товарищами и Нарышкиным я узнал, что была получена утром лишь телеграмма, посланная вслед поезду генералом Алексеевым и уведомлявшая, что восстание разгорается, что Беляев доносит, что остались верными лишь четыре роты и один эскадрон, и он покинул морское министерство, где находился, что необходимо ответственное министерство, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще смогут остановить всеобщий развал и что утрата всякого часа уменьшает надежду на восстановление порядка.

Телеграмма была на имя государя, и его величество телеграфировал из поезда Родзянко, назначая его, вместо князя Голицына, председателем Совета министров и предлагая ему выехать для доклада на одну из промежуточных станций навстречу императорскому поезду. От Родзянко был уже получен в то время, около трех часов дня, и ответ, что он выезжает нам навстречу.

Тогда же из разговоров выяснилось, что предполагалось предоставить Родзянко выбор лишь некоторых министров, а министры двора, военный, морской и иностранных дел, должны были назначаться по усмотрению государя императора и все министерство должно было оставаться ответственным не перед Государственной думой, а перед его величеством. В три часа дня мы прибыли в Вязьму, откуда государь послал государыне телеграмму в Царское Село, уведомляя о скором приезде.

Вечером, около девяти часов, после обеда, мы прибыли в Лихославль, где была назначена остановка. В служебный, задний вагон нашего поезда вошли несколько железнодорожных инженеров и два жандармских генерала, только что прибывшие из Петрограда для встречи и дальнейшего сопровождения императорского поезда по их участку.

Я прошел туда. Генералы рассказывали, что при их отъезде из Петрограда они слышали частые и беспорядочные выстрелы и видели взбунтовавшихся солдат. Говорили также, что, по слухам, много перебито офицеров. По их словам, рабочие и народ очень возбуждены, требуют понижения цен на хлеб и на другие припасы, но что из толпы в течение целого дня не было слышно ни одного резкого слова ни против государя, ни против императрицы и что вообще в толпе «политика» не играла еще главной роли, хотя несомненно, что волнения вызваны искусственно разными политическими проходимцами.

Генералы были очень взволнованы, обеспокоены, гово-

рили о тех мерах предосторожности, которые они приняли для безопасного проезда государя через Тосну в Царское Село, и надеялись, что все обойдется благополучно. Они же сообщили, что, находясь уже в вагоне, на вокзале, для следования к нам, они перед самым своим отъездом увидели, как большая, беспорядочная толпа революционных солдат начала занимать Николаевский вокзал. Что потом было на вокзале после их отъезда — они не знали, так как не могли по дороге соединиться с Петроградом.

Думая с беспокойством о своих, я спросил, что делается в Гатчине, и в частности в Гатчинском дворце, где жила моя семья. Приехавшие в один голос успокоили меня, говоря, что в Гатчине совершенно спокойно, но что в Царском хуже и что было видно, как по дорогам к нему из Петрограда двигались какие-то кучки не то солдат, не то вооруженных рабочих. Они же сообщили, что Дума, не смотря на указ о роспуске, ввиду волнений постановила не расходиться и что около Таврического дворца толчется много народу, солдат и т. п. Во время этого разговора в служебный вагон вошел кто-то из местных железнодорожных инженеров и, обращаясь ко всем, сказал: «Вот, посмотрите, что сейчас получено». Один из жандармских офицеров взял протянутую телеграмму и вполголоса, с трудом разбирая торопливо записанные слова, начал читать. Это была телеграмма, разосланная членом Государственной думы Бубликовым по всем железным дорогам и объявлявшая, что по поручению какого-то комитета Государственной думы он занял сего числа Министерство путей сообщения.

В этой же телеграмме Бубликов объявлял слова приказа Родзянко, обращенные ко всем начальствующим лицам: «Железнодорожники, старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бесильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени отечества (или родины, не помню...), от вас теперь зависит» и т. д. Я сначала не понял, в чем было дело, и думал, что это Родзянко, уже получивший телеграмму государя, объявляет в громких словах о своем назначении главою правительства и Бубликов, назначенный, вероятно, министром путей сообщения, сообщает о своем вступлении в должность, и даже спросил: «Кто это Бубликов?», и помню, что мне кто-то ответил: «Это один из думских железнодорожников — всегда стремился играть какую-то роль».

Но, видя сначала недоумение, а потом какую-то растерянность остальных и воцарившееся затем молчание, я

взял телеграмму и перечитал сам. Помню, что фраза «занял сего числа министерство» меня особенно поразила боевым тоном генерала, уведомлявшего о занятии важной неприятельской крепости. Приевшиеся уже давно слова «приказа» Родзянко о власти, создавшей разруху, о новой власти, необходимой для спасения родины, на меня произвели гораздо меньшее впечатление, и только потом, через несколько мгновений, поняв наконец, о каких действиях шла речь, эти слова легли на мое сознание тем гнетущим чувством, от которого я не могу отделаться и до сих пор...

Впечатление от этой телеграммы на остальных, видимо, сказалось не менее сильно, но мне было не до обмена впечатлениями. Я ушел к себе в купе и забился в угол дивана... Поезд двинулся дальше и дошел до Бологого.

Новая остановка и новые, более определенные, но еще более тяжелые вести: почти все войска взбунтовались, Николаевский вокзал занят восставшими, и одному офицеру железнодорожного батальона лишь с трудом, без оружия удалось выбраться из Петрограда. Он рассказал, что все же горсть верных солдат и в особенности юнкера Николаевского кавалерийского училища продолжают героически защищаться, что много офицеров перебито. Любань уже занята какой-то небольшой кучкой революционеров; про занятие Тосно он ничего не знал. Кто-то показал и новую телеграмму и листок, подписанный Родзянко, где объявлялось об образовании Временного комитета Государственной думы, к которому перешла вся власть от устранившегося Совета министров, и что этот комитет взял в свои руки восстановление порядка.

О положении Царского ничего не было известно: ожидавшийся навстречу фельдъегерь в Бологое не прибыл. Но путь на Петроград, по справкам, был еще свободен, и выставленная по железнодорожному пути охрана для прохода императорского поезда стояла на своих постах. Решено было двигаться далее.

Профессору Федорову принесли записку от генерала Дубенского, ехавшего впереди нас в часовом расстоянии в другом служебном поезде, в которой он предупреждал, что, по имеющимся у них сведениям, Тосно также занято, и советовал из Бологого повернуть на Псков.

Было уже поздно, но спать не хотелось. К тому же мы приближались к моей родной Новгородской губернии, и я надеялся увидеть в Малой Вишере губернатора или кого-нибудь из губернского начальства, обыкновенно выезжавших для встречи государя на эту станцию, и от них разуз-

нать, что делается в наших краях: ожидать было еще долго, оставаться одному — невыносимо. Я зашел в купе к Долгорукому, моему бывшему товарищу по корпусу, с которым я еще смолоду был очень близок и впоследствии очень любил за его обычную скромность, невозмутимость и всегдашнее более чем равнодушное отношение ко всем слухам и сплетням, волновавшим большинство.

Он и на этот раз был спокоен и выдержан, как всегда, и занят был своими гофмаршальскими расчетами. Помню, что это мне показалось в те часы чересчур обидным, и я даже резко упрекнул его. «Это все ничего, — сказал мне своим ровным, почти апатичным голосом, — с этим справимся; а вот подумай-ка лучше, как справиться с немцами-то». — «Как ничего? — воскликнул я. — Разве ты не видишь?» — «Да, так ничего; это все обойдется, а то пока главное». И удивительное дело, эти невозмутимые слова, несмотря на всю их неопределенность, как-то сразу успокоили меня своим напоминанием о немцах, о которых я в те часы и совсем забыл.

«Быть может, и действительно обойдется, не может не обойтись, — подумал я, неисправимый оптимист. — Какая там революция в самом разгаре войны — революции бывают при ее окончании или когда армия бывает приперта к стене. Нам до этого далеко, да и успех не за горами. Это просто бунт, один лишь Петроград с окрестностями бунтует, а кругом ведь все спокойно».

И снова вспомнилась мирная жизнь около тех станций, через которые мы проезжали, вспомнился и восторженно встретивший нас несколько часов назад пехотный эшелон, направлявшийся на фронт.

«Вот войдет Иванов в Петроград с двумя-тремя такими частями, и уж одно их появление приведет там все в порядок», — успокаивал я себя и даже радовался, что утром буду со своею взволнованной семьей, которую, наверно, успокоит мое неожиданно скорое возвращение...

Но мечтам этим было суждено остаться мечтами на час. Поезд замедлил ход. Мы подходили к Малой Вишере. Я высунулся из выходной двери и смотрел на приближающуюся станцию. Она была слабо освещена, но на платформе было довольно много народу. На путях стоял какой-то ярко освещенный поезд. Я вышел и столкнулся с генералом Дубенским, ехавшим в служебном вагоне далеко впереди нас.

— Вы какими судьбами остались здесь? — удивленно спросил я.

— Мы все здесь, весь наш поезд, — с озабоченной тре-

вогой ответил Дубенский.— Нам не советуют ехать дальше, так как, по слухам, Любань и Тосно тоже заняты революционерами, и мы решили подождать вас, чтобы спросить, как поступить дальше. Я еще послал об этом записку Сергею Петровичу (Федорову) из Бологого. Получили ли вы ее?

На платформу вышел генерал Воейков. Его сейчас же обступили разные лица из начальства и начали докладывать. Мне не хотелось присутствовать при служебных разговорах. Было очень холодно, и, не найдя на платформе никого из своих новгородских знакомых и ожидавшегося фельдъегеря, я поспешил войти в служебный вагон нашего поезда, надеясь там получить более подробные сведения о причинах задержки.

Отделение, в котором помещалось сопровождавшее нас железнодорожное начальство, было пусто — все были на платформе. На столе лежала брошенная служебная телеграмма. Я машинально взял ее и прочел: какой-то поручик Греков, называвший себя комендантом Николаевского вокзала, в резких выражениях и, кажется, с угрозами за неисполнение приказывал, чтобы императорский поезд без захода в Царское был направлен прямым маршрутом в Петроград на Николаевский вокзал в его распоряжение. Этот «приказ» неизвестного поручика всероссийскому императору, рассмешивший бы меня несколько часов назад, теперь наполнил душу таким тяжелым негодованием, от которого я не скоро мог оправиться. Я вышел снова на платформу и увидел нашего общего любимца, инженера М. Ежова, начальника императорских поездов. Он мне подтвердил, что действительно телеграмма неведомого поручика Грекова была разослана по всей дороге и что, конечно, на нее никто не обращает внимания. И вероятно, по получении уведомления от соседней станции мы, дав отойти свитскому поезду, скоро двинемся вперед, так как путь не испорчен и пока до Любани свободен. Он добавил, что Тосна и Гатчина, через которые нам приходилось сворачивать на Царское, лишь только по слухам заняты бунтующими и теперь идет проверка этих слухов.

Было уже очень поздно, часов около трех ночи, на утро, согласно маршруту, приходилось рано вставать. Большинство спутников по вагону уже спали, я сам был очень утомлен своими дневными переживаниями. Слова Ежова меня временно успокоили, и, не ожидая отправления поезда, я прилег не раздеваясь на приготовленную уже кровать и сейчас же крепко заснул. Спал я, как мне показалось, довольно долго, проснулся около шести утра,

когда, по маршруту, мы должны были проходить Гатчину, и час, который, засыпая, я мысленно назначил себе для вставания.

Поезд двигался, как мне показалось, более быстро, чем обыкновенно. «Слава Богу,— подумал я,— несмотря на строжайший приказ Грекова, мы все же двигаемся, куда хотим, и скоро будем дома, а не на Николаевском вокзале с его обнаглевшими запасными».

Я выглянул в окошко, надеясь издали разглядеть купола Гатчинского собора, и, к изумлению, увидел не хорошо знакомые мне окрестности Гатчины, а совершенно неизвестную местность; к тому же поезд двигался не к Петрограду и Гатчине, а в совершенно обратном направлении.

Встревоженный, я вышел в коридор и натолкнулся на генерала Воейкова, в шинели, проходившего из служебного вагона в свое купе. «Владимир Николаевич, что такое, почему мы едем назад и куда?» — спросил я его. «Молчите, молчите, не ваше дело», — как будто шутливо, но с сильным раздражением ответил он и скрылся в своем купе. Убеждение В. Н. Воейкова, что он должен знать все, а мы — ничего, и что даже касавшиеся близко нас распоряжения о разных передвижениях, известные мелкому служебному люду, «не наше дело», мы знали давно и с этим кое-как свыклись.

Но тогда его столь требовательная таинственность показалась мне особенно неуместной. Видимо, он был сильно взволнован и не хотел этого показывать.

Коридор вагона был пуст, купе были закрыты; все спали, и только у моего соседа, командира конвоя графа Граббе, слышалось какое-то движение. Он, видимо, не спал. Я вошел к нему и узнал, что вскоре после моего возвращения в вагон получилось подтверждение, что Любань уже занята большою толпою взбунтовавшихся солдат, вероятно, испортивших путь, и что проехать через Тосну будет нельзя. Было решено поэтому вернуться назад в Бологое и кружным путем через Старую Руссу, Дно и Вырицу проехать в Царское Село. В Бологом была назначена смена паровозной бригады, но машинисты и другие, несмотря на свое утомление, не хотели сменяться и выразили непреклонное намерение ехать с императорским поездом и далее.

Наши железнодорожники свитского поезда разъединили путевой телеграфный провод на Петроград, перевели на другой конец паровоз, и наш поезд быстрым ходом двинулся назад. Теперь мы приближались снова к Бологому. Впереди нас не было уже никого — служебный поезд ос-

тался позади и следовал в близком расстоянии за нами. О непредусмотренном движении императорского поезда предупреждались только соседние станции.

Началась среда, 1 марта, новый тяжелый день, когда томительные передвижения не облегчались уже ни надеждой на скорое окончание бунта, ни мыслью о скором свидании с семьей.

День был ясный, чувствовалось начало весны, на станциях и, в частности, в Старой Руссе текла обычная мирная жизнь, задержек в пути не было, государь не выходил во время остановок для прогулки, и то короткое время, которое мы обыкновенно проводили с его величеством, ничем не отличалось в разговорах от обыденных нетревожных дней.

Нелегко, конечно, было и нам и ему говорить о ничтожных вещах, поддерживать разговор и лишь думать о том, что так мучительно волновало каждого из нас и его в особенности.

В течение дня получилось благоприятное известие, что генерал Иванов со своим эшелоном благополучно, без задержки проследовал через Дно и должен был быть уже в Царском Селе, откуда все еще сведений не было. Получилась и непонятная телеграмма от Родзянко, ожидавшегося на станцию Дно и кратко уведомлявшего, что «по изменившимся обстоятельствам он выехать навстречу его величеству не может».

До получения этой телеграммы и до прибытия нашего на станцию Старой Руссы никаких предположений о перемене нашего маршрута на Псков не было, и лишь по приезде на эту станцию получилось известие, что мост по Виндавской дороге якобы испорчен или ненадежен, и только тогда было решено двигаться на Псков и оттуда по Варшавской дороге прямым путем через Лугу и Гатчину на Царское Село.

Тогда была послана и новая телеграмма Родзянко, уведомлявшая о перемене маршрута и снова предлагавшая ему выехать навстречу в Псков. В этом городе находился штаб Северного фронта генерала Рузского, и оттуда можно было связаться прямым проводом с Петроградом, Ставкой и Царским Селом и выйти наконец из той тревожной неизвестности, которая нас окружала со вчерашнего вечера.

Остановка в Пскове, о которой с пути был уведомлен и генерал Рузский, предполагалась поэтому непродолжительной и ставилась в зависимость лишь от своевременного прибытия Родзянко и от времени, необходимого для пере-

говоров по прямому проводу с Царским Селом и со Ставкой.

Был уже вечер, около семи с половиной часов, когда императорский поезд подходил к Пскову. Будучи дежурным флигель-адъютантом, я стоял у открытой двери площадки вагона и смотрел на приближающуюся платформу. Она была почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением кажется, губернатора), всегда задолго и в большом числе собиравшегося для встречи государя, на ней не было. Где-то посредине платформы находился, вероятно, дежурный помощник начальника станции, а на отдаленном конце виднелся силуэт караульного солдата.

Поезд остановился. Прошло несколько минут. На платформу вышел какой-то офицер, посмотрел на наш поезд и скрылся. Еще прошло несколько минут, и я увидел наконец генерала Рузского, переходящего рельсы и направляющегося в нашу сторону. Рузский шел медленно, как бы нехотя и, как нам всем невольно показалось, будто нарочно не спеша. Голова его, видимо в раздумье, была низко опущена. За ним, немного отступя, генерал Данилов и еще два-три офицера из его штаба. Сейчас же было доложено, и государь его принял, а в наш вагон вошли генерал Данилов с другим генералом, расспрашивая об обстоятельствах нашего прибытия в Псков и о дальнейших наших намерениях.

«Вам все-таки вряд ли удастся скоро проехать в Царское,— сказал Данилов,— вероятно, придется здесь выждать или вернуться в Ставку. По дороге беспокойно и только что получилось известие, что в Луге вспыхнули беспорядки и город во власти бунтующих солдат».

Об отъезде Родзянко в Псков в штабе ничего не было известно; он оставался еще в Петрограде; но были получены от него телеграммы, что в городе началось избиение офицеров и возникло якобы страшное возбуждение против государя и что весь Петроград находится во власти взбунтовавшихся запасных.

Генерал Данилов был мрачен и, как всегда, очень неразговорчив.

Рузский недолго оставался у государя и вскоре пришел к нам, кажется, в купе Долгорукого и, как сейчас помню, в раздраженном утомлении откинулся на спинку дивана. Граф Фредерикс и мы столпились около него, желая узнать, что происходит, по его сведениям, в Петрограде и какое его мнение о всем происходящем.

«Теперь уже трудно что-нибудь сделать,— с раздражен-

ной досадой говорил Рузский, — давно настаивали на реформах, которых вся страна требовала... не слушались... голос хлыста Распутина имел большой вес... вот и дошли до Протопопова, до неизвестного премьера Голицына... до всего того, что сейчас... посылать войска в Петроград уже поздно, выйдет лишнее кровопролитие и лишнее раздражение... надо их вернуть...»

«Меня удивляет, при чем тут Распутин, — спокойно возразил граф Фредерикс. — Какое он мог иметь влияние на дела? Я, например, даже совершенно его не знал».

«О вас, граф, никто не говорит, вы были в стороне», — вставил Рузский.

«Что же, по-вашему, теперь делать?» — спросило несколько голосов.

«Что делать? — переспросил Рузский. — Теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя».

Что дальше говорил Рузский — я не помню; кажется, ничего, так как вошедший скороход доложил, что государь собирается выходить к обеду, и мы все направились в столовую. Я чувствовал только известное его пренебрежение к нам, к «придворным», не отдававшим себе отчета в происходящих событиях. Разбирался ли он в них сам — вот что шевелилось в моих мыслях после его слов о необходимости вернуть войска.

Обед, хотя и короткий, тянулся мучительно долго. Моим соседом был Данилов, и я с ним не сказал ни одного слова. Остальным тоже было, видимо, не по себе. Государь спокойно поддерживал разговор с Рузским и графом Фредериксом, сидевшими рядом с его величеством.

После обеда Рузский через несколько времени снова был принят государем, оставался у государя очень поздно, заходя в промежутке доклада ненадолго к нам в вагон, в отделение к графу Фредериксу, с которым вел какие-то служебные разговоры. Был ли там также и Воейков, я не помню. Когда Рузский ушел, граф в разговоре с нами сообщил, что соединиться с Царским не удалось, но что генерал Рузский намеревается переговорить по прямому проводу с Родзянко, спросить, почему он не приехал, узнать, что делается в Петрограде, и просить приехать все-таки в Псков. Граф Фредерикс добавил, что до получения ответа мы остаемся на неопределенное время в Пскове и во всяком случае не уедем до следующего утра.

В тот же вечер мы узнали, что государь выразил согласие на назначение ответственного министерства уже вполне по выбору председателя Думы, о чем Рузский также собирался сообщить Родзянко. Вот все, что сделалось нам

известным в этот день. Приходилось ждать результатов переговоров. Было очень поздно, чуть ли не около двух часов ночи, а Рузский все не приходил. И мы наконец, после долгих ожиданий, разошлись по своим отделениям.

Из тех немногих отрывочных фраз, которыми в моем присутствии обменялись Рузский с В. Н. Воейковым, ясно сквозило его пренебрежительное отношение к последнему; в свою очередь и генерал Воейков своими полушутливыми фразами давал понять Рузскому, что преувеличивать простой бунт в мировое событие еще преждевременно. Утром, в четверг, 2 марта, проснувшись очень рано, я позвонил моего старика Лукзена и спросил у него, нет ли каких-либо указаний об отъезде и в котором часу отойдет наш поезд. Он мне сказал, что пока никаких распоряжений об этом отдано не было и что, по словам скорохода, мы вряд ли ранее вечера уедем из Пскова. Это меня встревожило, я быстро оделся и отправился пить утренний кофе в столовую. В ней находились уже Кира Нарышкин, Валя Долгорукый и профессор Федоров. Они, как и я, ничего не знали ни об отъезде, ни о переговорах Рузского и высказывали предположение, что, вероятно, прямой провод был испорчен и переговоры поэтому не могли состояться.

Государь вышел позднее обыкновенного. Он был бледен и, как казалось по лицу, очень плохо спал, но был спокоен и приветлив, как всегда. Его величество недолго оставался с нами в столовой и, сказав, что ожидает Рузского, удалился к себе. Скоро появился и Рузский и был сейчас же принят государем, мы же продолжали томиться в неизвестности почти до самого завтрака, когда, не помню от кого, мы узнали, что Рузскому после долгих попыток лишь поздно ночью удалось наконец соединиться с Родзянко. Родзянко сообщал, что не может приехать, так как присутствие его в Петрограде необходимо, так как царит всеобщая анархия и слушаются лишь его одного. Все министры арестованы и по его приказанию переведены в крепость. На уведомление о согласии его величества на формирование ответственного министерства Родзянко отвечал, что «уже слишком поздно, так как время упущено. Эта мера могла бы улучшить положение два дня назад, а теперь уже ничто не может сдержать народные страсти». Тогда же мы узнали, что по просьбе Родзянко Рузский испросил у государя разрешение приостановить движение отрядов, назначавшихся на усмирение Петрограда, а генералу Иванову государь послал телеграмму ничего не предпринимать до приезда его величества в Царское Село.

После завтрака, к которому никто приглашен не был,

распространился слух, что вместо Родзянко к нам для каких-то переговоров выезжают члены Думы Шульгин и Гучков, но прибудут в Псков только вечером. Присутствие в этой депутации Шульгина, которого я хотя и не знал лично, но который был мне известен по своим твердым монархическим убеждениям, помню, меня даже отчасти успокоило. Было уже около половины третьего дня. Я спросил у проходившего мимо скорохода Климова, не собирается ли государь выйти в это обычное время на прогулку, но Климов сказал, что к его величеству прошли только что генерал Рузский и еще два штабных генерала с бумагами, вероятно, для доклада о положении на фронте, и что государь их принимает не у себя в кабинете, а в салоне¹.

Я вышел один, походил немного по пустынной платформе, чтобы посмотреть, не прибыл ли какой-нибудь поезд из Петрограда, и вскоре вернулся в свой вагон, где в купе С. П. Федорова собрались почти все мои товарищи по вагону, за исключением графа Фредерикса.

Не помню, сколько времени мы провели в вялых разговорах, строя разные предположения о создавшейся неопределенности, когда возвращавшийся из вагона государя граф Фредерикс остановился в коридоре у дверей нашего купе и почти обыкновенным голосом по-французски сказал: «*Savez vous, l'Empereur a abdiqué*». Слова эти заставили нас всех вскочить...

Я лично мог предположить все, что угодно, но отречение от престола столь внезапное, ничем пока не вызванное, не задуманное только, а уж исполненное, показалось такой кричащей несообразностью, что в словах преклонного старика Фредерикса в первое мгновение почудилось или старческое слабоумие или явная путаница.

«Как, когда, что такое да почему?» — слышались возбужденные вопросы. Граф Фредерикс на всю эту бурю восклицаний, пожимая сам недоуменно плечами, ответил только: «Государь получил телеграммы от главнокомандующих... и сказал, что раз войска этого хотят, то не хочет никому мешать».

«Какие войска хотят? Что такое? Ну, а вы что же, граф, что вы-то ответили его величеству на это?»

Опять безнадежное пожимание плечами: «Что я мог изменить? Государь сказал, что он решил это уже раньше и долго об этом думал».

«Не может этого быть, ведь у нас война. Отречься так

¹ Генералы Ю. Н. Данилов и С. С. Саввич.

внезапно, здесь, в вагоне, и перед кем и отчего, да верно ли это, нет ли тут какого-либо недоразумения, граф?» — посыпались снова возбужденные возражения со всех сторон, смешанные и у меня с надеждой на путаницу и на возможность еще отсрочить только что принятое решение.

Но, взглянув на лицо Фредерикса, я почувствовал, что путаницы нет, что он говорит серьезно, отдавая себе отчет во всем, так как и он сам был глубоко взволнован и руки его дрожали.

«Государь уже подписал две телеграммы,— ответил Фредерикс,— одну Родзянко, уведомляя его о своем отречении в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича и оставляя Алексея Николаевича при себе до совершеннолетия, а другую о том же Алексею в Ставку, назначая вместо себя Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича...»

«Эти телеграммы у вас, граф, вы еще их не отправили?» — вырвалось у нас с новой, воскресавшей надеждой.

«Телеграммы взял у государя Рузский», — с какой-то, как мне показалось, безнадежностью ответил Фредерикс и, чтобы скрыть свое волнение, отвернулся и прошел в свое купе.

Бедный старик, по его искренним словам, нежно любивший государя, как «сына», заперся в своем отделении, а мы все продолжали стоять в изумлении, отказываясь верить в неотвратимость всего нахлынувшего. Кто-то из нас прервал наконец молчание, кажется, это был Граббе, и, отвечая нашим общим мыслям, сказал: «Ах, напрасно эти телеграммы государь отдал Рузскому, это, конечно, все произошло не без интриги; он-то уж их, наверно, не задержит и поспешит отправить; а может быть, Шульгин и Гучков, которые скоро должны приехать, и сумеют отговорить и иначе повернуть дело. Ведь мы не знаем, что им поручено и что делается там у них; пойдемте сейчас к графу, чтобы он испросил у государя разрешение потребовать эти телеграммы от Рузского и не посылать их хотя бы до приезда Шульгина».

Мы все пошли к Фредериксу и убедили его. Он немедленно пошел к государю и через несколько минут вернулся обратно, сказав, что его величество приказал сейчас же взять телеграммы от Рузского и передать ему; что они будут посланы только после приезда членов Думы.

Как я уже сказал, к генералу Рузскому мы никогда не чувствовали особой симпатии, а с первой минуты нашего прибытия в Псков относились к нему с каким-то инстинктивным недоверием и опаской, подозревая его в желании

сыграть видную роль в развертывающихся событиях. Поэтому мы просили Нарышкина, которому было поручено отобрать телеграммы, чтобы он ни на какие доводы Рузского не соглашался и, если бы телеграммы начали уже передавать, то снял бы их немедленно с аппарата. Нарышкин отправился и скоро вернулся с пустыми руками. Он сообщил, что одну телеграмму, Родзянко, хотя и начали уже отправлять, но начальник телеграфа обещал попытаться ее задержать, а другую — в Ставку — не отправлять, но что Рузский их ему все же не отдал и сам пошел к государю, чтобы испросить разрешение удержать эти телеграммы у себя, и обещал их не отправлять до приезда Гучкова и Шульгина. Уходя от его величества, Рузский сказал скороходам, чтобы прибывающих депутатов направили предварительно к нему, а затем уже допустили их до приема государем. Это обстоятельство взволновало нас необычайно; в желании Рузского настоять на отречении и не выпускать этого дела из своих рук не было уже сомнений.

Мы вновь пошли к Фредериксу просить настоять перед его величеством о возвращении этих телеграмм, а профессор Федоров по собственной инициативе, как врач, направился к государю. Было около четырех часов дня, когда Сергей Петрович вернулся обратно в свое купе, где большинство из нас его ожидало. Он нам сказал, что вышла перемена и что все равно прежних телеграмм теперь нельзя посылать. «Я во время разговора о поразившем всех событии,— пояснил он,— спросил у государя: «Разве, ваше величество, вы полагаете, что Алексея Николаевича оставят при вас и после отречения?» — «А отчего же нет? — с некоторым удивлением спросил государь.— Он еще ребенок и, естественно, должен оставаться в своей семье, пока не станет взрослым. До тех пор будет регентом Михаил Александрович».

«Нет, ваше величество,— ответил Федоров,— это вряд ли будет возможно, и по всему видно, что надеяться на это вам совершенно нельзя».

Государь, по словам Федорова, немного задумался и спросил: «Скажите, Сергей Петрович, откровенно, как вы находите, действительно ли болезнь Алексея такая неизлечимая?»...

«Ваше величество, наука нам говорит, что эта болезнь неизлечима, но многие доживают при ней до значительного возраста, хотя здоровье Алексея Николаевича и будет всегда зависеть от всякой случайности».

«Когда так,— как бы про себя сказал государь,— то я не могу расстаться с Алексеем. Это было бы уж сверх моих

сил... К тому же, раз его здоровье не позволяет, то я буду иметь право оставить его при себе...»

Кажется, на этих словах рассказа, потому что других я не запомнил, вошел к нам в купе граф Фредерикс, сходявший во время нашего разговора к государю, и сообщил, что его величество приказал потребовать от Рузского задержанные им обе телеграммы, не упоминая ему, для какой именно это цели.

Нарышкин отправился вновь и на этот раз принес их обратно, кажется, вместе с какой-то другой телеграммой о новых ужасах, творящихся в Петрограде, которую уже одновременно дал Рузский для доклада его величеству. Я не помню, что было в этой телеграмме, так как вошедший скороход доложил, что государь, после короткой прогулки, уже вернулся в столовую для дневного чая, и мы все направились туда.

С непередаваемым тягостным чувством, облегчавшимся все же мыслью о возможности еще и другого решения, входил я в столовую. Мне было и физически больно увидеть моего любимого государя после нравственной пытки, вызвавшей его решение, но я и надеялся, что обычная сдержанность и ничтожные разговоры о посторонних, столь «никчемных» теперь вещах, прорвутся, наконец, в эти трагические минуты чем-нибудь горячим, искренним, заботливым, дающим возможность сообща обсудить положение; что теперь в столовой, когда никого, кроме ближайшей свиты, не было, государь невольно и сам упомянет об обстоятельствах, вызвавших его ужасное решение. Эти подробности нам были совершенно неизвестны и так поэтому непонятны. Мы к ним были не только не подготовлены, но, конечно, не могли и догадываться, и только, кажется, граф Фредерикс и В. Н. Воейков были более или менее осведомлены о переговорах Рузского и о последних телеграммах, полученных через Рузского и генерала Алексева от командующих фронтами.

Нас, по обычаю, продолжали держать в полной неизвестности, и вероятно, по привычке же даже и на этот раз забыли о нашем существовании. А мы были такие же русские, жили тут же рядом, под одной кровлей вагона, и так же могли волноваться, страдать и мучиться не только за себя, как «пустые и в большинстве эгоистичные люди», но и за нашего государя, за нашу Россию.

Но, войдя в столовую и сев на незанятое место, с краю стола, я сейчас же почувствовал, что и этот час нашего обычного общения с государем пройдет точно так же, как и подобные часы минувших «обыкновенных» дней...

Шел самый незначительный разговор, прерывавшийся на этот раз только более продолжительными паузами... Рядом была буфетная, кругом ходили лакеи, подавая чай, и, может быть, их присутствие и заставляло всех быть такими же «обычными» по наружности, как всегда. Государь сидел спокойный, ровный, поддерживал разговор, и только по его глазам, печальным, задумчивым, как-то сосредоточенным, да по нервному движению, когда он доставал папиросу, можно было чувствовать, насколько тяжело у него на душе...

Ни одного слова, ни одного намека на то, что всех нас мучило, не было, да, пожалуй, и не могло быть произнесено. Такая обстановка заставляла лишь уходить в себя, несправедливо негодовать на других: «Зачем говорят о пустяках?» и мучительно думать: «Когда же наконец кончится это сидение за чаем?»

Оно наконец кончилось. Государь встал и удалился к себе в вагон. Проходя за ним последним по коридору, мимо открытой двери кабинета, куда вошел государь, меня так и потянуло войти туда, но шедший впереди граф Фредерикс или Воейков уже вошел раньше с каким-то докладом.

Мы все собрались опять вместе в купе адмирала Нилова, и В. Н. Воейков был также с нами. Он был, как чувствовалось, не менее нас удручен, но умел лучше нас скрывать свои волнения и переживания. От него мы наконец узнали, что Родзянко ночью в переговорах с Рузским просил отменить присылку войск, так как «это бесполезно, вызовет лишнее кровопролитие, а войска все равно против народа драться не будут и своих офицеров перебьют». Родзянко утверждал, что единственный выход спасти династию — это добровольное отречение государя от престола в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Генерал Алексеев также телеграфировал, что, и по его мнению создавшаяся обстановка не допускает иного решения, и что каждая минута дорога, и он умоляет государя, ради любви к родине, принять решение, «которое может дать мирный и благополучный исход».

Появились, не помню кем принесенные, несчастные телеграммы Брусилова, Эверта, Сахарова и поступившая уже вечером телеграмма адмирала Непенина.

Телеграммы великого князя Николая Николаевича с Кавказа при этом не было. Она, кажется, оставалась у его величества, но, как нам кто-то сказал, и великий князь в

сильных выражениях умолял государя принять это же решение.

Тогда же впервые прочитали мы и копии телеграмм, переданных еще днем Рузскому и возвращенных последним Нарышкину.

Вот их текст:

«Председателю Государственной думы.

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. *Николай*».

Наштаверх. Ставка.

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. *Николай*».

Телеграммы эти говорят сами за себя. Каждый, соответственно своему пониманию и настроению, своему уму и сердцу, сможет сделать из них и собственные выводы. Я лично читал их тогда в каком-то тумане, не понимая многих фраз и все силясь отыскать в их словах главную побудительную причину, вызвавшую, по сообщению Фредерикса, роковое решение. Слова государя «раз войска этого хотят» не выходили у меня из головы, и, как это ни странно, мне было бы легче на душе, если бы это желание войск там было ясно и категорически выражено: оно оправдывало бы в моих глазах, хотя отчасти, и решимость главнокомандующих послать такие телеграммы его величеству, а также и решимость государя под их впечатлением отказаться от престола.

В подобном же настроении был, видимо, и генерал Дубенский, который находился не в нашем поезде и до которого весть об отречении дошла значительно позднее, чем до нас. Он появился в нашем вагоне очень растерянный, взволнованный и все как-то задумчиво и недоумевающе повторял: «Как же это так, вдруг отречься... не спросить войска, народ... и даже не попытаться поехать к гвардии... Тут, в Пскове говорят за всю страну, а может, она и не захочет»...

Эти отрывочные рассуждения Дубенского невольно совпали с беспорядочно пронесившимися и у меня мыслями. Я сам не знал и не понимал, как все это произошло. Нам всем, ошеломленным сообщением графа Фредерикса

и озабоченным попытками переменить роковое решение, было не до расспросов о подробностях, его вызвавших.

Что-то скажут эти думские посланцы — продолжали тоскливо надеяться все мы. Неужели и они, как главнокомандующие, будут видеть в отречении единственную возможность восстановления порядка. Ведь не все еще потеряно. Телеграмму об отречении удалось задержать, и все может еще повернуться в другую сторону в зависимости от этих переговоров. Ведь в Петрограде настроение меняется, и недаром Рузский так желал, чтобы депутацию провели раньше к нему, не допустив ее непосредственно без него до государя, а чем предупредил и у нас, и сделал распоряжение и у себя в штабе, и на станции. Он, наверное, если депутаты имеют другое поручение, сумеет уговорить их присоединиться к своим настояниям. Надо во что бы то ни стало не допустить их до предварительного свидания с Рузским, а сейчас же, как приедут, провести их к государю. В необходимости этого были убеждены все мы, и Воейков, по приказанию графа Фредерикса, поручил это мне как дежурному.

Было уже около семи вечера — час, когда, по имевшимся сведениям, должны были приехать Шульгин и Гучков. Но, выйдя на платформу, я узнал от начальника станции, что их экстренный поезд где-то задержался в пути и что ранее девяти часов вечера они вряд ли прибудут. Сделав распоряжение, чтобы мне сообщили, когда поезд придет на соседнюю станцию, я вернулся в вагон. Было время обеда, все были уже в столовой, и я поспешил туда. То же тяжелое настроение и то же раздражение от невольной беспомощности, как и за дневным чаем, охватило меня. Все продолжало быть, по крайней мере наружно, как бывало и в обыкновенные дни...

Опасаясь пропустить прибытие депутатов, я не досидел до конца обеда, а вышел на платформу, увидя, что на станцию пришел какой-то поезд. Это был пассажирский поезд, направлявшийся с юга в Петроград. Стало известно, что он задержится в Пскове по какой-то причине и отправится далее не ранее, как через час. Поезд был переполнен, и масса народу высыпала на платформу, с любопытством рассматривая императорский поезд, стоявший невдалеке. Несмотря на то что толпа пассажиров знала, что находится вблизи царя, она держала себя отнюдь не вызывающе, а с обычным почтительным вниманием, как это я успел заметить, оставаясь долго на платформе и прогуливаясь среди пассажиров в надежде увидеть кого-либо из знакомых. О «всеобщей ненависти к династии», о которой

с таким убеждением сообщал Родзянко, тут не было и помина.

Войдя к себе, я узнал, что профессор Федоров с этим же поездом отправляет своего человека с письмом к семье, так как телеграф с Петроградом частных телеграмм уже не принимал. Это обстоятельство напомнило мне о моих, о которых я тогда забыл. Я воспользовался добрым предложением Сергея Петровича и наскоро набросал записку жене, убеждая ее не волноваться и уведомляя, что мы задержались ненадолго в Пскове и что, вероятно, скоро увидимся. Письмо я просил опустить на вокзале в Гатчине, где жила моя семья. Записку эту жена моя так и не получила.

Было уже около девяти часов вечера. Снова показался поезд, на этот раз подходивший со стороны Петрограда. Я торопливо вышел ему навстречу, но и он не был тот, которого я ждал. Он прибыл из Петрограда с обыкновенными пассажирами, выйдя отсюда утром того же дня. Фельдъегеря из Царского Села в нем не было, но ехал на фронт какой-то другой фельдъегерь из Главного штаба. На его груди, как и на шинелях нескольких офицеров и юнкеров, приехавших с поездом, были нацеплены большие и малые красные банты, у некоторых из ленточек от орденов. Они все были без оружия. Это меня поразило. Я не удержался и подошел к юнкерам. Они мне сообщили, что в Петрограде с утра 2 марта, когда они уезжали, стало как будто спокойнее. Стрельбы почти не было слышно, но сопротивление войск, верных присяге, окончательно сломлено, и весь Петроград в руках бунтующих. Офицеров стали меньше избивать, но все же толпы солдат и рабочих набрасываются на них на улице, отнимают оружие, а кто сопротивляется, тех убивают. В особенности преследуют юнкеров, защищавшихся с особенным упорством, и им с большим трудом удалось пробраться на вокзал и уехать из этого «проклятого города».

«Это наше начальство для нашей безопасности заставило нацепить эти банты и выходить на улицу без оружия», — с каким-то гадливым смущением оправдывались они. То же самое подтвердил и фельдъегерь и те два-три офицера, с которыми мне кратко удалось переговорить. Они тоже не упоминали о ненависти населения к царской семье, и по их отрывистым, возбужденным словам все происходившее они считали грандиозным бунтом запасных и фабричных, с которым будет теперь очень трудно справиться, «но все же справиться можно».

Поезд недолго стоял и вскоре отправился далее. Я

только вернулся к себе в вагон, как сообщили, что депутатский поезд прибыл на соседний полустанок и через десять—пятнадцать минут ожидается уже в Псков. Было уже почти десять часов вечера. Я немного замешкался, и это вызвало нервное нетерпение моих товарищей: «Что ты там копаешься, торопись, а то Рузский перехватит».

Я поторопился и вышел на платформу. На ней никого почти не было, она была совсем темна и освещалась лишь двумя-тремя далекими тусклыми фонарями. Я спросил у дежурного по станции, на какой путь ожидается экстренный поезд, и он указал мне на рельсы, проходившие почти рядом с теми, на которых стоял наш поезд, а место остановки почти в нескольких шагах от него.

Прошло несколько минут, когда я увидел приближающиеся огни локомотива. Поезд шел быстро и состоял не более как из одного-двух вагонов. Он еще не остановился окончательно, как я вошел на заднюю площадку последнего классного вагона, открыл дверь и очутился в обширном темном купе, слабо освещенном лишь мерцавшим огарком свечи. Я с трудом рассмотрел в темноте две стоявшие у дальней стены фигуры, догадываясь, кто из них должен быть Гучков, кто — Шульгин. Я не знал ни того, ни другого, но почему-то решил, что тот, кто моложе и стройнее, должен быть Шульгин, и, обращаясь к нему, сказал: «Его величество вас ожидает и изволит тотчас же принять». Оба были, видимо, очень подавлены, волновались, руки их дрожали, когда они здоровались со мною, и оба имели не столько усталый, сколько растерянный вид. Они были очень смущены и просили дать им возможность привести себя в порядок после пути, но я им ответил, что это неудобно, и мы сейчас же направились к выходу.

— Что делается в Петрограде? — спросил я их.

Ответил Шульгин. Гучков все время молчал и, как в вагоне, так и идя до императорского поезда, держал голову низко опущенною.

— В Петрограде творится что-то невообразимое, — говорил, волнуясь, Шульгин. — Мы находимся всецело в их руках, и нас, наверно, арестуют, когда мы вернемся.

«Хороши же вы, народные избранники, облеченные всеобщим доверием, — как сейчас помню, нехорошо шевельнулось в душе при этих словах. — Не прошло и двух дней, как вам приходится уже дрожать перед этим народом»; хорош и сам «народ», так относящийся к своим избранникам. Я вышел первым из вагона и увидел на отдаленном конце платформы какого-то офицера, вероятно, из

штаба Рузского, спешно направлявшегося в нашу сторону. Он увидел нашу группу и тотчас же повернул назад.

— Что же вы теперь думаете делать, с каким поручением приехали, на что надеетесь? — спросил я, волнуясь, шедшего рядом Шульгина.

Он с какою-то, смутившею меня, не то неопределенностью, не то безнадежностью от собственного бессилия, и как то тоскливо и смущенно понизив голос, почти шепотом, сказал:

— Знаете, мы надеемся только на то, что, быть может, государь нам поможет...

— В чем поможет? — вырвалось у меня, но получить ответа я не успел. Мы уже стояли на площадке вагона-столовой, и Гучков и Шульгин уже нервно снимали свои шубы. Их сейчас же провел скороход в салон, где назначен был прием и где находился уже граф Фредерикс. Бедный старик, волнуясь за свою семью, спросил, здороваясь, Гучкова, что делается в Петрограде, и тот «успокоил» его самым жестоким образом: «В Петрограде стало спокойнее, граф, но ваш дом на Почтамтской совершенно разгромлен, а что случилось с вашей семьей — неизвестно».

Вместе с графом Фредериксом в салоне находился и Нарышкин, которому, как начальнику военно-походной канцелярии, было поручено присутствовать при приеме и записывать все происходящее во избежание могущих потом последовать разных выдумок и неточностей.

Нарышкин еще ранее, до приезда депутатов, предложил мне разделить с ним эту обязанность, но мысль присутствовать при таком приеме лишь молчаливым свидетелем показалась мне почему-то настолько невыносимой, что я тогда под каким-то предлогом отказался от этого поручения. Теперь я об этом отказе сожалел, но было поздно.

В коридоре вагона государя, куда я прошел, я встретил генерала Воейкова. Он доложил его величеству о прибытии депутатов, и через некоторое время в кавказской казачьей форме, спокойный и ровный, государь прошел своей обычной, неторопливой походкой в соседний вагон, и двери салона закрылись.

Я несколько минут оставался в коридоре у кабинета государя, разговаривая с Воейковым и пришедшими туда же Долгоруким, графом Граббе и герцогом Лейхтенбергским, делясь с ними впечатлениями о мимолетном общении с «депутатами». Как вспоминаю, я и тогда еще не терял надежды на лучший исход. Слова монархиста Шульгина, что они «надеются на помощь государя», я толковал по-своему

в том смысле, как мне этого хотелось, и даже чувствовал к нему известную признательность за это обращение к помощи его величества.

Во время этого разговора мы увидели Рузского, торопливо подымавшегося на входную площадку салона, и я подошел к нему, чтобы узнать, чем вызван его приход. Рузский был очень раздражен и, предупреждая мой вопрос, обращаясь в пространство, с нервной резкостью начал совершенно по-начальнически кому-то выговаривать: «Всегда будет путаница, когда не исполняют приказаний. Ведь было ясно сказано направить депутацию раньше ко мне. Отчего этого не сделали, вечно не слушаются...»

Я хотел его предупредить, что его величество занят приемом, но Рузский, торопливо скинув пальто, решительно сам открыл дверь и вошел в салон.

Его раздражение доставило мне мимолетное удовольствие, но и вызвало тяжелое предчувствие о том, что совершалось за этими дверьми. Я ушел к себе и с каким-то тупым безразличием прилег на диван.

Не помню когда, но кажется, очень скоро, ко мне в купе заглянул Нарышкин, озабоченно проходивший к себе в канцелярию по коридору. Я так и бросился к нему: «Ну, что, уже кончилось, уже решено, что они говорят?» — с замирающим сердцем спрашивал я его. «Говорит один только Гучков, все то же, что и Рузский, — ответил мне Нарышкин. — Он говорит, что, кроме отречения, нет другого выхода, и государь уже сказал им, что он и сам это решил еще до них. Теперь они сомневаются, вправе ли государь передать престол Михаилу Александровичу, минуя наследника, и спрашивают для справки основные законы. Пойдем, помоги мне их отыскать, хотя вряд ли они взяты у нас с собою в вагон. В них никогда не было надобности в путешествиях...» Все иллюзии пропадали, но я цеплялся еще за последнюю, самую ничтожную: «Раз вопрос зашел о праве, о законах, то значит, с чем-то еще должны считаться даже и люди, нарушившие закон в эти бесправные дни, и может быть...»

Основные законы я знал лишь поверхностно, но все же мне пришлось с ними знакомиться лет пять назад, когда возникли разные вопросы в связи с состоявшимся браком великого князя Михаила Александровича с г-жей Вульферт. Тогда все было ясно, но это было давно, я многие толкования забыл, хотя и твердо сознавал, что при живом наследнике Михаил Александрович мог бы воцариться лишь с согласия и отказа самого Алексея Николаевича от своих прав. А если такой отказ по малолетству Алексея

Николаевича немислим и он должен будет вопреки желанию отца сделаться царем, то, может быть, и государь, которому невыносима мысль расстаться с сыном, отдумает поэтому отречься, чтобы иметь возможность оставить его при себе. Облегчение для меня в данную минуту заключалось в том, имелось ли в основных законах указание на право государя, как опекуна, отречься не только за себя, но и за своего малолетнего сына от престола.

Что в обыденной жизни наши гражданские законы таких прав опекуну не давали, я знал твердо по собственному опыту, что сейчас и высказал Нарышкину по дороге, проходя с ним в соседний вагон, где помещалась наша походная канцелярия,

— Что говорят об этом основные законы, я хорошо не помню, но знаю почти заранее, что они вряд ли будут по смыслу противоречить обыкновенным законам, по которым опекун не может отказываться ни от каких прав опекаемого, а значит, и государь до совершеннолетия Алексея Николаевича не может передать престол ни Михаилу Александровичу, ни кому-либо другому. Ведь мы все присягали государю и его законному наследнику, а законный наследник, пока жив Алексей Николаевич, только он один.

— Я и сам так думаю,— ответил в раздумье Нарышкин,— но ведь государь не просто частный человек, и может быть учреждение императорской фамилии и основные законы и говорят об этом иначе.

— Конечно, государь не частный человек, а самодержец,— сказал я, — но, отрекаясь, он уже становится этим частным человеком и просто опекуном, не имеющим никакого права лишать опекаемого его благ.

Том основных законов, к нашему удовлетворению, после недолгих розысков нашелся у нас в канцелярии, но, спешно перелистывая его страницы, прямых указаний на права государя, как опекуна, мы не нашли. Ни одна статья не говорила о данном случае, да там и вообще не было упомянуто о возможности отречения государя, на что мы оба, к нашему удовлетворению, обратили тогда внимание.

Нарышкин торопился. Его ждали и, взяв книгу, он направился к выходу. Идя за ним, я, помню, ему говорил:

— Хотя в основных законах по этому поводу ничего ясного нет, все же надо непременно доложить государю, что по смыслу общих законов он не имеет права отречься за Алексея Николаевича. Опекун не может, кажется, даже отказаться от принятия какого-либо дара в пользу опекаемого, а тем более, отрекаясь за него, лишать Алек-

сея Николаевича и тех имущественных прав, с которыми связано его положение как наследника. Пожалуйста, непременно доложи об всем этом государю.

Лишь как сквозь туман вспоминаю я и возвращение Нарышкина и Фредерикса от государя и их сообщение о происходивших переговорах. Рассказ Шульгина, напечатанный в газетах, который я впоследствии прочел, многое возобновил в моей памяти. За небольшими исключениями (про справку в основных законах Шульгин умалчивает) он в общем верен и правдиво рисует картину приема членов Думы.

Около двенадцати часов ночи Гучков и Шульгин покинули наш поезд, ушли к Рузскому, и мы их больше не видали. Перед уходом они старались успокоить Фредерикса и говорили, что «Временное правительство возьмет на себя заботы о том, чтобы этому достойному старцу не было сделано никакого зла».

Отречение бесповоротно состоялось, но еще не было окончательно оформлено. В проекте манифеста, каким-то образом предупредительно полученном из Ставки и составленном, как я узнал потом, по поручению генерала Алексеева Лукомским и Базили, потребовались некоторые изменения. Сверх того, члены Думы, вероятно для надежности, просили переписать манифест в двух экземплярах. Оба за подписью его величества должны были по их просьбе быть скрепленными министром двора. Первый экземпляр, напечатанный, как затем и второй, в нашей канцелярии на машинке на телеграфных бланках, государь подписал карандашом.

Эти манифесты были наконец около часу ночи переписаны, как их от государя принесли в купе к графу Фредериксу, и с каким отчаянием бедный старик, справляясь с трудом, дрожащей рукою их очень долго подписывал.

После ухода думских депутатов мы собрались все в столовой не для чая, которого никто не касался, а для того, чтобы в эти жуткие минуты не быть в одиночестве.

Никаких известий из Царского все еще получено не было. В это время принесли телеграмму от Алексеева из Ставки, испрашивавшего у государя разрешение, на назначение, по просьбе Родзянко, генерала Корнилова командующим Петроградским военным округом, и его величество выразил на это свое согласие. Это была первая и последняя телеграмма, которую государь подписал как император и как Верховный главнокомандующий уже после своего отречения.

Вспоминаю, как кто-то вошел и сказал, что с поезда, в

котором прибыли Гучков и Шульгин, разбрасываются прокламации и что якобы, по слухам, по шоссе из Петрограда двигаются на Псков какие-то вооруженные автомобили и что их приказано задержать.

Тут же в столовой появилась у нас, неизвестно кем принесенная, копия последнего вечернего разговора Родзянко с Рузским, в котором Родзянко в возвышенно-радостных выражениях сообщал, что «наступило успокоение, и им впервые удалось достигнуть какого-то и с кем-то соглашения и в первый раз вздохнуть свободно, и что такое событие было ими отпраздновано даже пушечными выстрелами из крепости».

В этот же поздний вечер был решен и наш немедленный отъезд в Ставку, так как государь решил до своего возвращения в Царское Село проститься с войсками, о чем и объявил Гучкову и Шульгину на их почтительно озабоченный вопрос о дальнейших намерениях его величества. Члены Думы заявили при этом, что Временное правительство примет все возможные меры для безопасного следования его величества в Ставку и в Царское Село. Кажется, для охраны пути императорского поезда предполагалось еще днем вызвать некоторые железнодорожные батальоны.

Вспоминаю, что, несмотря на все безразличие, охватившее меня, я мог еще в тайниках души радоваться этому намерению государя «проститься с войсками». Я еще мог надеяться, что появление государя среди войск или даже слова его прощального приказа могут произвести такое сильное впечатление на хорошую солдатскую и офицерскую массу, что она сумеет убедить своего вождя и царя отказаться от рокового для всей страны решения...

Я еле держался на ногах, не от физической, но от нервной усталости. Я силился заснуть и не мог. Начались те долгие бессонные ночи в поезде и в Ставке, мучения, которые знает только тот, кто имел ужас когда-либо их испытать и о которых боишься даже вспоминать.

Днем становилось все-таки как будто легче. Мелочи жизни хотя и не наполняли объявшей меня мучительной пустоты, но заставляли бодриться на виду у других и отвлекали внимание от самого себя.

Но все же это главное — обстоятельства, вызвавшие столь внезапный уход государя, не переставали и тогда мучительно волновать мои мысли.

За этот уход я не мог упрекать его так сильно, как упрекали его, быть может, другие, не менее меня преданные ему и родине люди. Я его слишком любил как человека,

чтобы не силиться найти в его человеческой природе объяснений такому решению, быть может, и не подходившему для царя всей России. Но, понимая наболевшим сердцем всю горечь волновавших его чувств, я до сих пор не понимаю из них одного: почему, судя по телеграмме его к матери, он считал себя таким одиноким и покинутым, когда не мог не чувствовать, что тут же, рядом с ним, под одной кровлей вагона, бились любящие сердца, не менее, чем он, страдавшие одинаковыми переживаниями и за него и за родину.

Его замкнутая, скромная до застенчивости, благородная натура привыкла с раннего детства переживать сама с собою свои страдания и свои обиды, не отдавая их для сочувствия другим, даже самым близким людям.

Кто знает, думалось тогда мне, быть может, эти характерные черты, донесенные с детства до зрелых годов, и сказались, хотя отчасти, на невольной потребности отречься — уйти надолго совсем «в другую комнату», как это когда-то бывало в ранних днях его жизни, от несправедливо его обидевших, но любимых им русских людей, чтобы не продолжать ссору и не мешать им «играть в правительство».

И мне казалось, я был тогда даже убежден, что решение возникло у государя уже раньше, еще до получения телеграмм главнокомандующих и настояний Рузского. Оно, вероятно, мелькнуло в его мыслях впервые, еще во вторник 28 февраля поздним вечером, когда его осмелились не пропустить в Царское, а потребовали препровождения в Петроград, и начало укрепляться в мучительную ночь с 1 марта на 2-е, когда утром меня так поразил его измученный вид. Это решение было принято им, как всегда, единолично, в борьбе с самим с собою, и посвящать в свою душевную драму других, даже близких, он по складу своей застенчивой, самолюбиво-благородной природы, вероятно, не только не хотел, но и не мог.

Даже более сильные настояния, чем настояния Родзянко, Рузского и других генералов, мне кажется, никогда не имели бы окончательного успеха, если бы они не упали уже на подготовленную им самим почву. Его заставила это сделать не созданная лишь потугами немногих обстановка, наперекор которой, несмотря на войну, он всегда имел возможность и характер пойти и мог рассчитывать на несомненный успех, а нечто высшее, чем даже суровое чувство долга государя перед управляемой родиной, — человеческая любовь к русским людям, не разбирая среди них ни друзей, ни врагов.

Зная давно о существовании заговора и, вероятно, часто в мыслях готовясь к встрече с ним, государь вместе с тем крепко верил и в то, что предательство изойдет не от простого народа, «стихийным движением» которого так искусно теперь прикрывались его вожаки.

В предоставленном ему изменою и предательством выборе он предпочел отречься от меньшего — от власти, ставившейся притом слишком призрачной, и кто из монархистов мог бы его в этом упрекнуть.

Впоследствии, находясь в далекой Сибири, государь, по свидетельству близких лиц, не переставал волноваться сомнениями, связанными с его отречением. Он не мог не мучиться сознанием, что его уход, вызванный «искренними» настояниями «горячо любящих родину» людей, не послужил на пользу, а лишь во вред свято им чтимой России.

Быть может, именно эти жестокие нравственные переживания не за себя, а за родину заставили его, столь всепрощающего, сказать в Екатеринбурге следующие слова: «Бог не оставляет меня, он даст мне силы простить всех моих врагов, но я не могу победить себя еще в одном: генерала Рузского я простить не могу».

Известие об отречении, хотя о нем никто громко не говорил, дошло быстро и до нашей прислуги. Помню, каким тяжелым чувством оно сказалось на проводнике нашего вагона. В течение этого и всего следующего дня я видел его, с утра до вечера, неизменно сидящим в одной и той же почти застывшей позе, с головою, низко опущенной на руки. Он никуда не отлучался из своего уголка, приходившегося против моего купе, и совершенно забыл о своих обязанностях. Его, видимо, и не тянуло, как раньше, к другим, где он мог бы делиться впечатлениями или узнавать последние новости. Да и эти другие, судя по лицу моего старика Лукзена, обыкновенно очень общительного, а на этот раз не обмолвившегося ни единым словом о том, что произошло, — точно так же, лишь в самих себе, переживали надвинувшееся на родину несчастье.

Наступило утро 3 марта. Наш поезд, вышедший в три часа ночи из Пскова, уже двигался по направлению к Могилеву, в Ставку.

Будущего уже не было, дорогое, милое прошлое рухнуло куда-то в пропасть, а настоящее пока было похоже, своею видимостью, с прежним: жизнь в нашем поезде наружно шла своим обычным, размеренным ходом.

Государь и после отречения продолжал сохранять не только для нас, его любящих, но и для людей посторонних, равнодушных все то присущее ему величие, которое эти последние думали, что можно с него снять. Это и замечалось и чувствовалось мною как во время остановок на станциях, так и по приезде в Могилев и во время дальнейшего пребывания в Ставке.

Во время этого переезда все лица ближайшей свиты, находившиеся в поезде, решили сообща записать до малейших подробностей, чуть ли не по минутам, все то, что происходило за эти три дня, и Нарышкин записывал все подробно под нашу диктовку, хотел напечатать на пишущей машинке и дать это описание каждому из нас. Копии телеграмм главнокомандующих мы получили, наш общий дневник он переписать не успел.

Государь рано утром с дороги послал в Киев телеграмму своей матери, императрице Марии Федоровне, прося ее приехать на свидание в Могилев, а также телеграммы в Царское Село — ее величеству и в Петроград — великому князю Михаилу Александровичу, уведомляющую о передаче ему престола.

Телеграмма эта, наверно, не дошла, так как, судя по воспоминаниям В. Д. Набокова, великий князь «очень подчеркивал свою обиду, что брат его «навязал» ему престол, даже не спросив его согласия».

Насколько помню, судя по рассказам лиц, читавших в Ставке эту телеграмму, она была очень сердечна и была адресована на имя его императорского величества Михаила, и в ней были, между прочим слова: «Прости меня, если огорчил тебя и что не успел своевременно предупредить», «останусь навсегда верным и любящим тебя братом», а также и выражение: «Последние события вынудили меня бесповоротно решиться на этот крайний шаг».

Около четырех с половиной часов дня, когда поезд стал подходить к какой-то станции, сѣкорход предупредил меня, что его величество собирается выйти на прогулку. Остановка была недолгая, всего несколько минут. Я вышел на рельсы с противоположной стороны от платформы. День был серый, ненастный, темнело. Была оттепель. Сильная грязь и нагроможденные поленицы дров оставляли очень мало места для прогулки. Государь уже успел спуститься из своего вагона и, увидя меня, направился в мою сторону. «А и вы, Мордвинов, вышли подышать свежим воздухом», — как-то особенно добро и вместе с тем,

как мне показалось, необычайно грустно сказал государь и продолжал идти вперед. Я пошел рядом с ним. Мы были совершенно одни — все мои товарищи по свите оставались в вагоне. Ординарец, урядник конвоя, находился далеко.

Впервые за эти мучительные дни мне явилась неожиданная возможность остаться на несколько минут с глазу на глаз с государем, олицетворявшим мне мою родину, с человеком, которого я так любил и за которого теперь так страдал...

Я чувствовал его душевное состояние, мне так хотелось его утешить, облегчить. Так стыдно было перед ним за все совершившееся. Но чем утешить, что сказать — шевелилось напрасно в моем затуманенном, подавленном мозгу: сказать про «главное», про напрасное отречение — теперь уже поздно. А утешить, но чем же? чем? — все с большими мучениями проносилось в моих мыслях...

Государь шел также молча, задумавшись, уйдя глубоко в себя. Он был такой грустный, ему было так «не по себе»... Я посмотрел на него и вдруг заговорил, почти бессознательно и так глупо и путано, что до сих пор краснею, когда вспоминаю эти свои взволнованные «успокоения», оставшиеся в наказание у меня в памяти.

— Ничего, ваше величество, — сказал я. — Не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол, а, наоборот, вашего предка в такое же подлое время приходилось долго упрашивать, и, только уступая настойчивой воле народа, он, к счастью России, согласился нести этот тяжелый крест... Нынешняя воля народа, говорят, думает иначе... что ж, пускай попробуют, пускай управляют сами, если хотят. Насильно мил не будешь, только что из этого выйдет.

Государь приостановился.

— Уж и хороша эта воля народа! — вдруг с болью и непередаваемой горечью вырвалось у него. Чтобы скрыть свое волнение, он отвернулся и быстрее пошел вперед. Мы молча сделали еще круг.

— Ваше величество, — начал опять я, — что же теперь будет, что вы намерены делать?

— Я сам еще хорошо не знаю, — с печальным недоумением ответил государь, — все так быстро повернулось... На фронт, даже защищать мою родину, мне вряд ли дадут теперь возможность поехать, о чем я раньше думал. Вероятно, буду жить совершенно частным человеком. Вот увижу свою матушку, переговорю с семьей. Думаю, что уедем в Ливадию. Для здоровья Алексея и больных дочерей это

даже необходимо, или, может, в другое место, в Костромскую губернию, в нашу прежнюю вотчину.

— Ваше величество,— с убеждением возразил я,— уезжайте возможно скорее за границу. При нынешних условиях даже в Крыму не житье.

— Нет, ни за что. Я не хотел бы уехать из России, я ее слишком люблю. За границей мне было бы слишком тяжело, да и дочери и Алексей еще больны.

— Что ж, что больны,— начал было я, но кто-то подошел и доложил, что время отправлять поезд, и мы вошли в вагон.

В Орше, куда уже под вечер прибыл наш поезд, к нам в купе вошел Базили — чиновник Министерства иностранных дел, заведовавший дипломатической канцелярией в Ставке. Он выехал к нам навстречу из Могилева по поручению генерала Алексеева с портфелем каких-то срочных бумаг для доклада его величеству в пути. Что это были за бумаги, я не помню, хотя Базили о них и упоминал: кажется, они касались уведомления союзников о случившемся. Помню только, что он говорил о своем участии в составлении манифеста об отречении и, кажется, сообщил, что манифест этот, по просьбе Родзянко, пока решено не опубликовывать. Базили был очень угнетен и взволнован, на нем просто лица не было. Его охватывал ужас при мысли о том, что будет дальше, так как в Петрограде якобы уже не удовлетворялись отречением и, видимо, не желали, чтобы и Михаил Александрович сделался императором.

Он как-то трагически посматривал на купе Воейкова и все повторял: «На его бы месте я теперь вот так бы поступил» — и, приставляя руку к своему виску, намекал на самоубийство.

Воейкова я не особенно любил, вернее, я был к нему совсем равнодушен. Склад его характера не вызывал больших симпатий и у других, но тогда мне было его очень жаль. Я и ранее недоумевал во многом, когда его обвиняли в том, в чем он не мог, при всем желании, быть повинен, и что ему приписывала сплетня...

Кроме того, справедливость требует сказать, что в те дни В. Н. Воейков был один из немногих, вернее, пожалуй, единственный, кто правильно и твердо оценивал обстановку, убежденно приравнивая ее не к стихийно разгравшейся революции, каковою рисовалась она в глазах Родзянко и главнокомандующих фронтами, а к простому бунту запасных и петроградских рабочих. Это убеждение я лично слышал от него, следуя с ним в одном автомобиле за государем на вокзал при нашем отъезде из Могилева, и

я вынес впечатление, что это же убеждение не покидало его и по приезде в Псков, вплоть до вечернего разговора с Рузским. Имел ли он возможность передать с известной силой это свое мнение государю еще до подписания телеграммы об отречении — я не знаю; но если да, благодаря такой возможности ему одному удалось бы в те минуты и часы, в тот день исполнить свой долг перед его величеством и родиной. Но его обычная скрытность, далеко выходящая за пределы необходимости, и всегдашнее нежелание делиться с нами своими заботами и тревогами сыграли в данном случае и для него и для нас очень плохую роль. И если он лично, и граф Фредерикс знали уже, еще до вторичного прихода генерала Рузского с двумя генералами 2 марта, что вопрос идет об отречении, и сочли нужным об этом нам не сказать, то этим они лишили нас и последнего утешения и возможности всем сообща явиться к государю и умолять его отклонить домогательства лишь одного Петрограда, возмущавшие нас от всей души. Но, вероятно, и для графа Фредерикса, и Воейкова состоявшееся отречение явилось таким же неожиданным, как и для нас.

К нашему, в том числе и графа Фредерикса и Воейкова, отчаянию, как я уже сказал выше, мы об этом узнали слишком поздно — уже тогда, когда телеграммы были подписаны и находились в руках Рузского.

Правда, свите, в том числе и Воейкову и графу Фредериксу, удалось оттянуть посылку роковых телеграмм до вечера, в надежде, что, как казалось нам, веские доводы Шульгина придут к нам на помощь. Эти доводы пришли на помощь не нам, а другим... Пусть об этом судят история и русский народ, принимая, однако, во внимание, что в те дни лживое слово вызвало растерянность не только у мирных статских, но и у генералов, награжденных крестами за храбрость.

Базили был принят государем, и после короткой остановки в Орше поезд двинулся дальше.

Не помню, на какой станции, недалеко от Могилева, ко мне в купе пришел встревоженный старик Лукзен и предупредил меня, что он слышал на вокзале, как какие-то, вероятно прибывшие из Петрограда, солдаты рассказывали, что получено распоряжение немедленно, по прибытии в Могилев, арестовать весь императорский поезд и всех нас отправить в тюрьму. Я его успокоил как мог, говоря, что «не всякому слуху надо верить» и что он сам скоро увидит, что все это выдумки. Но некоторые сомнения все же не переставали тревожить меня.

К вечеру мы прибыли наконец в Могилев.

На платформе, вместо ареста и тюрьмы, обычная встреча, даже более многолюдная, более торжественная, чем всегда. Прибыли и все иностранные военные представители в полном составе миссий, обыкновенно отсутствовавшие в таких случаях.

Француз, генерал Жанен, и бельгиец, барон де Рикель, молча, но особенно сильно и сердечно, как бы сочувствуя и угадывая мое настроение, пожали мою руку, как и серб, полковник Леонткевич, видимо, взволнованный больше всех. Государь вышел, молча поздоровался с генералом Алексеевым и, обойдя, не останавливаясь, всех собравшихся, вернулся в вагон.

Было решено сначала, что мы останемся и будем жить в поезде, но после обеда вышла перемена: подали автомобиль, его величество сел с графом Фредериксом и уехал в губернаторский дом, а мы двинулись по пустынным улицам вслед за ними.

В помещении Верховного главнокомандующего было все по-прежнему, как и четыре дня назад.

Утром, в субботу 4 марта, после бессонной, кошмарной ночи, в которой на этот раз опасения за судьбу своей семьи играли немалую роль, я отправился, как всегда, в губернаторский дом к утреннему чаю.

Государь был уже в столовой, немного бледный, но приветливый, наружно спокойный, как всегда. От его величества мы узнали, что в этот день прибывает в Могилев вдовствующая государыня Мария Федоровна и что приезд ожидается перед завтраком около 12 часов дня.

Что делается в Петрограде и остальной России — мы не знали: утренних агентских телеграмм больше уже не представляли. Днем на мой вопрос по поводу этого обстоятельства кто-то из офицеров штаба ответил, что это делается нарочно, по приказанию начальника штаба, так как известия из Петрограда были настолько тягостны, а выражения и слова настолько возмутительны, что генерал Алексеев не решался волновать ими напрасно государя.

Но мы все же узнали, что волнения начали уже охватывать не только Москву, но и некоторые другие города, и что окончательно сформировалось Временное правительство, в котором Керенский был назначен министром юстиции. Помню, что последнее известие меня, подавленного и ничему более не удивлявшегося, даже вывело из себя: человеку, надругавшемуся в эти дни сильнее всех над нашим основным законом, поручали самое главное попечение о нем. Мог ли я думать, что через каких-нибудь два-три месяца мне придется, во имя справедливости, отнес-

тись к этому человеку даже с теплым чувством признательности и лично простить ему многое за его, хотя и слишком поздно, но все же искренно проявленные не только уважение, но, видимо, и любовь к государю и его семье.

По словам многих лиц, Керенский очень близко принимал к сердцу судьбу арестованной царской семьи и старался «делать, что мог» для ее облегчения.

Его зять, полковник Барановский, рассказывал своим сослуживцам по Ставке, передававшим впоследствии это мне, как однажды в поезде, будучи уже во главе правительства, Керенский, «как иступленный», бегал по коридору в вагоне и в неопишуемой тревоге выкрикивал: «Нет... их убьют... их убьют,.. их надо спасти, спасти во что бы то ни стало». Его возбуждение было на этот раз совершенно искренно; представляться не было надобности ни перед кем, так как в вагоне никого, кроме Барановского и него, не было.

В описываемый день я был дежурным при его императорском величестве. Государь сейчас же после чая направился, как и до отречения, в штаб, к генералу Алексееву. Сопровождал я один. Дворцового коменданта на этот раз не было. За те несколько шагов, которые приходилось сделать от губернаторского дома до помещения генерал-квартирмейстерской части, я успел только спросить у государя, нет ли известий из Царского Села, и его величество ответил, что, к сожалению, не имеет, но что все же надеется получить, так как уже и сам послал телеграмму.

Государь, встреченный, как и всегда, на площадке лестницы генералом Алексеевым, прошел к нему, а я остался в соседнем помещении, ожидая обратного выхода. Ко мне подошли некоторые из более мне знакомых офицеров штаба и, вероятно понимая мое состояние, с чуткой сердечностью стали расспрашивать о событиях последних дней. Видимо, и для них — для тех, с которыми я говорил, — весть об отречении далеко не такая внезапная и ошеломляющая, как для меня, была тем не менее мрачная и чреватая тяжелыми последствиями.

Ни радости, ни ликования или вообще какого-либо удовлетворения при мне высказываемо не было, как в тот день, так и потом во время дальнейшего пребывания в Ставке его величества.

Только изредка я мог чувствовать на себе какое-то ироническое злорадство немногих генералов: «кончилось ваше царство» — говорили их лица, но ни слова — «теперь пришел наш черед».

Не помню, кто из говоривших отвел меня в сторону и озабоченно и, как мне показалось, даже сочувственно сказал: «Знаете что, здесь, в Ставке, царит сильное возбуждение против Фредерикса и Воейкова, в особенности против Воейкова, его считают виновником всего, и мы опасаемся, как бы дело не кончилось очень и очень скверно; во всяком случае, арест его уже предreshен; посоветуйте ему возможно скорее уехать из Могилева, а то будет поздно и его не спасет даже присутствие государя, а только вызовет излишнее раздражение здешней толпы против его величества...» На этих словах государь вышел от Алексева и, зайдя на несколько минут в губернаторский дом, сел вместе с графом Фредериксом в автомобиль, и мы направились на вокзал для встречи прибывающей императрицы Марии Федоровны. Я, как дежурный, ехал в автомобиле вместе с Воейковым.

Вспоминаю, как я волновался за него и как мне было тяжело передавать ему то, что я только что слышал. Но мое предупреждение могло его спасти и оберечь государя от многого излишне тяжелого. После некоторых колебаний, уже на середине дороги я начал: «Владимир Николаевич, только что в штабе люди, видимо, искренне беспокоящиеся за вашу судьбу, просили предупредить вас, что решено вас арестовать, и посоветовать вам возможно скорее уехать из Ставки. Действительно, может быть, это и будет лучше: ведь арестованный, какую пользу принесете вы государю? Я знаю, что его величество заступится за вас, но видите, что творится. Вам Алексеев ничего не намекал?»

Воейков был очень угнетен. Мое предупреждение, видимо, его не поразило. Он ничего не ответил на последний вопрос и как-то задумчиво спросил: «Уехать... хорошо... но куда и как?»

— Поезжайте пока к себе в Пензенскую губернию; я думаю, кружным путем туда еще можно пробраться... Ведь не везде творится петроградский ад... поговорите с его величеством и уезжайте...

Воейков задумался, и мы молча доехали до вокзала.

Через несколько минут показался поезд, остановившийся на месте обычной остановки императорских поездов. Государь вошел в вагон и скоро вышел оттуда вместе с ее величеством.

Обойдя всех присутствующих, их величества прошли в деревянный пустой сарай, находившийся напротив остановки поезда, где и оставались очень долго.

С государыней прибыли только великий князь Алек-

сандр Михайлович, живший также в Киеве, и ее свита: графиня Менгден, князь Шервашидзе и князь Сергей Долгорукий. Ожидавшийся мною с таким нетерпением и волнением лучший друг нашей семьи, моя горячо любимая великая княгиня Ольга Александровна, с этим поездом не приехала; ее, кажется, не было в эти дни в Киеве. Отсутствие Ольги Александровны сказалось на мне самым тяжелым тоскливым разочарованием: я так надеялся на ее приезд и для себя и для государя, зная ее искреннюю и горячую привязанность к своему брату, любившему ее, в свою очередь, не менее сильно.

Князя Шервашидзе я знал долгие годы, еще с первого дня вступления его в должность, состоявшего при императрице. Нас сближала не только совместная служба под одной дворцовой кровлей (Михаил Александрович, при котором я был адъютантом, жил до 1912 года совместно с матерью), но и наша общая страсть к старине, к историческим исследованиям и собиранию портретов, миниатюр и гравюр. Князь Шервашидзе был большой оригинал, очень начитанный, наблюдательный, отличался находчивостью в затруднительных случаях и весьма своеобразно мыслил и говорил о разных исторических событиях.

Графиню Менгден я тоже давно и хорошо знал, и приезд их обоих меня очень тогда облегчил: я почувствовал себя менее одиноким; с ними я более успел сжиться, чем с обширной свитой государя, к которой я принадлежал всего несколько лет.

Великого князя Александра Михайловича я знал тоже довольно близко, так как мне приходилось подолгу гостить у него в Ай-Тодоре. Ко мне он относился всегда добродушно-иронически и, вероятно, во многом меня не понимал. Увидя меня, Шервашидзе сейчас же направился ко мне, и я как сейчас вижу его растерянно-удивленное лицо. Он отвел меня в сторону и недоумевающе, возбужденно спросил: «Что вы наделали?..»

— Мы ничего не наделали... Вы спросите лучше, что с нами наделали,— ответил я и в кратких словах объяснил ему, с какой внезапностью обрушились на нас последние события. Он изумлялся все более и более и, как и я, не мог примириться с поспешностью отречения.

Государь и императрица оставались в бараке очень долго, как мне показалось, уже более получаса. Был сильный морозный ветер. Чтобы согреться, мы вошли в сколоченную из досок пристройку к бараку, где топились подобие печки.

Вскоре их величества вышли из барака — государыня

со своею обычною приветливо-доброй улыбкой, государь также наружно совершенно спокойный и ровный.

Все разместились по автомобилям и поехали в губернаторский дом к завтраку. Я ехал вместе с Шервашидзе и графиней Менгден. Мои спутники сообщили, что у них в Киеве было совершенно спокойно, и удивлялись, что улицы Могилева ничего не говорили о совершившемся перевороте.

Я не помню, как прошел этот завтрак, не менее мучительный, чем предыдущие. Все эти восемь дней марта я ничего не мог есть и, будучи физически здоров, не чувствовал голода.

Встав из-за стола, государь и императрица удалились в комнату государя и долго оставались наедине, и лишь около четырех часов дня государыня уехала к себе в поезд, в котором и оставалась до 9 марта.

Насколько помню, вслед за отъездом императрицы в кабинет к государю вошел Воейков. Он оставался там недолго и вышел, как мне показалось, очень расстроенный. В то время как мы сидели за чаем, он появился уже одетый в шинель и стал с нами прощаться, говоря, что «сейчас уезжает». Тогда же стало известно, что и граф Фредерикс, по настоянию многих и Алексеева, также решил уехать, и милый инженер Ежов делал все возможное, чтобы ему устроить удобный и скрытый проезд.

Я не знаю, каким образом В. Н. Воейкову не удалось добраться до своего имения; помню только то, что бедный Фредерикс направился поздно вечером из Могилева на юг, кажется, на Киев. Ночь прошла благополучно, но утром на одной из станций его чиновник для поручений Петров, с усами, немного похожими на усы графа, неосторожно вышел из вагона, чтобы отправить телеграммы графине. Революционная волна успела докатиться и до этой станции: Петрова приняли за самого Фредерикса, затем арестовали обоих и отправили в Петроград.

С отъездом Фредерикса и Воейкова их обязанности стал исполнять гофмаршал князь Долгорукий.

После чая государь сообщил мне, что поедет обедать к своей матушке в поезд и проведет с нею и вечер. Мы выехали из губернаторского дома около семи часов вечера. До вокзала было не более десяти минут. Кроме меня, государя никто не сопровождал, даже запасного автомобиля, следовавшего по обыкновению сзади, на этот раз не было. Мы ехали совершенно частными людьми. На улицах было пустынно и тихо. То же волнение, как и во время вчераш-

ней прогулки, охватило меня и теперь, но еще с большею силой.

Так хотелось опять высказать сердцем многое и так опять не хватало для этого ни мысли, ни слов. Государь тоже был, видимо, подавлен и, вероятно, чувствовал и мое состояние. Он был бледен, и я невольно заметил, как много он успел похудеть за эти дни. Мы ехали некоторое время молча.

— Ваше величество,— начал опять первым я,— нет ли известий из Царского? Когда вы думаете поехать туда?

— Я еще не знаю,— ответил государь,— думаю, что скоро.— Он задумался и вдруг спросил: — Что обо всем говорят, Мордвинов?

— Ваше величество,— ответил опять бестолково, волнуясь, я,— мы все так удручены, так встревожены... для нас это такое невыносимое горе... мы все еще не можем прийти в себя. Для нас все так непонятно и чересчур уж поспешно... а в Ставке, как я слышал, особенно не понимают, отчего вы отреклись в пользу брата, а не законного наследника, Алексея Николаевича; говорят, что это совсем уже не по закону и может вызвать новые волнения.

Государь еще глубже задумался, еще глубже ушел в себя, и, не сказав больше ни слова, мы вскоре доехали до вокзала...

Государь прошел в последнее большое отделение вагона, где находилась императрица, а я остался в коридоре, выжидая указаний о нашем обратном отъезде.

Его величество скоро открыл дверь и сказал мне: «Мордвинов, матушка вас приглашает к обеду. Я потом вам скажу, когда поедем обратно», и снова закрыл дверь. Через вагон великого князя Александра Михайловича, где находился и бывший в Ставке великий князь Сергей Михайлович, я прошел в вагон князя Шервашидзе и графини Менгден, а затем, после недолгого разговора с ними, мы прошли в столовую, куда вскоре вошли и их величества.

Государыня Мария Федоровна была по виду почти такая же, какую я привык ее видеть и в обычные дни ее жизни, и с доброй и приветливой улыбкой поздоровалась со мною. Но, зная ее хорошо, я чувствовал, каким нечеловеческим усилием было это наружное спокойствие и выдержка. Мое место за столом приходилось напротив их величеств, а моей соседкой была графиня Менгден. Во время этого долгого обеда я силился поддерживать с нею обычный разговор. Она отвечала мне спокойно, как вспоминаю, оживленно, и я был несказанно поражен, когда уже в конце обеда Шервашидзе наклонился ко мне и, ука-

зывая на графиню глазами, шепнул: «Знаете, что она только что получила известие, что ее старшего брата убили солдаты». Этим изумительным самообладанием, которое мне, кроме императрицы матери, среди женщин еще ни разу не приходилось встречать, графиня Менгден восхитила меня и в дальнейшие дни, когда по улицам Могилева уже были развешены красные тряпки и бродила вызывающая и уже разнузданная толпа. Графиня Менгден ни за что не хотела внять нашим настояниям и, решительно отказываясь от сопутствования, с презрительной, но спокойной улыбкой отправилась в одиночестве гулять по возбужденному городу.

Государь после обеда еще долго оставался наедине с матерью. Великий князь Александр Михайлович с великим князем Сергеем Михайловичем разговаривали у себя в вагоне, а я сидел у Шервашидзе в купе вместе с ним и с князем Сергеем Долгоруким. Помню, что к нам приходил полковник Шепель, комендант поезда императрицы, но о чем шла тогда наша беседа, совершенно забыл. Вряд ли и было что-нибудь значительное, что могло бы невольно сохраниться даже в моей притупленной памяти. Все совершившееся было уже известно, а будущее, даже ближайшие часы, совершенно неопределенно и не давало возможности строить какие-либо предположения. Выяснилось лишь, что ее величество решила оставаться в Могилеве до конца пребывания государя в Ставке.

Весть об отказе Михаила Александровича принять власть до учредительного собрания к нам тогда еще не дошла. Очень поздно вечером мы вернулись с его величеством домой. Государь, как мне показалось по дороге, был немного более спокоен и очень заботливо отзывался о поездке Фредерикса и Воейкова.

Я проводил его величество до верху и вернулся к себе, не заходя в столовую, где остальные еще сидели за чаем. 5 марта было воскресенье. Утром мы узнали, что великий князь Михаил Александрович отказался принять власть впредь до подтверждения его императором Учредительным собранием и что начались избиения офицеров в Гельсингфорсе и во флоте.

Отказ Михаила Александровича от принятия престола меня лично не очень удивил.

Я знал хорошо скромную, непритязательную, совершенно нечестолюбивую натуру великого князя, при котором долго был адъютантом и с которым меня связывали когда-то самые искренние, дружеские чувства. Меньше всего он желал вступления на престол и, еще будучи на-

следником, тяготился своим «особенным положением» и не скрывал своей радости, когда, с рождением у государя сына, он становился «менее заметным». Вспоминаю один из разговоров моих с ним тогда на эту тему. «Ах, Анатолий Александрович,— с волнующей искренностью говорил он,— если бы вы знали, как я рад, что больше не наследник. Я сознаю, что к этому совершенно не гожусь и был совершенно не подготовлен. Я этого никогда не любил и никогда не желал...»

В этот воскресный день государь был, как обычно, в штабной церкви у обедни, куда мы на этот раз не пошли пешком, а поехали в автомобилях. Вскоре после нас туда же прибыла и вдовствующая императрица. Протопресвитер отец Шавельский был в отсутствии на фронте, и службу совершали, кажется, настоятель московского Успенского собора, прибывший в Ставку с чудотворной иконой Владимирской Божией Матери, и два других священника. Церковь была до тесноты полна молящимися, и многие были очень растроганы...

Вероятно, не меня одного сильно взволновала невольная запинка дьякона во время произнесения привычных слов моления о царствующем императоре. Он уже начал возглашать о «благочестивейшем, самодержавнейшем государе императоре Николае...» и на этом последнем слове немного приостановился, но вскоре оправился и твердо договорил слова молитвы до конца.

Помню, что по окончании службы государь, императрица и все мы прикладывались к чудотворным иконам, а затем их величества отбыли в автомобилях в губернаторский дом, а мы с князем Шервашидзе пошли туда же пешком.

Вспоминаю, какой болью поразили нас красные тряпки, которые появились впервые на многих домах Могилева. Со здания городской думы, находившегося на площади, напротив губернаторского дома, свешивались чуть ли не до земли два громадных куска красной материи.

Народ уже начинал наполнять площадь и главную улицу, ведущую от вокзала, но во время проезда их величеств толпа держала себя сдержанно и почтительно. Из губернаторского дома нам было видно, как народ толпился у решетки сада, всматривался долго в наши окна в надежде увидеть в них государя и императрицу.

После завтрака, на котором, кроме лиц ближайшей свиты, никто не присутствовал, государыня опять оставалась наедине с его величеством и только поздно днем воз-

вратилась к себе в поезд. Государь опять вечером обедал у своей матушки, вернулся поздно, и я его почти не видел.

Ночь с воскресенья на понедельник 6 марта была для меня особенно мучительна. Мысли о семье, о которой я почти не вспоминал в предыдущие дни, в эту ночь под влиянием рассказа офицера сводного полка поглощали все остальные.

Узнать что-нибудь о жене и дочери было невысказано, так как никакой связи с Гатчиной еще не было. Под утро я вспомнил, что справки о судьбе семьи графа Фредерикса удалось получить через генерала Вильямса, английского военного представителя в Ставке, и решил обратиться к нему; от него, как говорили, ездили ежедневно курьеры в Петроград и он многим уже успел помочь снести с родными.

В этот день я был дежурным и нашел случайно генерала Вильямса, ожидавшего приема у его величества в зале перед кабинетом государя. Он очень любезно согласился исполнить мою просьбу и, записав адрес моей жены, обещал ее уведомить, что у меня все благополучно и что я надеюсь скоро вернуться.

Генерал Вильямс, несмотря на всю присущую ему сдержанность, был очень раздражен на Петроград. «Они все там сумасшедшие, сумасшедшие», — неоднократно вырывалось у него. Насколько помню, он тогда же сказал мне, что получил от своего посла Бьюкенена телеграмму о том, что английское правительство ручается за безопасный проезд царской семьи в Англию, и даже показывал мне эту телеграмму, держа ее в руках, вероятно, для доклада государю. Насколько помню, в тот же день, только позднее, я читал и копию телеграммы из Петрограда, сообщавшей, что Временное правительство не встречает никаких препятствий для отъезда государя за границу. Генерал Вильямс, как бы отвечая на мои собственные мысли, тоже находил, что с отъездом необходимо спешить и что болезнь детей государя не должна служить препятствием. «От этих сумасшедших все возможно», — сказал он.

В этот день я ездил также один с государем к императрице и как и прошлый раз был оставлен обедать ее величеством.

Государь был в этот день особенно бледен и задумчив. Ему было очень не по себе. Видимо, к тяжелому внутреннему состоянию прибавилось и физическое недомогание. Возвращаясь поздно от императрицы, разговор коснулся предполагаемого отбытия государя из Ставки, и я вынес впечатление, что его величество предполагал уже тогда

уехать за границу, но только не знал еще времени, когда будет возможность исполнить это намерение, не высказывая, впрочем, его определенно.

Проводив государя наверх, я вернулся к себе. Началась новая ночь и новые мучения... Под утро, около 4 часов, когда я лежал с открытыми глазами, ко мне осторожно вошел Лукзен и, подавая мне телеграмму, сказал: «Вам, Анатолий Александрович, телеграмма из Гатчины, верно, важная, что ночью доставили. Наверно, от Ольги Карловны, как-то у нас там», — с боязливой озабоченностью добавил он, зажигая электричество. Телеграмма была действительно от жены. Она была кратка, но успокоительна и отправлена с Гатчинского дворцового телеграфа. Жена благодарила за уведомление, радовалась скорому свиданию, сообщала, что все они здоровы и думают обо мне. Радость наша, и моя и Лукзена, была громадная, и, насколько помню, я в первый раз заснул на час после этого дорогого известия.

7 марта, во вторник нам стало известно, что государь решил переехать в Царское Село на следующий день. Тогда же распространился слух, что Могилевский гарнизон постановил собраться на митинге на площади около губернаторского дома. Генерал Алексеев предупредил эту демонстрацию, назначив по тревоге сбор всех могилевских воинских частей, с церемониальным маршем, и назначенный митинг не состоялся.

Вообще для довольно многочисленного Могилевского гарнизона развернувшиеся события были совершенно непонятны. Противоречивые и вздорные слухи, проникавшие из Петрограда, начинали их волновать, и во избежание дальнейших осложнений было предписано начальникам частей «разъяснить» нижним чинам сущность происшедшей перемены. В большинстве случаев эти разъяснения мало кого могли удовлетворить и оставляли за собою прежнее недоумение.

В среду 8 марта, день отбытия его величества из Ставки, нам утром выдали из управления дежурного генерала удостоверение личности, в которых было сказано, что «предъявитель такой-то назначен для сопровождения бывшего императора». Редакция эта меня очень возмутила, тем более что в выдаче новых удостоверений мы вовсе не нуждались, имея при себе старые, полученные от военноподходной канцелярии его величества.

В этот день утром государь прощался с чинами штаба, собранными в большом зале управления дежурного генерала.

Всем было невообразимо тяжело: двое или трое упали в обморок, многие плакали. Государь говорил ясно, отчетливо, с глубоким сердечным волнением. Что говорил, он — я не помню. Я только слышал звук его голоса и ничего не понимал...

Как говорили, государь не мог кончить своих прощальных слов и сам, очень взволнованный, вышел из зала. Я вышел вслед за ним.

Потом приходили наверх прощаться поодиночке все иностранные военные агенты... Даже сдержанный Вильямс вышел из кабинета государя глубоко растроганный. О Коанде, Жанене, Риккеле и Леонткевиче нечего и говорить: глаза их были полны слез. Серб Леонткевич сказал мне, что он «не мог удержаться и поцеловал руку русского царя за все то, что он сделал для славянства и для родной Сербии». Леонткевич долго не мог успокоиться и все повторял с отчаянием и вместе с тем с уверенностью: «Россия без царя... это невозможно, этого никогда не будет»...

В этот же день прибывший из Петрограда фельдъегерь привез вместе с другими бумагами и приказание временно командовавшего императорской главной квартирой, генерал-адъютанта Максимовича, объявлявшего, что из лиц государевой свиты только генералы преклонного возраста, согласно приказу нового военного министра Гучкова, могут, если пожелают, подать в отставку, но что молодые не имеют права покидать службу до конца войны.

Я был только, хотя и старый, но полковник сравнительно молодой и здоровый, и распоряжение это меня ставило в очень трудное положение, так как с первого же момента отречения я решил уйти в отставку, жить в деревне или даже уехать за границу на все время владычества Временного правительства.

В какую-либо возможность продолжения войны, с уходом государя и при создавшемся хаосе междуцарствия, я, зная чувства деревни, совсем не верил, а сказанные мне так недавно слова его величества о том, что он хочет жить совершенно частным человеком, не давали мне возможности надеяться остаться при государе, тем более что я и ранее не занимал никакой дворцовой должности. К тому же у меня были почти все человеческие недостатки, но, кажется, «способность навязываться» была наименее сильная из всех.

Я знал, что это отрицательное качество было особенно нелюбимо и государем, но все же имел случай в один из самых последних дней высказать его величеству, что «с ним я готов куда угодно, хоть на край света». «Знаю, знаю,

Мордвинов», — с ударением, убежденно, но, как мне показалось, грустно, сказал мне тогда государь и глубоко задумался, а потом переменял разговор. До сих пор я слышу эту интонацию голоса моего государя, это убежденное «знаю, знаю». До сих пор эти дорогие слова наполняют меня непередаваемо волнующим чувством и, как сейчас, я вижу доброе лицо его величества, когда он сердечно и крепко обнял и поцеловал меня при нашем прощании...

И до сих пор я мучительно теряюсь в догадках, почему он ничего больше не сказал. Смущало ли его, что я семейный, и он, по своей чуткой, душевной деликатности, не желал отделять меня от семьи, или он думал при этом о других, дольше служивших при нем, моих старших товарищах, или же и сам еще не знал, как сложится его дальнейшая жизнь, и кого и сколько лиц ему можно будет оставить при себе. Или, быть может, у него сильнее укреплялось уже намерение «жить совершенно частным, простым человеком».

Эти и другие бесчисленные предположения мелькали тогда в моих мыслях и не находили уверенного, успокоительного ответа...

Время отъезда, а значит, и конца моей очередной официальной службы при императоре уже приближалось, и я все настойчивее продолжал думать о неопределенных словах государя, невольно и эгоистично связывая с ними и будущее своей семьи. Мне было подчас очень совестно перед самим собою, что в такие дни меня могли тревожить такие мысли, но отделаться от них, как ни старался, я все же не мог. Они касались не меня одного, а моей семьи, также зависевшей от моей службы. Я жил на небольшое жалованье по чину полковника, а пожар, истребивший мой дом в деревне, еще больше затруднял положение.

Вернувшись к себе в гостиницу, уложив вещи и не зная, что далее делать, я пошел в помещение иностранных представителей, с которыми мы, встречаясь почти ежедневно, успели сжиться, чтобы сделать им прощальный визит, а также и поблагодарить генерала Вильямса за его любезное уведомление моей жены, доставившее ей и мне столько облегчения.

О генерале Вильямсе еще раньше, а в особенности в последние дни, я вынес впечатление как о человеке долга, прямом, вдумчивом, далеком от всего мелкого, много знающем того, чего мы не знали, а главное, любящем государя и очень беспокоящемся за его судьбу. Генерал Вильямс,

видимо, не скрывал этих чувств и от своего правительства, что и послужило, как говорили потом, причиною его позднейшего отозвания из Ставки и замены более демократически настроенным генералом Бартером.

Прощаясь с ним и на его вопрос о том, что я намерен теперь делать, я сказал, что официальная моя служба кончается, что проеду с его величеством до Царского Села, а что дальше будет — совершенно не знаю, так как в отставку запрещено подавать, а от строя я отвык. Поделился с ним и моими мыслями насчет продолжения войны, передал невольно и о неопределенных словах государя в ответ на мое заявление о моей преданности.

«Нет, вам лучше оставаться здесь в Ставке,— кратко и с убеждением ответил мне Вильямс,— здесь вы даже будете гораздо полезнее его величеству как его бывший адъютант».

На мой протест и возражение, что можно ведь вернуться и потом — мои вещи уже были отправлены в поезд и я стремился повидать хоть на минуту мою семью,— он, глядя мне прямо и значительно в глаза и намекая, как я сейчас же почувствовал, на ожидающий меня в Петрограде арест, снова повторил: «Я вам уже сказал, что лучше оставаться здесь; другого совета я вам дать не могу... Впрочем, сделайте, как знаете»,— уже довольно нетерпеливо и даже раздраженно добавил он.

И все же я с советом генерала Вильямса внутри себя не соглашался, продолжал колебаться и не приходил ни к какому решению.

В губернаторском доме, куда я направился, был полный хаос: внизу шла усиленная укладка дворцового имущества, стояли ящики, лежали свороченные ковры, суежилась прислуга. Я машинально поднялся наверх, вошел в пустую залу и увидел двери кабинета широко открытыми... Государь был один, стоял в глубине комнаты, около письменного стола, и неторопливо, как мне показалось, спокойно собирал с него разные вещицы, видимо, для укладки. «Спрошу у него самого, как лучше... скажу про свои сомнения, сейчас же, пока он один и не занят,— мелькнуло в моих мыслях,— а вдруг это покажется лишним?» Но я уже входил в кабинет.

«Что, Мордвинов?» — спросил государь.

«Ваше величество,— очень волнуясь и сбивчиво заговорил я,— я только что был у генерала Вильямса, чтобы проститься с ним перед отъездом, и он мне настойчиво советует пока оставаться здесь... говорит даже, что это почему-то будет полезнее для вас... Ваше величество, ведь вы меня

знаете... мои вещи уже в поезде, сам я не знаю теперь, как быть... Как вы думаете, что будет лучше для вас... быть может, вам действительно будут нужны когда-нибудь преданные люди, находящиеся здесь...»

«Конечно, оставайтесь, Мордвинов»,— как мне показалось без колебаний и даже с ударением на слове «конечно» сказал государь, порывисто приблизился ко мне, обнял и крепко, крепко поцеловал...

Через несколько минут я уже ехал с другими товарищами по свите на станцию к императорскому поезду, куда еще раньше уехал с вещами Лукзен... Я был весь под впечатлением моего свидания с государем, и трудно было успокоиться. О, если бы я тогда почувствовал, мог уловить хотя бы ничтожное колебание в его словах... Лукзен еще больше расстраивал меня своими уговорами:

«Съездите хоть на денек домой... успокойте Ольгу Карловну и дочку, а то они будут очень уж убиваться...»

Императорский поезд уже стоял на станции, недалеко от него находился и поезд вдовствующей императрицы, которая тоже намеревалась уехать в тот же день. Государя ожидали на вокзале не раньше, как через полчаса, и меня сейчас же потянуло проститься и с государыней.

Я любил императрицу Марию Федоровну, любил ее за то, что она издавна тепло относилась к отцу моей жены, ко всей моей семье и ко мне самому... Любил ее не только как супругу чтимого мною императора Александра III, но и как глубоко страдающую женщину, на хрупкие плечи которой столько раз ложилось непосильное горе...

«Кто знает, увижу ли я ее еще когда-нибудь,— шевельнулось в моих мыслях,— а может быть, я буду еще для чего-нибудь ей теперь же нужен»,— и я вошел в ее вагон. О мне доложили, и ее величество сейчас же меня приняла. Государыня была одна и, когда я вошел, писала что-то в книжечке-дневнике, как мне показалось. Не помню точно, в каких выражениях я объяснил ей, что пришел проститься, что вынужден на неопределенное время остаться здесь, и, передав ей свой разговор с генералом Вильямсом, спросил: «Ваше величество, как вы думаете об этом, что лучше; генерала Вильямса я уважаю, но все же знаю недостаточно близко, хотя и чувствую, что он любит государя».

— Конечно, да,— ответила императрица,— он настоящий джентльмен и очень любит государя.

— Ваше величество,— закончил я,— я остаюсь здесь, не знаю на сколько, но убедите государя возможно скорее уехать за границу, пока Временное правительство тому не препятствует. Это тоже советует и генерал Вильямс. Не-

смотря на болезнь великих княжен. Это возможно... ведь возят в поездах даже тяжело раненных...

Я не помню, что ответила на это государыня, кажется, даже промолчала, но почему-то вынес впечатление, что так и будет...

Вскоре прибыл на вокзал государь. Мы, свита, завтракали отдельно в императорском поезде, а его величество оставался очень долго в поезде у государыни. Затем мы все ходили прощаться с ее величеством и вернулись к себе в вагон. Помню, что я взял себе на память о дорогом минувшем прошлом простое, уже никому не нужное деревянное кольцо от салфетки, на котором было выжжено мое имя, и написал, для отсылки с Лукзенем, отправлявшимся с моими вещами в поезде, короткую записку жене, а на словах просил своего старика не тревожить жену излишними намеками и предположениями о моем аресте¹.

Не помню, кто из чинов штаба, собравшихся на проводы, показал мне снова телеграмму князя Львова, адресованную генералу Алексееву. Эта телеграмма гласила: «Временное правительство постановило предоставить бывшему императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск». Телеграмма эта очень всех нас успокоила.

Тут распространился слух, что какие-то представители Временного правительства прибыли в Могилев, чтобы сопровождать поезд государя и якобы оберегать его путь от всяких случайностей.

Хотя и немного смущенно, они все же разыгрывали роль начальства, приказали прицепить свой вагон к императорскому поезду и не позволили офицеру конвоя сопровождать поезд. Графу Граббе с трудом удалось устроить туда лишь трех ординарцев-урядников...

Я видел лишь издали этих трех-четырёх делегатов на рельсах среди вагонов, о чем-то совещающихся. Фигуры их, не то зажиточных мастеровых, не то закудалых провинциальных чиновников, вызывали во мне, обыкновенно никогда не обрацавшем никакого внимания на внешность, какое-то гадливое отвращение.

¹ О предполагаемом моем аресте говорил впоследствии моему товарищу по академии генералу Барсукову великий князь Сергей Михайлович, оставшийся в Ставке и выразивший сначала даже неудовольствие, что я для скрывания избрал своим убежищем Ставку и что генерал Барсуков сделал попытку приютить меня временно в первые дни в своем артиллерийском штабе. Потом великий князь понял мое положение, хотя я ему и не говорил о причинах, его вызвавших.

Как оказалось, они рассматривали список сопровождавших и запретили почему-то адмиралу К. Д. Нилову следовать в поезде...

— Вот до чего мы дожили,— вырвалось у меня в обращении к генералу Алексееву, пришедшему проводить государя и стоявшему рядом со мною в коридоре вагона его величества.

— Это все равно должно было случиться,— после краткого раздумья, но уверенно, возразил он мне,— если не теперь, то случилось бы потом, не позднее, как через два года.

**а) БЕСЕДА С ЖУРНАЛИСТОМ В. САМОЙЛОВЫМ
ОБ ОТРЕЧЕНИИ НИКОЛАЯ II**

— Ваше высокопревосходительство,— обратился наш корреспондент к генералу Рузскому,— мы имеем сведения, что свободная Россия обязана вам предотвращением ужасного кровопролития, которое готовил народу низложенный царь. Говорят, что Николай II приехал к вам с целью убедить вас, чтобы вы послали на восставшую столицу несколько корпусов.

Генерал Рузский улыбнулся и заметил:

— Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, то она даже больше той, о которой вы принесли мне сенсационную весть.

Корпусов для умирения революции отрешившийся от престола царь мне не предлагал посылать по той простой причине, что я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого ясна стала неисправимость положения.

Я расскажу вам подробно весь ход событий, сопровождавший отречение царя. Я знал 28 февраля из телеграмм из Ставки, что царь собирается в Царское Село. Поэтому для меня совершенной неожиданностью была полученная мною в ночь на 1 марта телеграмма с извещением, что литерный поезд направился из Бологого через Дно в Псков. Поезд должен был прибыть вечером 1-го числа, часов около восьми. Я выехал на станцию для встречи, причем распорядился, чтобы прибытие царя прошло незаметно. Поезд прибыл в 8 часов вечера. С первых же слов бывшего царя я убедился, что он в курсе всех событий. Во всяком случае, он знал больше того, что мне самому было известно. Несмотря на то что Псков находится всего в 7—8 часах пути от Петрограда, до меня доходили смутные известия о происходивших в Петрограде событиях. Кроме телеграммы Родзянко, полученной 27 февраля, с просьбой обратиться к царю, я от Исполнительного комитета Государственной

думы до приезда царя решительно никаких уведомлений не получал.

Кстати замечу, что ответ мой на эту телеграмму, напечатанный в «Известиях», несколько неточен. Моя телеграмма гласила: «Телеграмму получил. По ее содержанию исполнил телеграммою государю».

Обычно мало разговорчивый, Николай II на сей раз был еще более угрюм и скуп на слова. События его не только волновали, но и раздражали. Однако ни о каких репрессивных мерах против революции он уже не мечтал, наоборот, часам к двум ночи он меня пригласил к себе и заявил:

— Я решил пойти на уступки и дать им ответственное министерство. Как ваше мнение?

Манифест об ответственном министерстве лежал на столе, уже подписанный. Я знал, что этот компромисс запоздал и цели не достигнет, но высказывать свое мнение, не имея решительно никаких директив от Исполнительного комитета или даже просто известий о происходящем, — я не решался. Поэтому я предложил царю переговорить по телеграфному аппарату непосредственно с Родзянко. Удалось мне вызвать Родзянко к аппарату, помещающемуся в Петрограде в Главном штабе, лишь после 3 часов ночи. Эта наша беседа длилась больше двух часов. Родзянко передал мне все подробности происходящих с головокружительной быстротой событий и определенно указал мне, что единственным выходом для царя является отречение от престола.

О своем разговоре с Родзянко я немедленно передал по телеграфу генералу Алексееву и главнокомандующим фронтами. Часов в 10 утра я явился к царю с докладом о моих переговорах. Опасаясь, что он отнесется к моим словам с недоверием, я пригласил с собою начальника моего штаба генерала Данилова и начальника снабжений генерала Саввича, которые должны были поддержать меня в моем настойчивом совете царю, ради блага России и победы над врагом, отречься от престола. К этому времени у меня уже были ответы генералов Алексеева, Николая Николаевича, Брусилова и Эверта, которые все единодушно тоже признавали необходимость отречения.

Царь выслушал мой доклад и заявил, что готов отречься от престола, но желал бы это сделать в присутствии Родзянко, который якобы обещал ему приехать в Псков. Однако от Родзянко никаких сообщений о желании его приезда не было. Наоборот, в моем ночном разговоре с

ним по аппарату он определенно заявил, что никак отлучиться из Петрограда не может, да и не хочет.

Мы оставили царя в ожидании с его стороны конкретных действий. После завтрака, часа в три, царь пригласил меня и заявил, что акт отречения им уже подписан и что он отрекся в пользу своего сына.

Он передал мне подписанную им телеграмму об отречении; я положил ее в карман и вышел, чтобы, придя в штаб, отправить ее. Совершенно неожиданно в штабе мне подали телеграмму за подписью Гучкова и Шульгина с извещением, что они в 3 часа 35 мин. дня выехали в Псков. Получив эту телеграмму, я воздержался от опубликования манифеста об отречении и отправился обратно к царю. Он, видимо, был очень доволен посылкой к нему комиссаров, надеясь, что их поездка к нему свидетельствует о какой-то перемене в положении.

Поезд с комиссарами несколько запоздал и пришел в 10-м часу вечера. Царь нервничал в нетерпеливом ожидании. Я лично держался от него в стороне, избегая с ним встреч и разговора. Его все время не оставлял престарелый Фредерикс.

В момент приезда комиссаров я находился в своем вагоне. Несмотря на отданное мною распоряжение, чтобы по приезду комиссаров их прежде всего провели ко мне, их перехватил кто-то из свитских генералов и направил прямо к царю. Когда я вошел в вагон к царю, А. И. Гучков докладывал ему подробно о последних событиях. Особенно сильное впечатление на Николая II произвела весть о переходе его личного конвоя на сторону восставших войск. Этот факт его настолько поразил, что он дальнейший доклад Гучкова слушал уже невнимательно.

— Дальнейшее вам уже известно, — заявил генерал Рузский, — из опубликованного сообщения в «Известиях». На вопрос царя, что ему теперь делать, Гучков тоном, не допускающим двух решений, заявил:

— Вам надо отречься от престола.

Царь спокойно выслушал это заявление комиссара Исполнительного комитета. После долгой паузы он ответил:

— Хорошо, я уже подписал акт об отречении в пользу моего сына, но теперь я пришел к заключению, что сын мой не отличается крепким здоровьем, и я не желаю с сыном расстаться, поэтому я решил уступить престол Михаилу Александровичу.

Комиссары не возражали. Царь вышел с Фредериксом в соседний вагон, составил новый текст отречения и вернулся в вагон, в котором находились комиссары. В тече-

ние десяти минут царило тягостное молчание. Наконец явился Фредерикс с напечатанным на машинке актом отречения, который царь тут же подписал. Комиссары предложили Фредериксу контрассигнировать подпись. С согласия царя Фредерикс поставил свою подпись. Акт отречения составлен в двух экземплярах, один из которых хранится у меня, а другой был мною выдан под расписку А. И. Гучкову. Таким образом, в течение 24 часов Николаем последовательно было подписано три акта: в 2 часа ночи 2 марта — манифест о «даровании ответственного министерства», в 3 часа дня — «отречение в пользу сына Алексея» и, наконец, в 10 часов вечера — «отречение в пользу Михаила Александровича».

Я уже сказал, что Николай II в этот исторический день был чрезвычайно угрюм и молчалив и особенно осторожен в словах со мной. Я не могу поэтому вам передать, что чувствовал и думал в это время низложенный революцией монарх. Но общее мое впечатление таково, что с момента получения известия о том, что Родзянко, вопреки ожиданиям Николая, отказался приехать, у царя не оставалось никаких иллюзий.

Пребывание царя в Пскове было известно всем. Но поразительно, с каким хладнокровием и невниманием на сей раз отнеслось к этому факту население и войска. Царь часто гулял совершенно один по перрону вокзала, и никто из публики не обращал на него внимания. Время он проводил исключительно в компании нескольких сопровождавших его свитских генералов. Я лично, как я уже сказал, избегал долго оставаться в его обществе, и наши беседы с ним носили чисто деловой характер.

Через полчаса после передачи акта отречения и отъезда комиссаров Исполнительного комитета литерный поезд отрекшегося царя направился через Двинск в Ставку, а вчера, то есть 4 марта, в 6 часов вечера, я получил телеграмму из Ставки о прибытии его туда.

В заключение генерал Рузский показал мне подлинный акт отречения Николая II. Это плотный телеграфный бланк, на котором на пишущей машинке изложен известный текст отречения, подпись Николая покрыта верниром (лаком). Контрассигнация Фредерикса не удостоилась увековечения. По-видимому, эта подпись престарелого царского опричника показалась малоценной комиссарам, принявшим акт отречения.

6) ПРЕБЫВАНИЕ НИКОЛАЯ II В ПСКОВЕ 1 И 2 МАРТА 1917 Г.

(Беседа с генералом С. Н. Вильчковским)

Предлагаемые читателю ниже страницы навеяны воспоминанием о беседах с покойным генерал-адъютантом Н. В. Рузским, которые мне пришлось вести за время с октября 1917 г. почти по день его ареста в сентябре 1918 г.

В начале Н. В. Рузский избегал говорить о первых днях революции, но после того, как в Ростове М. В. Алексеев объявил о создании Добровольческой армии и мы, живя на Кавказских Минеральных Водах, оказались отрезанными от всего мира, Рузский стал опасаться, что события пойдут так, что ему не удастся в печати объяснить свою роль в трагедии отречения и что пущенная на его счет, как он под честным словом заверял, клевета, будто бы он неприлично вел себя по отношению к государю, перейдет в историю. Он начал часто говорить о событиях марта 1917 года, сначала рассказывая отдельные эпизоды, а затем, когда Ессентуки были уже заняты большевиками, однажды в сумерках пришел ко мне и спросил, согласен ли я взять на хранение важные документы, вывезенные им из Пскова. На другой день он принес эти документы, в течение нескольких часов читал их, сопровождая своими комментариями и, еще раз спросив, согласен ли я их хранить, ввиду того, что он ежечасно ожидал обысков и ареста, сказал: «Я знаю ваше отношение к государю и императрице и потому оставляю вам все это только, если вы теперь верите мне, что я перед ними виноват, не более, чем другие главнокомандующие и во всяком случае менее, чем Алексеев. Я знаю, что обо мне говорят, и при этом ссылаются на слова самого государя. Даю вам слово на этом кресте (он носил ленточку св. Георгия), что это гнусная клевета и на меня и на государя».

27 февраля, в то время, когда в Петрограде, в здании Государственной думы собрался уже на организационное собрание Совет рабочих депутатов, в то время, когда председатель Думы передал делегации солдат постановление старейшин ее, в котором говорилось, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти», в то время, когда под председательством Родзянко по предложению Дзюбинского обсуждался вопрос об организации Временного комитета Государственной думы, главнокомандующий Северным фронтом получил от Родзянко пер-

вую телеграмму о том, что делается в Петрограде (№ 1), а государь получил телеграмму, им же подписанную, — «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Петровская фраза «Промедление смерти подобно» так, по-видимому, нравилась Родзянко, что он ею закончил и свою первую телеграмму государю и первую телеграмму генералу Рузскому. Та же мысль о немедленном поручении составить новое правительство (неназванному лицу), «которому может верить вся страна», повторяется также в обеих телеграммах, но в той, которая послана государю и должна была вызвать немедленное его решение, нет тех подробностей, какие находим в телеграмме к генералу Рузскому, от коего решение, конечно, не зависело. Генерал Рузский берет на себя тяжелую задачу осведомить государя о полученной им телеграмме и сопровождает ее текст своими дополнениями. Рузский ни слова не говорит об «единственном выходе на светлый путь», который навязывает государю Родзянко, уже вставший во главе революционного движения. Рузский остается солдатом; он ясно и откровенно доносит о положении вещей в армии; говорит о железнодорожной неурядице, рекомендует принять меры теперь же, ибо успокоение тыла даст бодрость фронту, и предостерегает от репрессий как от паллиатива, всегда, по его мнению, недостаточного. Н. В. Рузский, как и все либеральные мыслящие люди, считал, что репрессии только обостряют положение, и полагал, что дарование ответственного министерства сразу и надолго успокоит Россию, отняв от революционных партий могучее агитационное средство. Поэтому он был против посылки отряда генерал-адъютанта Иванова.

Следующая телеграмма, полученная в тот же день в Пскове, была от военного министра (№ 3). Это была копия одной из ряда противоречивых телеграмм, отправленных им за эти дни в Ставку. Еще до получения ее в Могилеве генерал Алексеев вызвал по прямому проводу начальника штаба Северного фронта генерала Данилова и лично говорил с ним, чтобы ориентировать Псков о назначении, полученном генерал-адъютантом Ивановым, и чтобы дать соответственное распоряжение о поддержке его. Растерянность генерала Хабалова была уже ясна Алексееву. Но еще ни в Ставке, ни в Пскове не понимали, что прошло уже три дня, как столица была в анархии и Дума возглавляла революцию.

Как видно из документа № 5, в Ставке телеграмма Ха-

балова о беспорядках в Петрограде была получена еще 26 февраля около двух часов дня. В этой телеграмме доносилось о событиях 25 февраля. Вечером 26 февраля в Ставке была получена телеграмма от Родзянко, сообщавшего о стихийном характере беспорядков. Напротив того, 27 февраля военный министр сначала телеграфировал, что начавшиеся в некоторых частях волнения твердо и энергично подавляются, и выражал уверенность в скором наступлении успокоения, а потом сообщал изложенное в документе № 3. В то же время Родзянко извещал о военном бунте, а Хабалов давал его подробности и просил поддержки с фронта. Обо всем этом Ставка не уведомила генерала Рузского тотчас по получении сведений, а лишь 28 февраля разослала циркулярную телеграмму всем главнокомандующим, где говорится уже о получении частных сведений об отъезде государя и о телеграммах, полученных от генералов Хабалова и Беляева в течение дня 28 февраля. В этих телеграммах от 28 февраля Хабалов сообщал, что он порядок восстановить не может, что верные части понесли огромные потери, что их всего осталось около тысячи человек, а Беляев доносил, что мятежниками занят Мариинский дворец; последняя телеграмма Хабалова говорила, что он на события «фактически влиять не может». В это время государь был уже на пути в Царское Село. Все это Рузский узнал лишь поздно вечером 28 февраля уже после того, что ему была доставлена телеграмма Бубликова. В этой телеграмме от имени Родзянко говорилось, что старая власть создала разруху и бессильна и Государственная дума берет в свои руки создание новой власти. Телеграмма эта, обращенная к железнодорожникам, имела результатом остановку императорского поезда в Малой Вишере.

В то же время телеграмма из Ставки (№ 6) говорила как будто о восстановлении порядка и трактовала петроградские события очень спокойно, а самовольно захватившие в руки власть люди именовались министрами нового кабинета. Ставка, очевидно, признала «новый кабинет», тут же давалась и генералу Иванову директива: «Доложите его величеству убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу». Эту директиву принял к сведению и Н. В. Рузский, но подчеркнул в телеграмме слова «это по желанию народа» и «если эти сведения верны, то изменятся способы наших действий». Мы увидим, что эта телеграмма имела большое влияние и на государя и на Рузского. Последний в это время, то есть в ночь с 28 февраля на 1 марта, считал себя еще совершенно в стороне от событий в Петрограде и ограничился распоряжениями по со-

ставлению и посылке требовавшихся с его фронта войск для усиления отряда генерала Иванова.

Наступил день 1 марта.

Утром Рузский получил телеграмму Родзянко, извещающую о переходе правительственной власти к Временному комитету Государственной думы (№ 7). После завтрака была доставлена телеграмма дворцового коменданта Воейкова о следовании императорского поезда в Псков. Обстановка в глазах Н. В. Рузского складывалась так: в Петрограде образовалось для восстановления государственного и общественного порядка новое правительство в лице Временного комитета Государственной думы, о чем сообщило официально телеграфное агентство; военный бунт приходит к концу; очевидно, этот комитет с ним справился и продвижение отрядов генерала Иванова приобретало другой характер (№ 6); правительство это Ставкой признано; члены его известны из телеграммы того же телеграфного агентства, несколько смущали лишь имена Чхеидзе и Керенского, но участие в кабинете Родзянко, князя Львова, Милюкова и Шульгина давало уверенность, что это правительство будет популярно и нереволюционно. Генерал Рузский не понимал только, отчего государь, выехав из Ставки в Царское Село, повернул на Псков, и потому телеграфировал в 13 час. 45 мин. 1 марта в Ставку, прося ориентировать его для доклада государю, ввиду ожидавшегося проследования через Псков поезда государя (№ 9).

В 17 час. 15 мин. генерал-квартирмейстер Ставки Лукомский ответил по прямому проводу (№ 10), и Рузский узнал, что Балтийский флот подчинился Временному комитету Государственной думы, что в Москве и в Кронштадте беспорядки и что в Ставке допускают возможность порчи пути перед императорским поездом.

Генерал Рузский понял, что дело более серьезно, чем казалось до тех пор. Было очевидно, что оптимизм Ставки за сутки пропал и новое правительство с военным бунтом не справилось. Через полчаса, то есть в 1 час. 45 мин. генерал Клембовский из Ставки передал по прямому проводу в Псков (№ 11), что великий князь Сергей Михайлович просит доложить государю тотчас по его прибытии, что он вполне поддерживает мнение генерала Алексева, изложенное в телеграмме государю, которая была еще Рузскому неизвестна, и указывает как на лицо, могущее все благополучно довести до конца, — на Родзянко. В это время императорский поезд еще не прибывал, но Рузский из штаба в городе собирался ехать на вокзал для встречи. Он подошел к аппарату и узнал, что в телеграмме своей гене-

рал Алексеев «умолял» государя согласиться на манифест об ответственном министерстве, причем представлял и его проект.

Рузский выразил свое согласие поддержать ходатайство Алексеева и великого князя. Текст телеграммы был получен в Пскове лишь в 11 час. 30 мин. вечера, когда Рузский был уже в вагоне с докладом у государя, и был ему вручен во время небольшого перерыва доклада, которым государь воспользовался, чтобы послать ее величеству телеграмму о своем прибытии в Псков, а Рузский — чтобы передать приказание в штаб соединиться с Родзянко для разговора по прямому проводу с соизволения его величества. Императорский поезд прибыл после семи часов вечера и стал рядом с поездом генерала Рузского, куда на все время пребывания государя он переехал из штаба, приказав при себе находиться либо генералу Саввичу, либо генералу Данилову. По словам Рузского, государь при встрече сохранял свое всегдашнее спокойствие и пригласил его к обеду. Государь задавал обычные вопросы о положении Северного фронта, о событиях в Петрограде. О пути своем до Вишеры и о повороте на Псков его величество лишь кратко рассказал в момент встречи, выслушав рапорт, и сказал, что надеется наконец узнать точно от Родзянко, который вызван в Псков, ибо положение настолько серьезно, что он выехал из Ставки, чтобы быть ближе к месту, где разыгрываются события, и иметь возможность лично говорить с нужными людьми и выиграть время. После этого Рузский испросил у государя аудиенцию для важного доклада по поручению Алексеева об общем положении вещей еще до приезда Родзянко, и государь назначил ему время около девяти часов вечера.

Из разговоров перед обедом с лицами свиты государя Рузский вынес впечатление, что они не отдают себе отчета в серьезности положения. Видимо, все ждали, что генерал Иванов, прибыв в Царское Село, опираясь на верный гарнизон Гатчины и Царского Села, усиленный за две недели гвардейским экипажем, а также на спешившие с фронтов бригады, быстро справится с бунтом. Все обсуждали неспособность генерала Хабалова и градоначальника Балка. Обед прошел быстро, и Н. В. Рузский ушел в свой поезд собрать нужные для доклада бумаги и принять сам очередной доклад от своего штаба, ибо весь день не видел поступивших с фронта телеграмм, занятый сначала вопросом о посылке поддержки генералу Иванову, а потом ожиданием прибытия императорского поезда и обдумыванием поступивших из Ставки и с тыла известий.

Через час Рузский вернулся в императорский поезд и, встретив дворцового коменданта Воейкова, шедшего к государю, просил его доложить, что он ожидает доклада. Воейков оставил Рузского в коридоре и больше не возвращался. Более получаса генерал Рузский ждал, в чрезвычайном волнении ходя по коридору двух смежных вагонов и не понимая, отчего, всегда столь точный в приеме докладов, государь его не принимает в такое время, когда каждый час промедления грозил непоправимыми последствиями. Рузский знал, что государь считает ответственное перед палатами министерство неподходящим для России порядком управления, и предвидел, что ему нелегко будет доложить государю о необходимости согласиться на предложенный генералом Алексеевым манифест. Что думать делать государь в Пскове после приема Родзянко, долго ли он тут останется, куда поедет, Рузский не знал (№ 13). Он понимал только, что наступил весьма серьезный час его жизни, когда из главнокомандующего фронтом он обращался в чисто политического деятеля. Решение действительно огромной исторической важности зависело от того доклада, который предстоял ему сейчас. Один на один с государем, ему, случайно и недостаточно осведомленному, приходилось теперь влиять на ход событий уже не стратегических. Рузский сожалел, что не мог перед докладом переговорить с кем-либо из свиты государя, чтобы узнать больше подробностей о происходящем в Петрограде, что из Ставки не было новых телеграмм; но попытка его перед обедом говорить с генералом Воейковым разбилась об насмешливый тон, который генерал Воейков принимал, когда не хотел высказываться, и Рузский понял, что в эти важнейшие в его жизни минуты он будет перед государем один со своей совестью. Из Ставки тоже молчали. Генерал Алексеев был нездоров и лично к аппарату не подходил — он передал дело ему в руки.

Долгое ожидание в коридорах поезда, где ничто, казалось, еще не говорило о грозных событиях и где шли обычные приготовления к ночи, нервировали Рузского. Он решил пойти в купе Воейкова и узнать, чем занят государь и предупрежден ли о его приходе с докладом. Войдя в купе Воейкова, Рузский застал его развешивающим на стенках какие-то фотографии. Воейков весело встретил его словами: «А, ваше высокопревосходительство, пожалуйста, садитесь. Хотите чаю или сигарку; устраивайтесь, где удобнее; вот я не могу справиться с этой рамкой, все криво висит». Кровь бросилась в голову Рузскому, и он, не садясь и сильно повысив голос от негодования и волнения,

высказал Воейкову свое удивление, что тот занят таким вздором в такие серьезные минуты и, видимо, забыл доложить о нем государю, когда он уже час ждет приема. Воейков пробовал обидеться и возразить, что вовсе не его обязанность докладывать его величеству. Тогда Рузский окончательно вышел из себя и, подхватив слово «обязанность», чрезвычайно резко высказал Воейкову, что его прямая обязанность заботиться, как дворцовому коменданту, об особе государя, а настал момент, когда события таковы, что государю, может быть, придется «сдаться на милость победителей», если люди, обязанные всю жизнь за царя положить и своевременно помогать государю, будут бездействовать, курить сигары и перевешивать картинки. Что еще наговорил при этом Рузский, он не мог себе отдать впоследствии отчета, но помнит, что после слов «милость победителей» Воейков побледнел, и они вместе вышли в коридор, а через несколько мгновений Рузский был у государя.

Было около десяти часов вечера 1 марта.

Н. В. Рузский сидит против стола его величества с разложенными на нем картами Северного фронта. Государь был спокоен и внимательно слушал доклад генерала, который начал, сказав, что ему известно из настоящих событий только то, что сообщено за эти три дня из Ставки и от Родзянко. Затем он доложил, что ему трудно говорить, доклад выходит за пределы его компетенции и он опасается, что государь, может быть, не имеет к нему достаточно доверия, так как привык слушать мнения генерала Алексеева, с коими он, Рузский, в важных вопросах часто не сходится и лично в довольно натянутых отношениях; потому Рузский просил его величество иметь в виду, что так как теперь подлежат решению вопросы не военные, а государственного управления, то он поймет, если государю вовсе, может быть, неудобно выслушать его доклад, который он взялся сделать лишь по желанию Алексеева. Государь прервал генерала и предложил ему высказаться со всею открытостью.

Тогда Рузский стал с жаром доказывать государю необходимость немедленного образования ответственного перед палатами министерства. Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения. Первый и единственный раз в жизни, говорил Н. В. Рузский, я имел возможность высказать государю все, что думал и об отдельных лицах, занимавших ответственные посты за последние годы, и о том, что казалось мне великими ошибками общего управления и деятельности Ставки. Го-

сударь со многим соглашался, многое объяснил и оспаривал. Основная мысль государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, «подав с кабинетом в отставку». «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится,— сказал государь,— будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Рузский старался доказать государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: «Государь царствует, а правительство управляет». Государь говорил, что эта формула ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться, и опять оттинил, что он лично не держится за власть, но только не может принять решения против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что он сам не ответственен перед Богом. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей.

Генерал Рузский возражал, спорил, доказывал и наконец после полутора часов получил от государя соизволение на объявление через Родзянко, что государь согласен на ответственное министерство и предлагает ему формировать первый кабинет. Рузский добился этого, доказав государю, что он должен пойти на компромисс с своею совестью ради блага России и своего наследника.

Рузский вышел из вагона государя дать приказание вызвать к аппарату Родзянко и телеграфировать в Ставку (№ 15). Ему передали тут телеграмму генерала Алексеева с проектом манифеста (№ 12). Рузский вернулся в вагон государя, и доклад продолжался. В 24 часа Рузский вынес телеграмму государя генералу Иванову (№ 14). Государь обсуждал теперь текст манифеста, предложенный Алексеевым, и без изменений согласился на него.

Рузский заметил за те четверть часа, что он выходил из вагона, в государе перемену. Государь внимательно вы-

слушал и обсуждал проект манифеста, переспрашивал подробности текста, но по вопросу главному — в манифесте — о его последствиях проявлял что-то похожее на безразличие. Рузский почувствовал, что может быть, государь передумал, и вновь спросил, не будет ли он действовать против воли государя, сообщив в Ставку и в Петроград о согласии его величества на манифест. Государь ответил, что принял решение, ибо и Рузский и Алексеев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнения, а ему, государю, известно, что они редко сходятся на чем-либо вполне. Государь добавил, что ему это решение очень тяжело, но раз этого требует благо России, он на это, по чувству долга, обязан согласиться. Рузский успокоился и решил, что теперь дело Родзянко прекратить революционную вспышку. Разговор опять перешел на фронтовые операционные темы. Но Рузскому опять показалось, что государь не так внимателен, как обычно при докладах. Его мысли как будто были заняты другим. Рузский приписал это понятному волнению от принятого решения и естественному утомлению — был уже на исходе второй час ночи, 2 марта. Он откланялся государю, прошел к себе в вагон и поехал вместе с генералом Даниловым в город, чтобы в два с половиной часа ночи быть у аппарата для разговора с Родзянко.

Рузский сам чувствовал необычайное утомление и слабость, он почти не спал предыдущую ночь, весь день был на ногах и несколько часов провел у его величества, но его поддерживало сознание исполненного долга и надежда, что теперь все в тылу придет в спокойствие. Всем, кроме революционных партий, манифест должен был, по его мнению, дать полное удовлетворение.

Однако к чувству надежды на благоприятный исход у генерала Рузского примешивалось и чувство тревоги. Он получил сведения, что посланный на поддержку генерала Иванова эшелон задержан перед Лугой гарнизоном этого городка; он знал, что гарнизон этот невелик и, кроме автомобильных частей, не содержал других боеспособных элементов и можно было легко с ним справиться, но надежда прекратить беспорядки мирным путем, не доводя до столкновения между частями армий, надежда, что Временный комитет Государственной думы действительно сформировался для водворения порядка, привела и государя и Рузского к решению дать выжидательную инструкцию генералу Иванову (№ 14) и вернуть эшелон в Двинский район. Однако симптом был плохой. Кроме того, Рузского очень смутило известие, что Родзянко телеграфировал о

невозможности для него приехать в Псков, не объясняя причин. Это было тоже плохо. Тем не менее Рузский ехал в штаб, уверенный, что через день, когда в столицах узнают о манифесте, императорский поезд пойдет в Царское Село, уже занятое генералом Ивановым, и в несколько дней все успокоится, а происшествие с бригадой, двинутой в Кугу, объяснится недоразумением. Мнение о магическом действии манифеста разделялось, по-видимому, и Ставкой, ибо в ночь пришла телеграмма, спрашивающая, не следует ли задержать в пути эшелоны, шедшие с других фронтов.

Таковы были мысли всех военных властей на фронте — они не знали, что происходит в Петрограде, насколько Временный комитет Государственной думы бессилен перед захватившим революционным движением, энергичным Советом рабочих депутатов, уже ставшим Советом солдатских и рабочих депутатов. Военные власти в Ставке и в Пскове не знали о роли Совета, не знали, что кровь офицеров, жандармов и городских лилась на улицах Петрограда, и боялись пролития крови в междоусобном столкновении верных и мятежных частей. Последняя мысль казалась Н. В. Рузскому чудовищной: еще не бывало этого в истории русской армии, а еще ужаснее было то, что это событие могло быть вызвано им, да еще во время войны. Он сделал все, что говорила ему совесть, чтобы этого избежать, надеясь легальным путем довести дело до благополучного конца. Разговор Рузского с председателем Государственной думы начался в 3 час. 30 мин. ночи на 1 марта и продолжался до 7 час. 30 мин. утра. Разговор все время постепенно передавался в Ставку.

Разговор этот так важен, что его анализ мог бы составить предмет обширного исторического исследования. Ограничимся лишь указанием на непосредственность Родзянко в нем и на твердое желание Рузского избежать отречения. Происходит этот разговор в другое время, когда Рузский был не так утомлен и взволнован, не будь в то же время болен М. В. Алексеев, первый несомненно составил бы себе ясное представление о словах Родзянко, а второй не разослал бы своей циркулярной телеграммы 2 марта (№ 20). Но ни в Пскове, ни в Ставке никто не спал уже вторую ночь.

Когда разговор был окончательно передан в Ставку, там сразу решили, что отречение — единственный исход. Это видно из документа № 19.

Н. В. Рузский, измученный и тоже больной, в исходе девятого часа утра прилег, велел разбудить его через час, чтобы идти с докладом о своем разговоре к государю. Он

еще надеялся, что манифест сделает свое дело, но в Ставке решили иначе и требовали, чтобы Рузский ни минуты не медлил идти к государю — убеждать его отречься, и уже писали циркулярную телеграмму главнокомандующим, предлагая им «просить» согласия государя на отречение.

Между получением в Ставке окончания разговора Рузского с Родзянко и посылкой циркулярной телеграммы прошло 2 час. 45 мин.

Раньше чем перейти к этой телеграмме и к рассказу о том докладе, который Рузский имел в 10 час. утра 2 марта, вернемся к злосчастному разговору.

Генерал Рузский спокойно осведомляет председателя Государственной думы о прибытии государя и высказывает огорчение, что Родзянко не приехал, желает знать причину этому, прежде чем говорить о событиях минувшего вечера.

Причин неприбытия три, по словам Родзянко: 1) взбунтовался эшелон, шедший с Северного фронта, и решил не пропускать поезда, 2) Родзянко получил сведения, что его отъезд может вызвать нежелательные (кому) последствия, 3) невозможность покинуть разбунтовавшийся Петербург, так как «только ему верят, только его приказания исполняют». Рузский делает вывод, что Родзянко держит власть в руках и не изменил. С ним можно говорить. Он говорит о манифесте как об акте состоявшемся и только спрашивает, согласен ли Родзянко стать во главе первого кабинета. Родзянко в ответ интересуется текстом манифеста, но объясняет, что в Пскове не отдают себе отчета о творящемся в Петербурге (мы знаем, что и Родзянко себе в этом отчета не отдавал), и сразу начинает объяснять, что он два с половиной года предсказывал революцию, но его не слушали. В результате — стушевавшееся правительство, братающиеся с народными толпами войска, анархия и решение, принятое им, возглавить революцию и арестовать министров. Все это, с одной стороны, сопровождается выпадами против государыни, а с другой — признанием, что он, «которого все слушают и приказания исполняют», чувствует себя на волоске от заточения в Петропавловскую крепость, куда он сам отправил министров. Наконец, следует сообщение, что манифест опоздал. Он еще не знает, какой манифест, но знает, что манифест не годится.

Н. В. Рузский не замечает противоречий; ему важно провести манифест и успокоить Родзянко. Он не отвечает на слова Родзянко, но задает вопрос, что значит слово Родзянко — «что династический вопрос поставлен ребром».

Родзянко не успокаивается; он упоен разговорами с толпами и гарнизоном, примкнувшим к Государственной

думе, а его впечатление — «все решили довести войну до конца, но государь должен отречься».

Кто это все? Кто грозно требует отречения? Не те ли, «кто агитирует против всего умеренного» и победы которых Родзянко боится, несмотря на то что за ним весь гарнизон и весь народ и только ему верят и его слушаются. Родзянко перечисляет вины правительства; опять делает выпад против государыни и просит остановить присылку войск с фронта во избежание кровопролития.

Рузский опять старается образумить Родзянко, указывает, что ошибки — уже в области прошлого, а теперь есть манифест, то есть легальный способ прекратить смуту и избежать новых ошибок. Он указывает, что внутренний кризис надо прекратить возможно скорее и безболезненное, ибо он уже видит, что армия начинает прислушиваться с тревогой к событиям в тылу (ведь всюду проникают со вчерашнего дня телеграммы от Временного комитета и их скрыть нельзя). Он указывает, что уже войска, отправленные по распоряжению от 27 февраля с генералом Ивановым, получили новые директивы; указывает, что государем приняты меры, которые ему представили как клонящиеся ко благу родины; он требует и надеется, что в Петрограде поймут величие порыва государя и поймут, что перед лицом врага надо немедленно потушить пожар внутри. Передается текст манифеста. Рузский опять подходит к аппарату и вновь говорит об ответственности перед родиной, перед союзниками, о невозможности и преступности длить кризис или обострять его.

В ответ на это Родзянко снова говорит об анархии, говорит, что «висит на волоске», и сознается, что он «вынужден» был сегодня ночью «назначить» Временное правительство. И тут следуют гордые слова: «Манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы 26 февраля». Цинизм невероятный! По мнению Родзянко, государь по его телеграмме должен был сразу перевернуть весь порядок государственного управления, ибо Родзянко доносил, что в столице анархия, правительство парализовано, транспорт пришел в полное расстройство.

Родзянко забыл, что государь после его телеграммы выехал в Петроград, желая убедиться сам, в чем дело, но не мог доехать по вине его, Родзянко, подписавшего воззвание к железнодорожникам, что государь вызвал Родзянко в Псков для переговоров, а он, Родзянко, не поехал.

«Время упущено, возврата нет», — говорит Родзянко.

Кто в этом виноват непосредственно? Тот ли, кто по телеграмме своего советника выехал сам в охваченную

анархией столицу, где было все его правительство, где была столько раз заявлявшая о своей лояльности Государственная дума, где войска, не выдавшие фронта, были в волнении и куда он для восстановления порядка двинул отряды испытанных в боях войск? Или тот, кто — бывший кавалергард, нося звание камергера, будучи председателем Государственной думы, которому все взбунтовавшиеся верили и подчинялись даже среди «анархии», кто не упустил времени, но, упоенный жаждой стать правителем России, не заметил, что крайние элементы того времени не упустили и уже властвовали над ним, его Временным комитетом и «назначенным им» правительством.

Родзянко не отвечает на уговоры Рузского, он декларирует о благополучии, которое водворится, если только отречется государь, и пробует громкими фразами задобрить Рузского лично.

Да, для Родзянко «возврата нет». Если бы удалось успокоить бунт, всем стала бы ясна его роль за эти дни и ему было бы несдобровать. Он должен был спасти себя. Рузский, однако, не кончает разговора, хотя Родзянко пожелал ему «спокойной ночи». Он опять пытается убедить Родзянко в необходимости использовать манифест, ибо «конечная цель» — ответственное министерство — достигнута. Он сомневается в идиллической картине снабжения армии, нарисованной Родзянко, и указывает, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно и для армии. Он как бы предугадывает ее развал.

В ответ на это Родзянко указывает, что переворот может быть «добровольным» и все тогда кончится в несколько дней. И следуют удивительные слова того, кто «висит на волоске» и боится сесть в Петропавловскую крепость: «Ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу».

Рузский все же сомневается, предостерегает и спрашивает, в минуту сомнений, нужно ли выпускать манифест. Ответ Родзянко таков, что Рузский понимает, что Родзянко уже не имеет фактической власти, а плывет на волнах разбушевавшегося моря. Рузский смущен и сухо заявляет, что передаст манифест в Ставку для напечатания и опубликования, ибо получил на это повеление государя.

Таков разговор, который, с соизволения государя, вел генерал Рузский.

Когда события прошли и Н. В. Рузский перечитывал разговор, он сам себя обвинял, что недостаточно твердо говорил с Родзянко и не отдал себе сразу отчета в его сбивчивых противоречивых словах. На него, утомленного

и возбужденного долгой и трудной аудиенцией у государя, усталого физически и нравственно, главное впечатление произвело то, что волнение в столице продолжало разгораться. Кроме того, он все еще полагал, что Родзянко, верный присяге, видный член партии октябристов, крупный помещик, отнюдь не революционер; он не понимал, что Родзянко уже три дня стоит во главе революции, а вовсе не во главе людей, желающих восстановить порядок. Враги Рузского говорят, что он должен был прервать разговор, указать Родзянко, что он изменник, и двинуться вооруженной силой подавить бунт. Это, как мы теперь знаем, несомненно бы удалось, ибо гарнизон Петрограда был не способен к сопротивлению, Советы были еще слабы, а прочных войск с фронтов можно было взять достаточно. Все это верно, и это признавал впоследствии Рузский, но в тот момент он старался избежать кровопролития — междоусобной, хотя бы и краткой борьбы в тылу, боясь впечатления на далеко уж не столь прочные в массе фронтовые войска, а что они были непрочны, показали ближайшие дни.

Он вернулся к себе в вагон с надеждой, что опубликование манифеста произведет такое же впечатление на Петроград, как 17 октября 1905 года. Все утихнет, и останется тушить отдельные, чисто революционные вспышки. Если это удалось тогда министрам бюрократизма, то тем более должно было удасться министрам, которым верит вся Россия. Кроме того, Рузский ждал впечатления Ставки о разговоре, чтобы доложить государю с ее поддержкой. Ведь и первый доклад у государя был поддержан авторитетом М. В. Алексеева. Отдав еще несколько срочных распоряжений по фронту, он вернулся в вагон и, падая от усталости, на час заснул как убитый.

Государь, видимо, тоже не спал всю ночь; его телеграмма (№ 18) носит пометку 5 час. 15 мин. 2 марта. Под утро и он заснул.

Через полтора часа, после окончания разговора Рузского и Родзянко, произошел разговор Данилова с генералом Лукомским (№ 19). Из него видно, что передававшийся в Ставку, одновременно с ведением его, разговор Рузского и Родзянко уже был обсужден и обдуман в Ставке и там принято решение — получить от государя согласие на отречение.

С этим так спешили в Могилеве, что предлагали разбудить государя, «отбросив всякие этикетки». Это было личное мнение и требование генерала Алексеева. Это передавалось официально. Личным мнением генерала Лукомско-

го было, что отречение необходимо и возможно скорее, — только это спасет и фронт, и родину, и династию. Генерал Данилов тоже не спал всю ночь, но был спокойнее. Он решает дать хоть час сна главнокомандующему и считает, что этот час значения иметь не может, но он опасается, что задержка может выйти из-за нерешительности государя, и ссылается на ту трудность, с которой государь согласился вчера на манифест об ответственном министерстве. У Данилова еще есть луч надежды, что дело обойдется без отречения, — на него произвели впечатление доводы Рузского, приведенные им в разговоре с Родзянко, при котором он присутствовал. Он знал, что Рузский не хочет отречения, боится его последствий, и полагал, что после доклада государю Рузский не вынесет из кабинета его величества отречения, ибо сам ему не сочувствовал, а государь, естественно, будет колебаться. Генерал Лукомский, наоборот, «молил Бога», чтобы Рузскому удалось убедить государя отречься.

Как раз в ту минуту, когда Рузский входил в вагон государя с докладом о ночном разговоре с Родзянко, генерал Алексеев в Ставке подписывал свою циркулярную телеграмму главнокомандующим (№ 20).

Было 10 час. 15 мин. утра, 2 марта.

Еще до этого доклада судьба государя и России была решена генералом Алексеевым.

Ему предстояло два решения, для исполнения которых «каждая минута могла стать роковой», как он справедливо отмечает в своей циркулярной телеграмме. Либо сделать «дорогую уступку» — пожертвовать государем, которому он присягал, коего он был генерал-адъютантом и ближайшим советником по ведению войны и защите России, либо — не колеблясь вырвать из рук самочинного Временного правительства захваченные им железные дороги и подавить бунт толпы и Государственной думы.

Генерал Алексеев избрал первое решение — без борьбы сдать все самочинным правителям будто бы для спасения армии и России. Сам изменяя присяге, он думал, что армия не изменит долгу защиты родины.

Генерал Рузский спокойно, «стиснув зубы», как он говорил, но страшно волнуясь в душе, положил перед государем ленту своего разговора. Государь молча, внимательно все прочел. Встал с кресла и отошел к окну вагона. Рузский тоже встал. Наступила минута ужасной тишины. Государь вернулся к столу, указал генералу на стул, приглашая опять сесть, и стал говорить спокойно о возможности отречения. Он опять вспомнил, что его убеждение

твердо, что он рожден для несчастья, что он приносит несчастье России; сказал, что он ясно сознавал вчера уже вечером, что никакой манифест не поможет. «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это, — сказал государь, — но я опасаясь, что народ этого не поймет: мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования; меня обвинят казаки, что я бросил фронт». После этого государь стал задавать вопросы о подробностях разговора с Родзянко, стал обдумывать, как бы вслух, возможное решение. Рузский высказал еще свою надежду, что манифест все успокоит, и просил обождать совета и мнения генерала Алексеева, хотя и не скрыл, что, судя по словам генерала Лукомского, видимо, в Ставке склоняются к мнению о необходимости отречения. В это время подали срочно дошедшую телеграмму Алексеева (№ 20). Рузский, бледный, прочел вслух ее содержание. «Что же вы думаете, Николай Владимирович?» — спросил государь. «Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрешения вашего величества обдумать эту депешу, раньше чем отвечать. Депеша циркулярная. Посмотрим, что скажут главнокомандующие остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка», — ответил Рузский. Государь встал, внимательно и грустно взглянул на Рузского и, сказав: «Да, и мне надо подумать», отпустил его до завтрака.

Перед завтраком государь вышел из вагона и некоторое время гулял один на платформе. В два часа дня государь потребовал Рузского к себе. В это время уже состоялся разговор генерала Клембовского с генералом Болдыревым (№ 21) и пришла телеграмма М. В. Алексеева (№ 30), содержащая ответы всех главнокомандующих, кроме Сахарова и адмирала Колчака.

Рузский, ввиду чрезвычайной важности момента, просил у государя разрешения явиться к докладу вместе с генералом Даниловым и Саввичем. Подробности этого доклада, очевидно, хорошо памятливы этим обоим, единственным еще живым свидетелям трагической минуты. Государь принял окончательное решение, когда ознакомился с текстами телеграмм всех главнокомандующих; впрочем, еще перед завтраком, встретя Рузского на платформе, он высказал ему, что решил отречься. Государь взял блок с телеграфными бланками и написал несколько черновиков (№ 24, 25).

Было три часа дня. Государь дополнил текст одной телеграммы, согласив с текстом другой, и передал листки Рузскому. Тот вышел из вагона в 3 часа 10 мин. дня, и тут же ему вручили телеграмму о предстоящем приезде Гучко-

ва и Шульгина. Рузский вернулся в вагон и доложил ее. Государь тогда приказал телеграмму (№ 24) задержать до прибытия этих лиц, а телеграмму (№ 25) взял обратно из рук генерала. В 3 часа 45 мин. государь прислал и за другой телеграммой. Рузский пошел с нею в императорский поезд и, встретив государя на платформе, предложил ее оставить у него до прибытия Гучкова и Шульгина. Соображая обстановку и видя глубокое волнение государя, генерал Рузский, все еще не теряя надежды, что можно избежать отречения, надеялся теперь, что прибытие таких умных людей, как Гучков — хотя и явный недоброжелатель государя, — и преданный династии Шульгин, даст возможность при личном разговоре тотчас по прибытии их еще убедить их в ненужности отречения и также выяснить себе, наконец, что произошло в Петрограде, уже от очевидцев и участников событий.

Поэтому Рузский приказал, как только подойдет поезд с депутатами, доложить ему и просить обоих прибывших пройти ранее, чем к государю, к нему, желая с ними переговорить, имея в руках и черновик телеграммы об отречении. Он хотел сообщить им все свои сомнения в основательности оценки момента Родзянко, на основании которой генерал Алексеев и все главнокомандующие привели впечатление колебания государя не в вопросе об отречении, а его видимое волнение и страдание в решении вопроса, как, отрехшись в пользу сына, не быть с ним разлученным. Разлука с сыном была для государя явственно тяжелее, чем сложение тяжкого бремени власти. Ответы главнокомандующих и последняя фраза телеграммы Алексеева (№ 22) «ожидаю повеления» вызвали в государе чувство горечи, которого он, несмотря на всю свою выдержку, не мог скрыть. Тут государь, видимо, почувствовал себя всеми покинутым, и у него не хватило духу обречь на подобные уже перенесенные им страдания своего единственного сына. К вечеру в уме государя созрела мысль отречься за себя и за сына.

Депутаты ожидали в 7 час. вечера, но прибыли только после 10 час. В силу каких-то соображений, а может быть, просто для ускорения, государь приказал, как только придет их поезд, привести депутатов немедленно к нему. Генерала Рузского об этом приказании не уведомили, и он не видел Гучкова и Шульгина до того момента, когда вошел в вагон государя, где они уже находились в течение нескольких минут.

Между тем в Ставке теряли терпение и ежеминутно требовали генерала Данилова к аппарату, передавая ему

все более тревожные сведения из Петрограда, требуя доклада о решении, принятом государем (№ 26, 27 и сл.), упрекали Данилова, что он не сообщает, отмалчивается, не держит Ставку в курсе дела. Видимо, в Ставке считали, что государь обязан подчиниться полученной в два часа телеграмме без размышления, как Родзянко считал, что его величество должен был моментально ответить 26 февраля на его телеграмму манифестом.

Проходили часы, по мнению Ставки, столь дорогие для спасения России, а «бесхарактерный» государь не решался и «болезненный» Рузский не находил энергии достичь желательного результата.

Между тем М. В. Алексеев еще продолжал соблюдать «этикет», он «испрашивал» повелений у государя как у Верховного главнокомандующего. Так, генерал Корнилов и князь Львов были назначены, а генерал Иванов отозван в Могилев — еще державной волей государя по докладу его начальника штаба генерала Алексева.

Подробности того, что происходило в вагоне государя с прибытия Шульгина и Гучкова, уже известны, и Рузский на них в своих рассказах мало останавливается. Он отмечал только, что депутаты чувствовали себя очень неловко, были поражены спокойствием и выдержкой государя, а когда он объявил им о решении своем отречься и за сына, растерялись и просили разрешения выйти в другое отделение вагона, чтобы посоветоваться.

У государя к приезду депутатов был уже готов текст манифеста об отречении, и ровно в 24 часа на 3 марта он его подписал, пометив 2 марта 15 часов, то есть тем часом, когда принято было им решение отречься.

Перед этим он подписал и два указа правительствующему сенату: о назначении князя Львова и великого князя Николая Николаевича. Они помечены 2 марта 14 час. Гучков и Шульгин тотчас же написали расписку о принятии 2 марта высочайшего манифеста.

Царствование государя Николая Александровича кончилось.

Для блага России государь принес в жертву не только себя, но и всю свою семью. Уговорившие его на первый шаг его крестного пути не могли и не сумели сдержать своего обещания — жертва государя пропала даром. Из всех участников события один государь сознавал, что его отречение не только не спасет России, но будет началом ее гибели. Ни генерал Алексеев, ни генерал Рузский не поняли тогда, что они только пешки в игре политических партий.

Силы сторон были неравные. С одной — была многомиллионная армия, предводимая осыпанными милостями государя генералами, а с другой — кучка ловких, убежденных и энергичных революционных агитаторов, опиравшихся на небоеспособные гарнизоны столицы. Ширмой этой кучке служил прогрессивный блок Государственной думы. Победила, несомненно, слабейшая сторона. Поддержки генерал Алексеев одним словом мнение генерала Рузского, вызови он Родзянко утром 2 марта к аппарату — и в два-три дня революция была бы кончена. Он предпочел оказать давление на государя и увлек других главнокомандующих.

Генерал Алексеев понял свою ошибку ровно через семь часов после подписания государем акта отречения. Уже в 7 час. утра 3 марта Алексеев разослал новую циркулярную телеграмму, в которой сознавал, что «на Родзянко левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление и в сообщениях Родзянко нет откровенности и искренности».

На основании одного такого сообщения Родзянко, генерал Алексеев решил 24 часа перед тем свести русского царя с престола.

Теперь Алексееву стали ясны и цели «господствующих над председателем Государственной думы партий». Стало ясно и «отсутствие единодушия Государственной думы и влияние левых партий, усиленных Советами рабочих депутатов».

Генерал Алексеев прозрел и увидел «грозную опасность расстройтва боеспособности армии бороться с внешним врагом» и перспективу гибели России.

Он теперь уже считал, что «основные мотивы Родзянко не верны», не желал быть поставленным перед «совершившимся фактом», не желал капитулировать перед крайними левыми элементами и предлагал созыв совещания главнокомандующих для объявления воли армии правительству.

Что же случилось за эту несчастную ночь? Что показало генералу Алексееву, что он совершил непоправимую ошибку, не подержав своего государя?

В пятом часу утра Родзянко и князь Львов вызвали к аппарату Рузского и объявили ему, что нельзя опубликовать манифеста об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича, пока они этого не разрешат сделать, — государь опять поступил не по указке Родзянко, отрекшись и за сына, а для успокоения России царствование Михаила Александровича «абсолютно неприемлемо». Рузский был удивлен, но согласился сделать возможное, то есть приостановить распубликование, и выразил сожаление, что Гучков и Шульгин не знали, что для России «аб-

солютно неприемлемо». Родзянко пытался объяснить это невиданным бунтом («а кто раньше видел», отметил, перечитывая ленту, Рузский). Этот бунт сделан гарнизоном, который сам Родзянко уже не считает солдатами, а «взятыми от сохи мужиками, которые кричат «земли и воли», «долой династию», «долой офицеров». И с этой толпой Родзянко и князь Львов переговариваются и ей подчиняются, считая ее мнение уже за мнение всей России. И что для этой толпы «абсолютно неприемлемо», то «абсолютно неприемлемо» и для гордого Временного правительства, составленного из людей, коим «верит вся Россия». Родзянко, однако, «вполне уверен», что если теперь и великий князь Михаил Александрович отречется, то все пойдет прекрасно. До окончания войны будет действовать Верховный совет и Временное правительство, несомненно, произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе и победа может быть обеспечена.

Все эти слова показались Рузскому просто нелепыми, как он это отметил на ленте, перечитывая ее. «Если Бог захочет наказать, то прежде всего разум отнимет», — прибавил еще Рузский. Во время разговора он испытывал то же чувство и нашел, что люди, взявшиеся возглавить революцию, были даже не осведомлены о настроении населения. (Это видно из его пометки на ленте: «Когда Петроград был в моем ведении, я знал настроение народа»).

При таких обстоятельствах Рузский решил дать князю Львову и Родзянко, в их беспомощности, хоть практические указания, как и с кем сноситься далее, ибо сам с уходом императорского поезда уже становился опять в положение лишь главнокомандующего одного из фронтов.

Родзянко обещает все исполнить, но главное, беспокоится, как бы манифест не «прорвался в народ». В конце разговор принимает прямо анекдотичный оттенок: на вопрос Рузского, верно ли он понял намеченный порядок Верховного государственного правления, Родзянко поясняет: «Верховный совет, ответственное министерство, действующие законодательных палат до решения вопроса о конституции в Учредительном собрании». Рузский спрашивает: «Кто во главе Верховного совета?» Родзянко отвечает: «Я ошибся, не Верховный совет, а Временный комитет Государственной думы под моим председательством». Рузский понял. Он заканчивает разговор сразу словами «хорошо, до свидания» и просьбой не забыть, что дальнейшие переговоры надо вести со Ставкой, а ему только сообщать о ходе дел.

Этот классический второй разговор был так же, как и имевший место в предшествующую ночь, тотчас передан в

Ставку. Этот разговор, увы, поздно выяснил в Ставке, как она поторопилась.

Едва ушел к Двинску императорский поезд с отрешившимся императором и к Петрограду поезд с Гучковым и Шульгиным, едва князь Львов и Родзянко узнали текст высочайшего манифеста, как он уже оказался «абсолютно неприемлемым» и его надо было скрыть. Отречение, которое должно было спасти порядок в России, оказалось недостаточным для людей, вообразивших себя способными управлять Россией, справиться с им же вызванной революцией и вести победоносную войну. Безвластие теперь действительно наступило. Это была уже не анархия, что проявилась в уличной толпе, это была анархия в точном значении слова — власти вовсе не было. Ничто «не заработало в усиленном темпе», кроме машины, углублявшей революцию, не наступило «быстрого успокоения», не произошло подъема патриотического чувства, и решительная победа не оказалась обеспеченной, как это обещали князь Львов и Родзянко в ночь на 3 марта.

Генерал Алексеев в своей телеграмме (№ 34) сделал намек на необходимость взять власть в руки совещания главнокомандующих, но, как выяснил ему в своем ответе (№ 35) Рузский, это явилось бы попыткой несвоевременной и уже несомненно привело к междоусобице. Рузский теперь уже предложил Алексееву настаивать на объявлении манифеста и на полном контакте начальника штаба Верховного главнокомандующего с правительством, желая продолжать действовать легальными путями, и предвидел, что из совещания могла образоваться еще одна власть, которая, несомненно, оказалась бы в конфликте не только с Советами, но и с Временным комитетом Государственной думы.

Одновременно Рузский посылает телеграмму командующим армиями Северного фронта, ориентируя их в создавшейся обстановке.

В Ставке вторые сутки царя растерянность и начались недоразумения по вопросу об опубликовании и неопубликовании обоих манифестов (государя и великого князя Михаила Александровича) и приказа нового Верховного главнокомандующего. И в штабе Северного фронта и в штабе Западного фронта просили разъяснения. Весь разговор, изложенный в этом документе, отражает как в зеркале путаницу, суету, спешку в Ставке. Главнокомандующие уже сбиты сами с толку, и не успеет Ставка принять одно решение, как обстановка в столице требует принятия нового. Генерал Данилов смущен всеми противоречиями в важнейших документах и считает долгом отметить, для до-

клада М. Н. Алексею, насколько опасно такие несверенные и несогласованные документы объявлять несомненно взволнованным событиями войскам.

Вслед за этими первыми, не особенно приятными сношениями между Ставкой и штабом Рузского наступает период все усиливающихся разногласий. Уж 5 марта Ставка предлагает ряд мер для охранения армии от пропаганды из недр столичного Совета и для прекращения начавшихся в фронтовых и тыловых районах убийств офицеров. Рузский эти меры уже принял, но не ожидает от них успеха и просит Ставку снестись с правительством, чтобы оно и Совет рабочих депутатов осудили выступление против вооруженных команд и офицеров. Рузский не знал, что революция уже была правительством объявлена «великою и бескровною», а все жертвы эксцессов толпы надлежало во имя идеалов свободы замалчивать и скрывать.

Рузский уже видит, что обещанного Родзянко подъема духа и наступления успокоения нет. Наоборот, части волнуются, офицеры гибнут на фронте и в тылу от русских пуль и штыков, но он еще надеется, что правительство пользуется доверием народным и, не допуская мысли дать на фронте врагам и союзникам зрелища междоусобных сражений, предлагает вызвать авторитетных правительственных комиссаров для успокоения войск. Мера, чреватая печальными последствиями. Рузский объяснил ее принятие тем, что офицерство само слишком взволновано и сбито с толку, чтобы спокойно и объективно разъяснять солдатам положение, и искал лиц-очевидцев, лиц гражданских, которые выяснили бы, что раз все офицерство подчинилось новому правительству, то нет оснований его подозревать в стремлении ему изменить.

В ночь на 6 марта генерал Рузский обращается с телеграммой к генералу Алексею, Гучкову, Керенскому и князю Львову, указывает на безобразное явление ареста и обезоружения офицеров и, выясняя грозное значение этих явлений, требует немедленного и «авторитетного разъяснения недопустимости сего центральной властью», без чего развал неизбежен.

На все свои ходатайства Рузский не получает ответа, и вместо того на фронт летят знаменитые приказы Совета солдатских и рабочих депутатов и прибывают агитационные делегации и депутации. 18 марта Рузский еще раз говорит с Родзянко, желая выяснить, что делается в столице и что делает Временный комитет Государственной думы. Путаница в словах «Совет Министров» и «Временное правительство», по его мнению, была вредна и производила

впечатление неустойчивости. Родзянко пытался разъяснить сомнения генерала, но не убедил его и поспешил закончить разговор банальными любезностями. «Не стоило с ним говорить»,— вспоминал об этом разговоре впоследствии Рузский. Через день произошел у него обмен телеграммами с военным министром Гучковым.

Телеграмма того, кто носил звание военного министра и пока выказывал себя лишь тем, что допустил издание приказа № 1 Совета солдатских и рабочих депутатов и запретил опубликование прощального приказа по армии отрекшегося государя — Верховного главнокомандующего, телеграмма эта глубоко возмутила военную душу Рузского. Он понял, что Гучков может быть прекрасным оратором, отличным критиком военного бюджета, но руководить обороной государства во время войны не может. В нем не было чувства дисциплины, он не понимал основ воинского духа.

Еще через два дня пришла длинная телеграмма из Ставки. Критические пометки на ней Рузского и горькие заключительные фразы этих пометок показывают, что Рузский потерял окончательно веру в новое правительство и не одобрял оптимизма Ставки. Его присутствие во главе Северного фронта стало для него невозможным.

Н. В. Рузский мало знал государя и, случалось, порицал его. Еще меньше он знал государыню. Но он был справедлив, глубоко любил Россию, был убежденный монархист, весь проникнутый чувством долга, прямолинеен и честен. Он не скрывал своих мнений, но умел слушать и был хотя и либеральных взглядов, но беззаветно преданный престолу человек и солдат. Он не отделял трон от России. Он с первых минут революции предвидел, к чему она приведет, и обвинял в отречении, которое считал ошибкой, больше всего генерала Алексеева, как обвинял его и в разных военных неудачах.

В трагические дни стоянки императорского поезда в Пскове Н. В. Рузский считал, что далеко не все потеряно, но был глубоко убежден в пользе ответственного перед палатами министерства и считал своим долгом настаивать на нем перед государем. Это ему удалось. Родзянко нашел, что, однако, государь промедлил два дня, и, скрывая свое бессилие справиться с анархией в Петрограде, он решил пожертвовать государем.

М. В. Алексеев сгоряча поверил Родзянке, принял решение, посоветовал государю отречься от престола и увлек к тому остальных главнокомандующих. Вот основное мнение покойного Н. В. Рузского о днях 1 и 2 марта 1917 года.

а) ПОДРОБНОСТИ ОТРЕЧЕНИЯ

В. В. Шульгин, ездивший вместе с А. И. Гучковым в Псков для переговоров с бывшим императором Николаем II, передает следующие подробности об обстоятельствах, при которых произошло отречение.

— Необходимость отречения, — рассказывает В. В. Шульгин, — была единогласно принята всеми, и только исполнение этого решения затягивалось. А. И. Гучков и я решили отправиться в Псков, где, по полученным Исполнительным комитетом Госдумы сведениям, в это время находился царь. Мы выехали 2 марта в 3 часа дня с Варшавского вокзала. Высшие служащие дороги оказали нам полное содействие. Поезд был немедленно составлен, и было отдано распоряжение, чтобы он следовал с предельной скоростью. К нам в вагон сели два инженера, и мы поехали. Однако мы задержались довольно долго в Гатчине, где дожидались генерал-адъютанта Н. И. Иванова, который стоял где-то около Вырицы с эшелоном, посланным на усмирение Петрограда. Но с Ивановым не удалось видеться. В Луге нас опять задержали, ибо собравшиеся толпы войска и народа просили А. И. Гучкова сказать несколько слов.

Около 10 часов вечера мы приехали в Псков, где предполагали первоначально переговорить с генералом Н. В. Рузским, который был извещен о нашем приезде. Но, как только поезд остановился, в вагон вошел один из адъютантов государя и сказал нам: «Его величество вас ждет». По выходе из вагонов нам пришлось сделать несколько шагов до императорского поезда. Мне кажется, я не волновался. Я дошел до того предела утомления и нервного напряжения одновременно, когда уже ничто, кажется, не может ни удивить, ни показаться невозможным. Мне было только все-таки немного неловко, что я явился к царю в пиджаке, грязный, невымытый, четыре дня не бритый, с лицом каторжника, выпущенного из только что сожженных тюрем.

Мы вошли в салон-вагон, ярко освещенный, крытый чем-то светло-зеленым. В вагоне были Фредерикс (министр двора) и еще какой-то генерал, фамилию которого я не знаю. Через несколько мгновений вошел царь. Он был в форме одного из кавказских полков. Лицо его не выражало решительно ничего больше, чем когда приходилось видеть в другое время. Поздоровался он с нами скорее любезно, чем холодно, подав руку. Затем сел и просил всех сесть, указав место А. И. Гучкову рядом с собой, около маленького столика, а мне — напротив А. И. Гучкова. Фредерикс сел немного поодаль, а в углу вагона за столиком сел генерал, фамилию которого я не знал, приготавливаясь записывать. Кажется, в это время вошел Рузский и, извинившись перед государем, поздоровался с нами и занял место рядом со мною — значит, против царя.

При таком составе (царь, Гучков, я, Рузский, Фредерикс и генерал, который писал) началась беседа. Стал говорить Гучков. Я боялся, что Гучков скажет царю что-нибудь злое, безжалостное, но этого не случилось. Гучков говорил довольно долго, гладко, даже стройно в расположении частей своей речи. Он совершенно не коснулся прошлого. Он изложил современное положение, стараясь выяснить, до какой бездны мы дошли. Он говорил, не глядя на царя, положив правую руку на стол и опустив глаза. Он не видел лица царя, и, вероятно, так ему было легче договорить все до конца. Он и сказал все до конца, закончив тем, что единственным выходом из положения было бы отречение царя от престола в пользу маленького Алексея с назначением регентом великого князя Михаила. Когда он это сказал, генерал Рузский наклонился ко мне и шепнул:

— Это уже дело решенное.

Когда Гучков кончил, царь заговорил, причем его голос и манеры были гораздо спокойнее и как-то более просто деловиты, чем взволнованная величием минуты несколько приподнятая речь Гучкова. Царь сказал совершенно спокойно, как будто о самом обыкновенном деле:

— Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я не способен.— Тут он сделал очень коротенькую остановку и прибавил, но все также спокойно: — Вы это, надеюсь, поймете.

Затем он продолжал:

— Поэтому я решил отречься в пользу моего брата.

После этих слов он замолчал, как бы ожидая ответа.

Тогда я сказал:

— Это предложение застает нас врасплох. Мы предвидели только отречение в пользу цесаревича Алексея. Поэтому я прошу разрешения поговорить с Александром Ивановичем (Гучковым) четверть часа, чтобы дать согласный ответ.

Царь согласился, но, не помню уж как, разговор снова завязался и мы очень скоро сдали ему позицию. Гучков сказал, что он не чувствует себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считает невозможным в этой области какое бы то ни было давление. Мне показалось, что в лице царя промелькнуло слабо выраженное удовлетворение за эти слова. Я, со своей стороны, сказал, что желание царя, насколько я могу его оценить, хотя имеет против себя то, что оно противоречит принятому решению, но за себя имеет также многое. При неизбежной разлуке создастся очень трудное, щекотливое положение, так как маленький царь будет все время думать о своих отсутствующих родителях, и, быть может, в душе его будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью. Кроме того, большой вопрос, может ли регент принести присягу на верность конституции за малолетнего императора. Между тем такая присяга при настоящих обстоятельствах совершенно необходима для того, чтобы опять не создалось двойственного положения. Это препятствие при вступлении на престол Михаила Александровича будет устранено, ибо он может принести присягу и быть конституционным монархом.

Таким образом, мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича. После этого царь спросил нас, можем ли мы принять на себя известную ответственность, дать известную гарантию в том, что акт отречения действительно успокоит страну и не вызовет каких-нибудь осложнений. На это мы ответили, что, насколько мы можем предвидеть, мы осложнений не ждем. Я не помню точно, когда царь встал и ушел в соседний вагон подписать акт. Приблизительно около четверти двенадцатого царь вновь вошел в наш вагон,— в руках он держал листочки небольшого формата. Он сказал:

— Вот акт отречения, прочтите.

Мы стали читать вполголоса. Документ был написан красиво, благородно. Мне стало совестно за тот текст, который мы однажды набросали. Однако я просил царя после слов: «заповедаем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях

на тех началах, кои будут установлены» вставить: «принеся в том всенародную присягу».

Царь сейчас же согласился и тут же приписал эти слова, изменив одно слово, так что вышло: «принеся в том ненарушимую присягу». Таким образом, Михаил Александрович должен был бы принести присягу на верность конституции и был бы строго конституционным монархом. Мне казалось, что этого совершенно достаточно, но события пошли дальше... Акт был написан на двух или трех листочках небольшого формата с помощью пишущей машинки. На заглавном листе стояло слева слово: «Ставка», а справа — «Начальнику штаба». Подпись была сделана карандашом. Когда мы прочли и одобрили акт, мне кажется, произошел обмен рукопожатий, как будто имевший сердечный характер. Впрочем, в это время я уже, безусловно, был взволнован и потому могу ошибаться. Может быть, этого и не было. Я помню, что, когда я в последний раз взглянул на часы, было без 12 минут двенадцать. Поэтому надо думать, что все это событие огромной исторической важности произошло между 11 и 12 часами в ночь со 2 на 3 марта. Я помню, что, когда это случилось, у меня мелькнула мысль: «Как хорошо, что было 2 марта, а не 1-е». После этого было прощание. Мне кажется, что злых чувств ни с той, ни с другой стороны в это мгновение не было. У меня в душе была скорее жалость к человеку, который в это мгновение искупал свои ошибки благородством мыслей, осветивших отказ от власти. С внешней стороны царь был совершенно спокоен, но скорее дружелюбен, чем холоден.

Я забыл сказать, что мы условились с генералом Рузским, что будет два экземпляра акта, собственноручно подписанных, потому что мы опасались, что при бурных обстоятельствах Петрограда акт, который мы привезем, может быть легко утрачен. Таким образом, первый подписанный акт на листочках небольшого формата должен был остаться у генерала Рузского. Мы же привезли второй экземпляр, также написанный на машинке, но на листочке большего формата. Подпись царя справа сделана также карандашом, а с левой стороны пером скрепил министр двора Фредерикс. В получении этого экземпляра, который был нам вручен в вагоне генерала Рузского, мы, то есть Гучков и я, выдали расписку. Этот экземпляр мы привезли в Петроград, и его удалось передать в надежные руки.

Была минута, когда документ подвергался опасности.

б) «ДНИ»

1 марта 1917 г. В Государственной думе

В сотый раз вернулся Родзянко... Он был возбужденный, более того — разъяренный... Опустился в кресло.

— Ну что? Как?

— Как? Ну и мерзавцы же эти...

Он вдруг оглянулся.

— Говорите, их нет.

«Они» — это был Чхеидзе и еще кто-то, словом, левые.

— Какая сволочь! Ну все было очень хорошо. Я им сказал речь. Встретили меня как нельзя лучше. Я сказал им патриотическую речь,— как-то я стал вдруг в ударе. Кричат «ура». Вижу — настроение самое лучшее. Но только я кончил, кто-то из них начинает.

— Из кого?

— Да из этих... как их... собачьих депутатов... От исполкома, что ли,— ну, словом, от этих мерзавцев.

— Что же они?

— Да вот именно, что же?.. «Вот председатель Государственной думы все требует от вас, чтобы вы, товарищи, русскую землю спасали. Так ведь, товарищи, это понятно. У господина Родзянко есть что спасать, не малый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринославской губернии, да какой земли!.. А, может быть, и еще в какой-нибудь есть?.. Например, в Новгородской?.. Там, говорят, едешь лесом, что ни спросишь: чей лес? — отвечают: родзянковский... Так вот, Родзянкам и другим помещикам Государственной думы есть что спасать... Эти свои владения, княжеские, графские и баронские... они и называют русской землей... Ее и предлагают вам спасать, товарищи... А вот вы спросите председателя Государственной думы, будет ли он также заботиться о спасении Государственной думы, будет ли он также заботиться о спасении русской земли, если эта русская земля... из помещичьей... станет вашей, товарищи?» Понимаете, вот скотина!

— Что же вы ответили?

— Что я ответил? Я уже не помню, что я ответил... Мерзавцы!..

Он так стукнул кулаком по столу, что запрыгали под скатерть секретные документы.

— Мерзавцы! Мы жизнь сыновей отдаем своих, а это хамье думает, что земли пожалеет. Да будет она проклята, эта земля, на что она мне, если России не будет? Сволочь

подлая. Хоть рубашку снимите, но Россию спасите. Вот что я им сказал.

Его голос начинал переходить пределы...

— Успокойтесь, Михаил Владимирович.

* * *

Но он долго не мог успокоиться... Потом...

Потом поставил нас в «курс дела». Он все время ведет переговоры со Ставкой и с Рузским... Он, Родзянко, все время по прямому проводу сообщает, что происходит здесь, сообщает, что положение вещей с каждой минутой ухудшается; что правительство сбежало, что временно власть принята Государственной думой, в лице ее Комитета, но что положение ее очень шаткое, во-первых, потому, что войска взбунтовались — не повинуются офицерам, а, наоборот, угрожают им, во-вторых, потому, что рядом с Комитетом Государственной думы вырастает новое учреждение — именно «исполком», который, стремясь захватить власть для себя, всячески подрывает власть Государственной думы, в-третьих, вследствие всеобщего развала и с каждым часом увеличивающейся анархии, что нужно принять какие-нибудь экстренные, спешные меры, что вначале казалось, что достаточно будет ответственного министерства, но с каждым часом промедления становится хуже; что требования растут... Вчера уже стало ясно, что опасность угрожает самой монархии... возникла мысль, что все сроки прошли и что, может быть, только отречение государя-императора в пользу наследника может спасти династию... Генерал Алексеев примкнул к этому мнению...

— Сегодня утром, — прибавил Родзянко, — я должен был ехать в Ставку для свидания с государем-императором, доложить его величеству, что, может быть, единственный исход — отречение... Но эти мерзавцы узнали... и, когда я собирался ехать, сообщили мне, что ими дано приказание не выпускать поезда... Не пустят поезда! Ну как вам это нравится? Они заявили, что одного меня не пустят, а что должен ехать со мною Чхеидзе и еще какие-то... Ну, слуга покорный, — я с ними к государю не поеду... Чхеидзе должен был сопровождать батальон «революционных солдат». Что они там учинили бы?.. Я с этим скот...

* * *

В это время приехал Гучков. Он был в очень мрачном состоянии.

— Настроение в полках ужасное... Я не убежден, не

происходит ли сейчас убийств офицеров. Я объезжал лично и видел... Надо на что-нибудь решиться... И надо скорее... Каждая минута промедления будет стоить крови... будет хуже... будет хуже...

Он уехал.

* * *

Вернувшись, Родзянко без конца читал нам бесконечные ленты с прямого провода. Это были телеграммы от Алексеева из Ставки и Рузского из Пскова. Алексеев находил необходимым отречение государя императора.

* * *

Эта мысль об отречении государя была у всех, но как-то об этом мало говорили. Вообще же было только несколько человек, которые в этом ужасном сумбуре думали об основных линиях. Все остальные, потрясенные ближайшим, занимались тем, чем занимаются на пожарах: качают воду, спасают погибающих и пожитки, суетятся и бегают.

Мысль об отречении созревала в умах и сердцах как-то сама по себе. Она росла из ненависти к монарху, не говоря о всех прочих чувствах, которыми день и ночь хлестала нам в лицо революционная толпа. На третий день революции вопрос о том, может ли царствовать дальше государь, которому безнаказанно брошены в лицо все оскорбления, был уже, очевидно, решен в глубине души каждого из нас.

Обрывчатые разговоры были то с тем, то с другим. Но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался Комитетом Государственной думы как таковым. Он был решен в последнюю минуту.

В эту ночь он вспыхивал несколько раз по поводу этих узеньких ленточек, которые сворачивал в руках Родзянко, читая. Ужасные ленточки! Эти ленточки были нитью, связывавшей нас с армией, с той армией, о которой мы столько заботились, для которой мы пошли на все... Ведь смысл похода на правительство с 1915 года был один: чтобы армия сохранилась, чтобы армия дралась... И вот теперь по этим ленточкам надо было решить, как поступить... Что для нее сделать?..

* * *

Кажется, в четвертом часу ночи вторично приехал Гучков. Он был сильно расстроен. Только что рядом с ним в

автомобиле убили князя Вяземского. Из каких-то казарм обстреляли «офицера».

* * *

И тут, собственно, это и решилось. Нас было в это время неполный состав. Были — Родзянко, Милюков, я — остальных не помню... Но помню, что ни Керенского, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно. Он сказал приблизительно следующее:

— Надо принять какое-нибудь решение. Положение ухудшается с каждой минутой. Вяземского убили только потому, что он офицер... То же самое происходит, конечно, и в других местах... А если не происходит этой ночью, то произойдет завтра... Идучи сюда, я видел много офицеров в разных комнатах Государственной думы: они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... Надо на что-нибудь решиться... На что-то большое, что могло бы произвести впечатление... что дало бы исход... что могло бы вывести из ужасного положения с наименьшими потерями... В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему государю царствовать больше нельзя... Высочайшее повеление от его лица — уже не повеление: его не исполнят... Если это так, то можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный сброд начнет сам искать выхода... И сам расправится с монархией... Меж тем это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук.

Родзянко сказал:

— Я должен был сегодня утром ехать к государю... Но меня не пустили... Они объявили мне, что не пустят поезда, и требовали, чтобы я ехал с Чхеидзе и батальоном солдат.

— Я это знаю, — сказал Гучков, — поэтому действовать надо иначе... Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая... ни с кем не советуясь... Если мы сделаем по соглашению с «ними», то это непременно будет наименее выгодно для нас... Надо поставить их перед свершившимся фактом... Надо дать России нового государя... Надо под этим новым знаменем собрать то, что можно собрать... для отпора... Для этого надо действовать быстро и решительно...

— То есть точнее? Что вы предполагаете сделать?

— Я предлагаю немедленно ехать к государю и привезти отречение в пользу наследника...

Родзянко сказал:

— Рузский телеграфировал мне, что он уже говорил об этом с государем... Алексеев запросил главнокомандующих фронтами о том же. Ответы ожидаются...

— Я думаю, надо ехать,— сказал Гучков.— Если вы согласны и если вы меня уполномачиваете, я поеду... Но мне бы хотелось, чтобы поехал еще кто-нибудь...

Мы переглянулись. Произошла пауза, после которой я сказал:

— Я поеду с вами...

* * *

Мы обменялись еще всего несколькими словами. Я постарался уточнить: Комитет Государственной думы признает единственным выходом в данном положении отречение государя императора, поручает нам двоим доложить об этом его величеству и, в случае его согласия, поручает привезти текст отречения в Петроград. Отречение должно произойти в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича. Мы должны ехать вдвоем, в полной тайне.

* * *

Я отлично понимал, почему я еду. Я чувствовал, что отречение случится неизбежно, и чувствовал, что невозможно поставить государя лицом к лицу с «Чхеидзе»... Отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии.

Кроме того, было еще другое соображение. Я знал, что офицеров будут убивать именно за то, что они монархисты, за то, что они захотят исполнить свой долг присяги царствующему императору до конца. Это, конечно, относится к лучшим офицерам. Худшие приспособятся. И вот для этих лучших надо было, чтобы сам государь освободил их от присяги, от обязанности повиноваться ему. Он только один мог спасти настоящих офицеров, которые нужны были как никогда. Я знал, что в случае отречения... революции как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанию, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная дума, подчинившаяся указу о роспуске и подхватившая власть только потому, что старые министры разбежались, передаст эту власть новому правительству. Юридически революции не будет.

Я не знал, удастся ли этот план при наличии Гиммеров, Нахамкесов и приказ № 1. Но, во всяком случае, он представлялся мне единственным. Для всякого иного нужна была реальная сила. Нужны были немедленно повинующиеся нам штыки, а таковых-то именно и не было...

* * *

В пятом часу ночи мы сели с Гучковым в автомобиль, который по мрачной Шпалерной, где нас останавливали какие-то посты и заставы, и по неузнаваемой чужой Сергиевской довез нас до квартиры Гучкова. Там А. И. набросал несколько слов.

Этот текст был составлен слабо, а я совершенно был неспособен его улучшить, ибо все силы были на исходе.

2 марта 1917 г. Во Пскове

Чуть серело, когда мы подъехали к вокзалу. Очевидно, революционный народ, утомленный подвигами вчерашнего дня, еще спал. На вокзале было пусто.

Мы прошли к начальнику станции. Александр Иванович сказал ему:

— Я — Гучков... Нам совершенно необходимо по важнейшему государственному делу ехать в Псков... Прикажи-те подать нам поезд...

Начальник станции сказал: «Слушаюсь», и через двадцать минут поезд был подан.

* * *

Это был паровоз и один вагон с салоном и со спальнями. В окна замелькал серый день. Мы наконец были одни, вырвавшись из этого ужасного человеческого круговорота, который держал нас в своем липком веществе в течение трех суток. И впервые значение того, что мы делаем, стало передо мной, если не во всей своей колоссальной огромности, которую в то время не мог охватить никакой человеческий ум, то, по крайней мере, в рамках доступности...

* * *

Тот роковой путь, который привел меня и таких, как я, к этому дню 2 марта, бежал в моих мыслях так же, как эта унылая лента железнодорожных пейзажей, там, за окнами вагона... День за днем наматывался этот клубок... В нем были этапы, как здесь — станции... Но были эти «станции»

моего пути далеко не так безрадостны, как вот эти, мимо которых мы сейчас пронеслись...

* * *

Станции пронеслись мимо нас... Иногда мы останавливались... Помню, что А. И. Гучков иногда говорил краткие речи с площадки вагона, это потому, что иначе нельзя было... На перронах стояла толпа, которая все знала... То есть она знала, что мы едем к царю... И с ней надо было говорить...

* * *

Не помню, на какой станции нас соединили прямым проводом с генерал-адъютантом Николаем Иудовичем Ивановым. Он был, кажется, в Гатчине. Он сообщил нам, что по приказанию государя накануне, или еще 28-го числа, выехал по направлению к Петрограду... Ему было приказано усмирить бунт... Для этого, не входя в Петроград, он должен был подождать две дивизии, которые были сняты с фронта и направлялись в его распоряжение... В качестве, так сказать, верного кулака ему было дано два батальона георгиевцев, составляющих личную охрану государя. С ними он шел до Гатчины... И ждал... В это время кто-то успел разобрат рельсы, так что он, в сущности, отрезан от Петрограда... Он ничего не может сделать, потому что явились «агитаторы», и георгиевцы уже разложились... На них нельзя положиться... Они больше не повинуются... Старик стремился повидаться с нами, чтобы решить, что делать...

Но надо было спешить... Мы ограничились этим телеграфным разговором...

* * *

Все же мы ехали очень долго... Мы мало говорили с А. И. Усталость брала свое... Мы ехали, как обреченные... Как все самые большие вещи в жизни человека, и это совершалось не при полном блеске сознания... Так надо было... Мы бросились на этот путь потому, что всюду была глухая стена... Здесь, казалось, просвет... Здесь было «может быть»... А всюду кругом было — «оставь надежду»...

* * *

Разве переходы монаршей власти из рук одного монарха к другому не спасали Россию?

Сколько раз это было...

* * *

В 10 час. вечера мы приехали. Поезд стал. Вышли на площадку. Голубоватые фонари освещали рельсы. Через несколько путей стоял освещенный поезд... Мы поняли, что это императорский...

Сейчас же кто-то подошел...

— Государь ждет вас...— И повел нас через рельсы. Значит, сейчас все это произойдет. И нельзя отвратить?

Нет, нельзя... Так надо... Нет выхода... Мы пошли, как идут люди на все самое страшное, не совсем понимая... Иначе не пошли бы...

Но меня мучила еще одна мысль, совсем глупая... Мне было неприятно, что я являюсь к государю небритый, в смятом воротничке, в пиджаке...

* * *

С нас сняли верхнее платье. Мы вошли в вагон.

Это был большой вагон-гостиная. Зеленый шелк по стенам... Несколько столов... Старый, худой, высокий желтовато-седой генерал с аксельбантами.

Это был барон Фредерикс.

— Государь император сейчас выйдет... Его величество в другом вагоне...

Стало еще безотраднее и тяжелее...

В дверях появился государь... Он был в серой черкеске...

Я не ожидал его увидеть таким...

Лицо?

Оно было спокойно...

Мы поклонились. Государь поздоровался с нами, подав руку. Движение это было скорее дружелюбно...

— А Николай Владимирович?

Кто-то сказал, что генерал Рузский просил доложить, что он немного опоздает.

— Так мы начнем без него.

Жестом государь пригласил нас сесть. Государь занял место по одну сторону маленького четырехугольного столика, придвинутого к зеленой шелковой стене. По другую сторону столика сел Гучков. Я — рядом с Гучковым, наискось от государя. Против царя был барон Фредерикс.

Говорил Гучков. И очень волновался. Он говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением. Он говорил негладко... и глухо.

Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо.

Я не спускал с него глаз. Он изменился сильно с тех пор... Похудел... Но не в этом было дело... А дело было в том, что вокруг голубых глаз кожа была коричневая и вся разрисованная белыми черточками морщин. И в это мгновение я почувствовал, что эта коричневая кожа с морщинками, что это маска, что это не настоящее лицо государя и что настоящее, может быть, редко кто видел, может быть, иные никогда, ни разу не видели... А я видел тогда, в тот первый день, когда я видел его в первый раз, когда он сказал мне:

— Оно и понятно... Национальные чувства на западе России сильнее... Будем надеяться, что они передадутся и на восток...

Да, они передались. Западная Россия заразила восточную национальными чувствами. Но восток заразил запад... властью.

И вот результат... Гучков — депутат Москвы, и я, представитель Киева — мы здесь... Спасаем монархию через отречение... А Петроград?

Гучков говорил о том, что происходит в Петрограде. Он немного овладел собой... Он говорил (у него была эта привычка), слегка прикрывая лоб рукой, как бы для того, чтобы сосредоточиться. Он не смотрел на государя, а говорил, как бы обращаясь к какому-то внутреннему лицу, в нем же, Гучкове, сидящему. Как будто бы совести своей говорил.

Он говорил правду, ничего не преувеличивая и ничего не утаивая. Он говорил то, что мы все видели в Петрограде. Другого он не мог сказать. Что делалось в России, мы не знали. Нас раздавил Петроград, а не Россия...

Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо. Единственное, что, мне казалось, можно было угадать в его лице:

— Эта длинная речь — лишняя.

В это время вошел генерал Рузский. Он поклонился государю и, не прерывая речи Гучкова, занял место между бароном Фредериксом и мною... В эту же минуту, кажется, я заметил, что в углу комнаты сидит еще один генерал, волосами черный, с белыми погонами... Это был генерал Данилов.

Гучков снова заволновался. Он подошел к тому, что, может быть, единственным выходом из положения было отречение от престола.

Генерал Рузский наклонился ко мне и стал шептать:

— По шоссе из Петрограда движутся сюда вооруженные грузовики... Неужели же ваши?.. Из Государственной

думы? Меня это предположение оскорбило. Я ответил шепотом, но резко:

— Как это вам могло прийти в голову?

Он понял.

— Ну, слава Богу, простите... Я приказал их задержать.

Гучков продолжал говорить об отречении...

Генерал Рузский прошептал мне:

— Это дело решенное... Вчера был трудный день... Буря была...

— ...И, помолясь Богу...— говорил Гучков.

При этих словах по лицу государя впервые пробежало что-то... Он повернул голову и посмотрел на Гучкова с таким видом, который как бы выражал:

— Этого можно было бы и не говорить...

* * *

Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов А. И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

Последнюю фразу он сказал тише.

* * *

К этому мы не были готовы. Кажется, А. И. пробовал представить некоторые возражения... Кажется, я просил четверть часа — посоветоваться с Гучковым. Но это почему-то не вышло... И мы согласились, если это можно назвать согласием, тут же... Но за это время сколько мыслей пронеслось, обгоняя одна другую.

Во-первых, как мы могли «не согласиться»?.. Мы приехали сказать царю мнение Комитета Государственной думы... Это мнение совпало с решением его собственным, а если бы не совпало? Что мы могли бы сделать? Мы уехали бы обратно, если бы нас отпустили... Ибо мы ведь не вступали на путь «тайного насилия», которое практиковалось в XVIII веке и в начале XIX...

Решение царя совпало в главном... Но разошлось в частности... Алексей или Михаил перед основным фактом — отречением — все же была частность. Допустим, на эту частность мы бы «не согласились»... Каков результат? Прибавился бы только один лишний повод к неудовольст-

вию. Государь передал престол «вопреки желанию Государственной думы». И положение нового государя было бы подорвано.

Кроме того, каждый миг был дорог. И не только потому, что по шоссе движутся вооруженные грузовики, которых мы достаточно насмотрелись в Петрограде и знали, что это такое, и которые генерал Рузский приказал остановить (но остановят ли?), но еще и вот почему: с каждой минутой революционный сброд в Петрограде становится наглее, и, следовательно, требования его будут расти. Может быть, сейчас еще можно спасти монархию, но надо думать и о том, чтобы спасти хотя бы жизнь членам династии.

Если придется отречься и следующему, то ведь Михаил может отречься от престола...

Но малолетний наследник не может отречься — его отречение недействительно.

И тогда что они сделают, эти вооруженные грузовики, движущиеся по всем дорогам?

Наверное, и в Царское Село летят, проклятые... И сделали у меня «мальчики кровавые в глазах»...

* * *

А кроме того...

Если что может еще утишить волны — это если новый государь воцарится, присягнув конституции...

Михаил может присягнуть.

Малолетний Алексей — нет.

* * *

А кроме того...

Если здесь есть юридическая неправильность... Если государь не может отречься в пользу брата... Пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время... Некоторое время будет править Михаил, а потом, когда все утомится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу.

* * *

Все это, перебивая одно другое, пронеслось, как бывает в такие минуты... Как будто не я думал, а кто-то другой за меня, более быстро соображающий...

И мы «согласились».

* * *

Государь встал... Все поднялись... Гучков передал государю «набросок». Государь взял его и вышел.

* * *

Когда государь вышел, генерал, который сидел в углу и который оказался Юрием Даниловым, подошел к Гучкову. Они были раньше знакомы.

— Не вызовет ли отречение в пользу Михаила Александровича впоследствии крупных осложнений ввиду того, что такой порядок не предусмотрен законом о престолонаследии?

Гучков, занятый разговором с бароном Фредериксом, познакомил генерала Данилова со мною, и я ответил на этот вопрос. И тут мне пришло в голову еще одно соображение, говорящее за отречение в пользу Михаила Александровича.

— Отречение в пользу Михаила Александровича не соответствует закону о престолонаследии. Но нельзя не видеть, что этот выход имеет при данных обстоятельствах серьезные удобства. Ибо, если на престол взойдет малолетний Алексей, то придется решать очень трудный вопрос, останутся ли родители при нем или им придется разлучиться. В первом случае, то есть если родители останутся в России, отречение будет в глазах тех, кого оно интересует, как бы фиктивным... В особенности это касается императрицы... Будут говорить, что она так же правит при сыне, как при муже... При том отношении, какое сейчас к ней, это привело бы к самым невозможным затруднениям. Если же разлучить малолетнего государя с родителями, то, не говоря о трудности этого дела, это может очень вредно отразиться на нем. На троне будет подрастать юноша, ненавидящий все окружающее, как тюремщиков, отнявших у него отца и мать... При болезненности ребенка это будет чувствоваться особенно остро.

* * *

Барон Фредерикс был очень огорчен, узнав, что его дом в Петрограде горит. Он беспокоился о баронессе, но мы сказали, что баронесса в безопасности.

* * *

Через некоторое время государь вошел снова. Он протянул Гучкову бумагу, сказав:

— Вот текст.

Это были две или три четвертушки — такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке.

Я стал пробегать его глазами, и волнение, и боль, и еще что-то сжало сердце, которое, казалось, за эти дни уже лишилось способности что-нибудь чувствовать. Текст был написан теми удивительными словами, которые теперь все знают...

* * *

Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли. Государь принес его и положил на стол.

* * *

К тексту отречения нечего было прибавить. Во всем этом ужасе на мгновение пробился светлый луч. Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь государя в безопасности. Половина шипов, вонзившихся в сердце его подданных, вырывались этим лоскутком бумаги. Так благородны были эти прощальные слова. И так почувствовалось, что он так же, как и мы, а может быть, гораздо больше, любит Россию.

* * *

Почувствовал ли государь, что мы растроганы, но обращение его с этой минуты стало как-то теплее...

* * *

Но надо было делать дело до конца. Был один пункт, который меня тревожил. Я все думал о том, что, может быть, если Михаил Александрович прямо и до конца объявит «конституционный образ правления», ему легче будет удержаться на троне. Я сказал это государю. И просил его в том месте, где сказано: «... с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены...», приписать: «принеся в том всенародную присягу».

Государь сейчас же согласился.

— Вы думаете, это нужно!

И, присев к столу, приписал карандашом: «принеся в том ненарушимую присягу».

Он написал не «всенародную», а «ненарушимую», что, конечно, было стилистически гораздо правильнее. Это единственное изменение, которое было внесено.

* * *

Затем я просил государя:

— Ваше величество. Вы изволили сказать, что пришли

к мысли об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича сегодня в 3 часа дня. Было бы желатель-но, чтобы именно это время было обозначено здесь, ибо в эту минуту вы приняли решение.

* * *

Я не хотел, чтобы когда-нибудь кто-нибудь мог ска-зать, что манифест «вырван». Я видел, что государь меня понял и, по-видимому, это совершенно совпало и с его желанием, потому что он сейчас же согласился и написал: «2 марта, 15 часов», то есть 3 часа дня. Часы показывали в это время начало двенадцатого ночи.

* * *

Потом мы, не помню по чьей инициативе, начали го-ворить о Верховном главнокомандующем и о председателе Совета министров.

Тут память мне изменяет. Я не помню, было ли напи-сано назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим при нас или же нам было сказано, что это уже сделано.

Но я ясно помню, как государь написал при нас указ правительствующему сенату о назначении председателя Совета министров.

Это государь писал у другого столика и спросил:

— Кого вы думаете?

Мы сказали:

— Князя Львова.

Государь сказал какой-то особой интонацией, — я не могу этого передать:

— Ах, Львов? Хорошо — Львова...

Он написал и подписал.

Время, по моей же просьбе, было поставлено для дей-ствительности акта двумя часами раньше отречения, то есть 13 часов.

* * *

Когда государь так легко согласился на назначение Львова, я думал: «Господи, Господи, ну не все ли равно — вот теперь пришлось это сделать — назначить этого чело-века «общественного доверия», когда все пропало. Отчего же нельзя это было сделать несколько раньше... Может быть, этого тогда бы и не было».

* * *

Государь встал. Мы как-то в эту минуту были с ним вдвоем в глубине вагона, а остальные были там — ближе к выходу. Государь посмотрел на меня и, может быть, прочел в моих глазах чувства, меня волновавшие, потому что взгляд его стал каким-то приглашающим высказать.

И у меня вырвалось:

— Ах, ваше величество... Если бы вы это сделали раньше, ну хоть до последнего созыва Думы, может быть, всего этого...

Я не договорил.

Государь посмотрел на меня как-то просто и сказал еще проще:

— Вы думаете, обошлось бы?

* * *

Обошлось бы. Теперь я этого не думаю. Было поздно, в особенности после убийства Распутина. Но если бы это было сделано осенью 1915 года, то есть после нашего великого отступления, — может быть, и обошлось бы...

* * *

Государь смотрел на меня, как будто бы ожидая, что я еще что-нибудь скажу. Я спросил:

— Разрешите узнать, ваше величество, ваши личные планы? Ваше величество поедет в Царское?

Государь ответил:

— Нет... Я хочу сначала проехать в Ставку... проститься. А потом я хотел бы повидать матушку. Поэтому я думаю или проехать в Киев, или просить ее приехать ко мне. А потом — в Царское...

* * *

Теперь, кажется, было уже все сделано. Часы показывали без двадцати минут двенадцать. Государь отпустил нас. Он подал нам руку с тем характерным коротким движением головы, которое ему было свойственно. И было это движение, может быть, даже чуточку теплее, чем то, когда он нас встретил.

* * *

Около часу ночи, а может быть, двух, принесли второй экземпляр отречения. Оба экземпляра были подписаны го-

сударем. Их судьба, насколько я знаю, такова. Один экземпляр мы с Гучковым тогда же оставили генералу Рузскому. Этот экземпляр хранился у его начальника штаба, генерала Данилова. В апреле месяце 1917 года этот экземпляр был доставлен генералом Даниловым главе Временного правительства князю Львову.

Другой экземпляр мы повезли с Гучковым в Петроград. Впрочем, обгоняя нас, текст отречения побежал по прямому проводу и был известен в Петрограде ночью же.

Мы выехали. В вагоне я заснул свинцовым сном. Ранним утром мы были в Петрограде.

В ЦАРСКОМ ПОЕЗДЕ

... Для меня было ясно, что со старой властью мы расстались и сделали именно то, что должна была сделать Россия. Но для меня были не безразличны те формы, в которых происходил разрыв, и те формы, в которые облакалась новая власть. Я имел в виду этот переход от старого строя к новому произвести с возможным смягчением, мне хотелось поменьше жертв, поменьше кровавых счетов, во избежание смут и обострений на всю нашу последующую жизнь. К вопросу об отречении государя я стал близок не только в дни переворота, а задолго до этого. Когда я и некоторые мои друзья в предшествовавшие перевороту месяцы искали выхода из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях, в смене состава правительства и обновлении его общественными деятелями, обладающими доверием страны, в этих условиях выхода найти нельзя, что надо идти решительно и круто, идти в сторону смены носителя Верховной власти. На государе и государыне и тех, кто неразрывно был связан с ними, на этих головах накопилось так много вины перед Россией, свойства их характеров не давали никакой надежды на возможность ввести их в здоровую политическую комбинацию; из всего этого для меня стало ясно, что государь должен покинуть престол. В этом направлении кое-что делалось до переворота, при помощи других сил и не тем путем, каким в конце концов пошли события, но эти попытки успеха не имели или, вернее, они настолько затянулись, что не привели ни к каким реальным результатам. Во всяком случае, сама мысль об отречении была мне настолько близка и родственна, что с первого момента, когда только что выяснилось это шатание и потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тем, чего следовало искать. Другое соображение, которое заставило меня на этом остановиться, состояло в том, что при учете сил, имевшихся на фронте и в стране, в случае, если бы не со-

стоялось добровольного отречения, можно было опасаться гражданской войны или, по крайней мере, некоторых ее вспышек, новых жертв и затем всего того, что гражданская война несет за собой в последующей истории народов,— тех взаимных счетов, которые не скоро прекращаются.

Гражданская война сама по себе — страшная вещь, а при условиях внешней войны, когда тем несомненным параличом, которым будет охвачен государственный организм, и, главным образом, организм армии, этим параличом пользуются наши противники для нанесения нам удара, при таких условиях гражданская война еще более опасна. Все эти соображения с самого первого момента, с 27—28 февраля, привели меня к убеждению, что нужно во что бы то ни стало добиться отречения государя, и тогда же, в думском комитете, я поднял этот вопрос и настаивал на том, чтобы председатель Думы Родзянко взял на себя эту задачу; мне казалось, что ему это как раз по силам, потому что он своей персоной и авторитетом председателя Государственной думы мог произвести впечатление, в результате которого явилось бы добровольное сложение с себя Верховной власти. Был момент, когда решено было, что Родзянко примет на себя эту миссию, но затем некоторые обстоятельства помешали. Тогда, 1 марта в думском комитете я заявил, что, будучи убежден в необходимости этого шага, я решил его предпринять во что бы то ни стало, и, если мне не будут даны полномочия от думского комитета, я готов сделать это за свой страх и риск, поеду как политический деятель, как русский человек и буду советовать и настаивать, чтобы этот шаг был сделан. Полномочия были мне даны, причем вы знаете, как обрисовалась дальнейшая комбинация: государь отречется в пользу своего сына Алексея с регентом одного из великих князей, скорее всего Михаила Александровича. Эта комбинация считалась людьми совещания благоприятной для России как способ укрепления народного представительства в том смысле, что при малолетнем государе и при регенте, который, конечно бы, не пользовался, если не юридически, то морально всей властью и авторитетом настоящего держателя Верховной власти, народное представительство могло окрепнуть и, как это было в Англии в конце XVIII века, так глубоко пустило бы свои корни, что дальнейшие бури были бы для него не опасны. Я знал, что со стороны некоторых кругов, стоящих на более крайнем фланге, чем думский комитет, вопрос о добровольном отречении, вопрос о тех новых формах, в которые вылилась бы Верховная власть в будущем, и вопрос о попытках воздействия на

Верховную власть встретят отрицательное отношение. Тем не менее я и Шульгин, о котором я просил думский комитет, прося командировать его вместе со мной, чтобы он был свидетелем всех последующих событий, мы выехали в Псков. В это время были получены сведения, что какие-то эшелоны двигаются к Петрограду. Это могло быть связано с именем генерала Иванова, но меня это не особенно смущало, потому что я знал состояние и настроение армии и был убежден, что какие-нибудь карательные экспедиции могли, конечно, привести к некоторому кровопролитию, но к восстановлению старой власти они уже не могли привести. В первые дни переворота я был глубоко убежден в том, что старой власти ничего другого не остается, как капитулировать, и что всякие попытки борьбы повели бы только к тяжелым жертвам. Я телеграфировал в Псков генералу Рузскому о том, что еду, но чтобы на телеграфе не знали цели моей поездки, я пояснил, что еду для переговоров по важному делу, не упоминая, с кем эти переговоры должны были вестись. Затем послал по дороге телеграмму генералу Иванову, так как желал встретиться его по пути и уговорить не принимать никаких попыток к приводу войск в Петроград. Генерала Иванова мне не удалось тогда увидеть, хотя дорогой пришлось несколько раз обмениваться телеграммами; он хотел где-то меня перехватить, но не успел, а вечером 2 марта мы приехали в Псков. На вокзале меня встретил какой-то полковник и попросил в вагон государя. Я хотел сначала повидать генерала Рузского для того, чтобы немножко ознакомиться с настроением, которое господствовало в Пскове, узнать, какого рода аргументацию следовало успешнее применить, но полковник очень настойчиво передал желание государя, чтобы я непосредственно прошел к нему. Мы с Шульгиным направились в царский поезд.

Там я застал гр. Фредерикса, затем был состоящий при государе генерал Нарышкин, через некоторое время пришел генерал Рузский, которого вызвали из его поезда, а через несколько минут вошел и государь. Государь сел за маленький столик и сделал жест, чтобы я садился рядом. Остальные уселись вдоль стен. Генерал Нарышкин вынул записную книжку и стал записывать. Так что, по-видимому, там имеется точный протокол. Я к государю обратился с такими словами: я сказал, что приехал от имени Временного думского комитета, чтобы осветить ему положение дел и дать ему те советы, которые мы находим нужными для того, чтобы вывести страну из тяжелого положения. Я сказал, что Петроград уже совершенно в руках этого дви-

жения, что всякая борьба с этим движением безнадежна и поведет только к тяжелым жертвам, что всякие попытки со стороны фронта насильственным путем подавить это движение ни к чему не приведут, что, по моему глубокому убеждению, ни одна воинская часть не возьмет на себя выполнение этой задачи, что как бы ни казалась та или другая воинская часть лояльна в руках своего начальника, как только она соприкоснется с Петроградским гарнизоном и подышит тем общим воздухом, которым дышит Петроград, эта часть перейдет неминуемо на сторону движения, и «поэтому, прибавил я, всякая борьба для вас бесполезна». Затем я рассказал государю тот эпизод, который имел место накануне вечером в Таврическом дворце. Эпизод заключался в следующем: я был председателем военной комиссии, и мне заявили, что пришли представители царскосельского гарнизона и желают сделать заявление. Я вышел к ним. Кажется, там были представители конвоя, представители сводного гвардейского полка, железнодорожного полка, несущего охрану поездов и ветки, и представители царскосельской дворцовой полиции, — человек 25—30. Все они заявили, что всецело присоединяются к новой власти, что будут по-прежнему охранять имущество и жизнь, которые им доверены, но просят выдать им документы с удостоверением, что они находятся на стороне движения. Я сказал государю: «Видите, вы ни на что рассчитывать не можете. Остается вам только одно — исполнить тот совет, который мы вам даем, а совет заключается в том, что вы должны отречься от престола. Большинство тех лиц, которые уполномочили меня на проезд к вам, стоят за укрепление у нас конституционной монархии, и мы советуем вам отречься в пользу вашего сына, с назначением в качестве регента кого-нибудь из великих князей, например, Михаила Александровича». На это государь сказал, что он сам в эти дни по этому вопросу думал (выслушал он очень спокойно), что он сам приходил к решению об отречении, но одно время думал отречься в пользу сына, а теперь решил, что не может расстаться с сыном и потому решил отречься в пользу великого князя Михаила Александровича. Я лично ту комбинацию, на которой я, по поручению некоторых членов думского комитета, настаивал, находил более удачной потому, что, как я уже говорил, эта комбинация малолетнего государя с регентом представляла для дальнейшего развития нашей политической жизни большие гарантии, но, настаивая на прежней комбинации, я прибавил, что, конечно, государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын

остался при нем и при матери потому, что никто, конечно, не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения. Государь сказал, что он не может расстаться с сыном и передаст престол своему брату. Тут оставалось только подчиниться, но я прибавил, что в таком случае необходимо сейчас же составить акт об отречении, что должно быть сделано немедленно, что я остаюсь всего час или полтора в Пскове и что мне нужно быть на другой день в Петрограде, но я должен уехать, имея акт отречения в руках. Накануне был набросан проект акта отречения Шульгиным, кажется, он тоже был показан и в комитете (не смею этого точно утверждать), я тоже его просмотрел, внес некоторые поправки и сказал, что, не навязывая ему определенного текста, в качестве материала, передаю ему этот акт. Он взял документ и ушел, а мы остались. Час или полтора мы пробыли в вагоне. К тем собеседникам, которых я перечислил, присоединился еще Воейков, и мы ждали, пока акт будет составлен. Затем, через час или полтора, государь вернулся и передал мне бумажку, где на машинке был написан акт отречения и внизу подписано им «Николай». Этот акт я прочел вслух присутствующим. Шульгин сделал два-три замечания, нашел нужным внести некоторые второстепенные поправки, затем в одном месте государь сам сказал: «Не лучше ли так выразить», и какое-то незначительное слово вставил. Все эти поправки были сейчас же внесены и оговорены, и таким образом акт отречения был готов. Тогда я сказал государю, что этот акт я повезу с собой в Петроград, но так как в дороге возможны всякие случайности, по-моему, следует составить второй акт и не в виде копии, а в виде дубликата, и пусть он остается в распоряжении штаба главнокомандующего генерала Рузского. Государь нашел это правильным и сказал, что так и будет сделано. Затем, ввиду отречения государя, надлежало решить второй вопрос, который отсюда вытекал: в то время государь был Верховным главнокомандующим и надлежало кого-нибудь назначить. Государь сказал, что он останавливается на великом князе Николае Николаевиче. Мы не возражали, быть может, даже подтвердили, не помню, и тогда была составлена телеграмма на имя Николая Николаевича. Его извещали о том, что он назначается Верховным главнокомандующим. Затем надо было организовать правительство. Я государю сказал, что думский комитет называет князя Львова. Государь ответил, что он его знает и согласен, он присел и написал указ, кажется, сенату, не помню в какой форме, о назначении князя Львова предсе-

дателем Совета министров, причем я прибавил, что ему надлежит решить вопрос не о составе правительства, а только о председателе Совета министров, который уже от себя, по своему усмотрению, приглашает лиц, на что государь и согласился. Затем государь спросил относительно судьбы императрицы и детей, потому что дня два не имел тогда известий. Я сказал, что, по моим сведениям, там все благополучно, дети больны, но помощь оказывается. Затем государь заговорил относительно своих планов, он не знал,— ехать ли ему в Царское Село или остаться в Ставке. Затем мы расстались.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II

(Из воспоминаний)

Утром 1/14 марта от председателя Государственной думы получена была телеграмма, что в Псков, куда выехал со станции Дно государь император, отправляется депутация от имени комитета Государственной думы в составе А. И. Гучкова и В. В. Шульгина, что им поручено осветить государю всю обстановку и высказать, что единственным решением для прекращения революции и возможности продолжать войну является отречение государя от престола, передача его наследнику цесаревичу и назначение регентом великого князя Михаила Александровича.

Главкомандующий Северным фронтом генерал Рузский, с которым уже об этом переговорил М. В. Родзянко, обратился к начальнику штаба Верховного главкомандующего с просьбой высказать по этому вопросу свое заключение и дать ему данные — как к этому вопросу относятся все главкомандующие фронтов.

Генерал Рузский заявил, что он должен знать всю обстановку приезда в Псков государя императора. Он сказал, что государю, вероятно, будет недостаточно высказать мнение только его, генерала Рузского, хотя он лично и думает, что вряд ли есть какой-либо иной выход из создавшегося положения, кроме того, который будет предложен государю выехавшей из Петрограда депутацией, но ему необходимо точно знать, как на это смотрит начальник штаба Верховного главкомандующего и другие главкомандующие фронтов.

Генерал Рузский закончил заявление, что так как у государя утеряна в данное время связь с армией, то начальник его штаба, на основании положения о полевом управлении войск, фактически вступил в исполнение обязанностей Верховного главкомандующего и поэтому должен, с точки зрения боевой, дать оценку происходящим событиям.

Генерал Алексеев поручил мне составить телеграмму

главнокомандующим фронтов с подробным изложением всего происходящего в Петрограде, с указанием о том, что ставится вопрос об отречении государя от престола в пользу наследника цесаревича с назначением регентом великого князя Михаила Александровича, и с просьбой, чтобы главнокомандующие срочно сообщили по последнему вопросу свое мнение.

Телеграмма была подписана генералом Алексеевым и по прямому проводу передана всем главнокомандующим. Через некоторое время меня вызвал к прямому проводу главнокомандующий Западного фронта, генерал Эверт, и сказал, что он свое заключение даст лишь после того, как выскажутся генералы Рузский и Брусилов.

Так как мнение генерала Рузского о том, что выхода, по-видимому, нет, кроме отречения от престола государя императора, было известно, то это мнение главнокомандующего Северного фронта я и сообщил генералу Эверту, сказав, что заключение генерала Брусилова будет ему сообщено.

Вслед за этим из штаба Юго-Западного фронта передали телеграмму генерала Брусилова, который сообщил, что, по его мнению, обстановка указывает на необходимость государю императору отречься от престола

Мнение генерала Брусилова было передано генералу Эверту, и он ответил, что, как ему ни тяжело это сказать, но и он принужден присоединиться к мнениям, высказанным генералами Рузским и Брусиловым.

Затем была получена из Тифлиса копия телеграммы великого князя Николая Николаевича, адресованной на имя государя.

Великий князь докладывал государю, что, как это ни ответственно перед Богом и родиной, но он вынужден признать, что единственным выходом для спасения России и династии и для возможности продолжать войну является отречение государя от престола в пользу наследника.

Главнокомандующий Румынского фронта, генерал Сахаров, долго не отвечал на посланную ему телеграмму и требовал, чтобы ему были сообщены заключения всех главнокомандующих.

После посланных ему мнений главнокомандующих он прислал свое заключение.

В первой части своей телеграммы, отзываясь очень резко об образовавшемся Комитете Государственной думы, называя его шайкой разбойников, захвативших в свои руки власть, он указывает, что их надо просто разогнать. Во второй части телеграммы он говорит, что то, что ска-

зал, подсказывает ему сердце, но разум принужден признать необходимость отречения в пользу наследника.

После приезда государя в Псков генерал Рузский доложил ему все телеграммы. Поздно вечером 1/14 марта генерал Рузский прислал телеграмму, что государь приказал составить проект манифеста об отречении от престола в пользу наследника с назначением великого князя Михаила Александровича регентом.

Государь приказал проект составленного манифеста передать по прямому проводу генералу Рузскому.

О полученном распоряжении я доложил генералу Алексееву, и он поручил мне, совместно с начальником дипломатической части в Ставке г. Базили срочно составить проект манифеста.

Я вызвал г-на Базили срочно, и мы с ним, вооружившись Сводом Законов Российской империи, приступили к составлению проекта манифеста.

Затем составленный проект был доложен генералу Алексееву и передан по прямому проводу генералу Рузскому. По приказанию генерала Алексеева, после передачи проекта манифеста в Псков, об этом было сообщено в Петроград председателю Государственной думы.

От М. В. Родзянко после этого была получена довольно неясная телеграмма, заставившая думать, что и эта уступка со стороны государя может оказаться недостаточной. 2/15 марта после разговора с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным государь хотел подписать манифест об отречении от престола в пользу наследника.

Но, как мне впоследствии передавал генерал Рузский, в последнюю минуту, уже взяв для подписи перо, государь спросил, обращаясь к Гучкову, можно ли будет ему жить в Крыму.

Гучков ответил, что это невозможно, что государю нужно будет немедленно уехать за границу.

«А могу ли я тогда взять с собой наследника?» — спросил государь.

Гучков ответил, что и этого нельзя, что новый государь при регенте должен оставаться в России.

Государь тогда сказал, что ради пользы родины он готов на какие угодно жертвы, но расстаться с сыном — это выше его сил, что на это он согласиться не может.

После этого государь решил отречься от престола и за себя и за наследника, а престол передать своему брату великому князю Михаилу Александровичу.

На этом было решено, и переделанный манифест был государем подписан.

Перед отречением от престола государь написал указ об увольнении в отставку прежнего состава Совета министров и о назначении председателем Совета министров князя Львова.

Приказом по армии и флоту и указом правительствующему сенату Верховным главнокомандующим государь назначил великого князя Николая Николаевича.

Все это с курьером было послано в Ставку для немедленного опубликования.

Примечание. Лукомский писал свои воспоминания по памяти и затем сам же на основании материалов, перепечатаваемых в нашем издании, внес исправления. Самое главное вот в чем. В ночь с 1 на 2 марта Рузский убедил царя дать ответственное министерство. В разговоре по прямому проводу с Родзянко от 3 до 7 утра 2 марта Рузский узнал, что ответственное министерство никого уже не удовлетворит и только отречение может дать выход. В 10 час. утра 2 марта Рузский начал убеждать царя пойти на отречение, опираясь на мнение и предложение Алексеева. К двум часам дня были получены ответы главнокомандующих.— *Ред.*

ПРИНЯТИЕ НИКОЛАЕМ II РЕШЕНИЯ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ПРЕСТОЛА

...За обедом у себя Рузский сказал двум генералам: «Я вижу, что государь мне не верит. Сейчас после обеда поедем к нему втроем, пускай он, помимо меня, еще выслушает вас».

Приехали на вокзал около двух с половиной часов дня 1 марта, и все трое немедленно были приняты государем в салон-вагоне столовой императорского поезда. Кроме государя и их, никого не было, и все двери были закрыты плотно.

Государь сначала стоял, потом сел и предложил всем сесть, а оба генерала все время стояли навытяжку. Государь курил и предложил курить остальным. Рузский курил, а генералы не курили, несмотря на повторное предложение государя.

Рузский предложил сначала для прочтения государю полученные телеграммы, а затем обрисовал обстановку, сказав, что для спасения России, династии сейчас выход один: отречение его от престола в пользу наследника. Государь ответил: «Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия». Рузский доложил: «Ваше величество, заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит непоправимыми бедствиями. Я вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди». Это последнее предложение с некоторыми вариациями Рузский повторил один или два раза. Государь повернулся к генералам и, смотря на них, заявил: «Хорошо, но только я прошу откровенного мнения». Все очень сильно волновались. Государь и Рузский очень много курили. Несмотря на сильное волнение, государь отлично владел собою. Первый говорил генерал Ю. Н. Данилов о том, что государь не может сомневаться в его верноподданнических чувствах (государь его знал хорошо), но выше

всего долг перед Родиной и желание спасти Отечество от позора, приняв унижительные предложения от желающего нас покорить ужасного врага, и сохранить династию, он не видит другого выхода из создавшегося тяжкого положения, кроме принятия предложения Государственной думы.

Государь, обратясь к генералу Саввичу, спросил: «А вы такого же мнения?»

Генерал этот страшно волновался. Приступ рыданий сдавливал его горло. Он ответил:

«Ваше императорское величество, вы меня не знаете, но вы слышали обо мне отзывы от человека, которому вы верили».

Государь: «Кто это?»

Генерал: «Я говорю о генерале Дедюлине».

Государь: «О, да».

Генерал чувствовал, что он не в силах больше говорить, так как сейчас разрыдается, поэтому он поспешил кончить: «Я человек прямой и поэтому я вполне присоединяюсь к тому, что сказал генерал Данилов».

Наступило общее молчание, длившееся одну-две минуты.

Государь сказал: «Я решил. Я отказываюсь от престола» — и перекрестился. Перекрестились генералы.

Обратясь к Рузскому, государь сказал: «Благодарю вас за доблестную и верную службу» — и поцеловал его. Затем государь ушел к себе в вагон. Вошел дворцовый комендант, генерал-майор Воейков, которого присутствовавшие считали одним из главных виновников переживаемой катастрофы.

На вопросы Воейкова генералы отвечали неохотно и недружелюбно. Рузский очень небрежно напомнил Воейкову, как в Петрограде его «Куваку» употребляли в качестве шумих против конной полиции.

Затем вошел министр граф Фредерикс. Воейков сейчас же вышел. Фредерикс был страшно расстроен. Он заявил, что государь ему передал свой разговор с присутствующими и спросил его мнение, но раньше, чем ответить на такой ужасный вопрос, он, Фредерикс, хочет выслушать присутствующих.

Фредериксу повторили то, что было сказано государю. Старик был страшно подавлен и сказал: «Никогда не ожидал, что доживу до такого ужасного конца. Вот что бывает, когда переживешь самого себя».

Здесь же был обсужден вопрос о назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим. Это мнение было единогласное. На вопрос Фреде-

рикса, как оформить детали, связанные с актом отречения, ему ответили, что присутствующие в этом не компетентны, что лучше всего государю ехать в Царское Село и там все оформить со сведущими лицами. Фредерикс с этим согласился.

В это время была получена телеграмма, что из Петрограда в Псков к государю выехали член Государственного совета А. И. Гучков и член Государственной думы В. В. Шульгин.

Вошел государь и вынес собственноручно написанную им телеграмму к Родзянко о том, что нет той жертвы, которую он не принес бы на благо родной матушки России, что для ее блага он отказывается от престола в пользу своего сына с тем, чтобы он до совершеннолетия оставался при нем. Государю было доложено Фредериксом о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, на что государь охотно согласился. Затем государь снова ушел писать телеграмму в Ставку Алексееву о назначении Верховного главнокомандующего и о своем отречении. По уходе государя было обращено внимание Фредерикса на то, что в телеграмме на имя Родзянко государь ничего не упомянул о великом князе Михаиле Александровиче. Рузский написал на клочке бумаги, как необходимо дополнить телеграмму, и передал это Фредериксу, который понес государю. Государь, вынося дополненную телеграмму Родзянко и телеграмму Алексееву, заявил, что он дождется в Пскове Гучкова и Шульгина. Затем он распрощался с присутствующими, поблагодарив генералов за откровенный ответ. Это было в 3 часа 45 минут дня.

Ввиду ожидавшегося прибытия Гучкова и Шульгина Рузский решил не отправлять телеграмм государю до их приезда.

Через 20 минут государь потребовал эти телеграммы к себе. Рузский лично понес их и уговорил государя оставить их у него (Рузского), дав слово не отправлять их до выяснения цели прибытия Гучкова и Шульгина.

**БЕСЕДА С ЖУРНАЛИСТОМ Л. ГАНОМ
О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ НИКОЛАЯ II В СТАВКЕ**

Герцог Н. Н. Лейхтенбергский при низложенном императоре Николае II нес обязанности флигель-адъютанта в дни государственного переворота. Он дежурил в последние две недели при царе и был свидетелем всего происходившего как в Ставке Верховного главнокомандующего, так и в Пскове в момент отречения царя от престола. Н. Н. Лейхтенбергский сопровождал Николая II до царского павильона, и его впечатления представляют, несомненно, большой интерес.

Герцог Лейхтенбергский до сих пор не может опомниться от всего пережитого. Отдельные его фразы хаотичны, цельности в его рассказе нет.

Он говорит:

— Для меня, по крайней мере с первого дня революции, все было ясно, я чувствовал, что без тяжелых последствий для царствующего дома возникшие события не закончатся. Все, что я вам скажу, верьте, это правда, чего я лично не видел и не слышал, об этом говорить не стану.

Когда были получены в Ставке первые совсем еще смутные сведения о возникших в Петрограде беспорядках на почве недостатка хлеба, в свите считали, что событие это носит лишь прискорбный характер, оно не опасно и не грозит тяжелыми последствиями царствующему дому.

Я не знаю, что говорил государь о первом дне революции, но лица свиты считали, что возникшие беспорядки — это типичный бунт, что при известной энергии его можно прекратить.

На царских завтраках и обедах, на которых я как флигель-адъютант присутствовал, я ничего не слышал, какие меры вырабатываются для водворения порядка в столице и для восстановления спокойствия.

Среди же свиты высказывались соображения, что надо послать в Петроград генерала с диктаторскими полномо-

чиями, предоставив в его распоряжение отряд войск для умирения восставших.

Из Могилева в Петроград выехал генерал Иванов с эшелонном георгиевских кавалеров. Как я слышал, затем, уже в пути, по мере приближения Георгиевского батальона к Петрограду, среди георгиевцев возникло брожение. Они говорили, что напрасно их посылают в Петроград, так как в народ и народные войска стрелять они не будут.

Дальнейшие события шли, однако, с такой лихорадочной быстротой, что трудно было остановиться на определенной линии действий. Проектировалось осуществить эту меру, но через час намеченный план уже не годился, так как народные требования шли не эволюционным, а революционным темпом.

Был момент, когда казалось, что положение, может быть, в значительной степени спасено, если послать в Петроград популярного генерала из фронта, хотя бы генерала Брусилова, снабдив его диктаторскими полномочиями и дав вместе с тем возможность объявить народу, что государь согласен на образование ответственного министерства. Генералу Воейкову приписывается страшная, задуманная им мысль, будто бы он при обмене мнениями о создавшемся положении сказал:

— Что ж, надо открыть Двинский фронт, революция немедленно будет тогда потушена.

Лично я этой фразы не слышал, как не слышал ее от царя и других членов свиты, и мне кажется, что если и была такая фраза, то она была произнесена в совершенно ином смысле. Фраза эта могла быть произнесена так:

— Революцию можно подавить силой оружия, но отку-да взять войска. С севера тогда ведь будет открыт Двинский фронт.

Герцог Лейхтенбергский продолжает:

— Мне кажется, если бы царь все время продолжал находиться в Могилеве и вел бы оттуда переговоры с исполнительным комитетом Госдумы, он бы не очутился в таком положении, в каком находится теперь. Ведь в пути царь не имел возможности установить правильных и срочных сношений по телеграфу с М. В. Родзянко. Все переговоры пришлось вести через генерала Алексеева, а последний, сносаясь с исполнительным комитетом Госдумы, передавал царю народные требования и желания.

— Если это так, то тогда зачем понадобилось царю ехать в Псков? Отчего сразу он не возвратился в Могилев? Ведь там он имел бы полную возможность установить нормальные сношения в переговорах с Госдумой?

— Я тоже не понимаю,— ответил герцог.— Имелось, очевидно, в виду выяснить настроение войск на фронте и в зависимости от этого предпринять дальнейшие шаги. Были разговоры, что поездкой в Псков, может быть, удастся через Лугу и Гатчину проехать в Царское Село. На деле же оказалось обратное. Царь приехал в Псков и из первых же слов генерала Рузского он убедился, что все его ставки проиграны.

Мы приехали в Псков 1 марта. Сейчас же по приезде в царский поезд пришел генерал Рузский с докладом. Я нес тогда дежурство. В момент прихода Рузского в свитском вагоне был генерал Воейков. Насколько я припоминаю, здесь, кажется, больше никого не было. Генерал Рузский был взволнован, говорил нервным, повышенным тоном, и я понял, что восставшее столичное население и Госдума не пойдут на компромиссы.

Генерал Рузский говорил:

— Вся политика последних лет — это тяжелый сон и сплошное недоразумение. Гнев народный не простит этого.— Генерал Рузский, называя имена Щегловитова, Сухомлинова, Протопопова, говорил о них с чувством презрения. Он говорил о возмутительном протекционизме, практиковавшемся при всех назначениях, и намекал на некоторых влиятельных членов свиты, окружавших государя и умевших распространять на него свое влияние.

О чем говорил генерал Рузский затем с государем, мне неизвестно, но, оставшись наедине с генералом Воейковым, я заметил:

— Кажется, и по вашему адресу генерал Рузский прошелся.— Генерал Воейков стал доказывать, что никакого влияния на государя он не имел и не имеет. Все назначения проходили без его посредства и его ведома.

На другой день, после того как государь подписал акт об отречении, за чаем царь, между прочим, спросил меня:

— Объясните, герцог, отчего так не любят генерала Воейкова?

Я ответил, что не знаю, но объясняю себе это главным образом тем, что в народных массах существует уверенность, что генерал Воейков играет видную роль при дворе и имеет влияние в назначении сановников на высшие государственные посты.

Государь возразил, что он не знает случая, когда бы генерал Воейков хлопотал о назначении того или иного лица на ответственный пост...

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД НИКОЛАЯ II В МОГИЛЕВ

Произошла революция... Все более и более сгущавшиеся телеграммы Родзянко к государю: беспорядки — мятеж — революция... Посылка с войсками генерала Иванова из Могилева в Петроград для подавления бунта...

Я получил приказание экстренно приготовить поездной состав для отправления в Царское Село и Петроград, находившегося в Ставке в качестве ее охраны, Георгиевского батальона и генерал-адъютанта Иванова. Ничтожная с технической стороны, эта перевозка не представляла никакой трудности. Однако, ввиду особой ее цели и придававшегося ей значения, начальник штаба генерал Алексеев пожелал лично выслушать от меня доклад об ее организации. Когда я во время доклада сидел в кабинете генерала Алексеева, вошел адъютант генерала и доложил о прибытии генерал-адъютанта Иванова, который немедленно и был приглашен Алексеевым. С своей привычной приветливостью поздоровавшись с генералом Ивановым, Алексеев, не садясь, как-то весь выпрямился, подобрался и внушительным официальным тоном сказал Иванову: «Ваше высокопревосходительство, государь император повелел вам, во главе Георгиевского батальона и частей кавалерии, о движении коих одновременно сделаны распоряжения, отправиться в Петроград для подавления бунта, вспыхнувшего в частях Петроградского гарнизона». После этого Алексеев сделал паузу, воспользовавшись которой, Иванов ответил, что воля государя императора для него священна и что он постарается выполнить повеление государя. Алексеев молчал. Понимая, что генералам надо, быть может, переговорить с глазу на глаз, и видя, что Алексеев как будто позабыл о моем присутствии в кабинете, я постарался обратить на себя его внимание. Алексеев, как бы спохватившись, распрощался со мной, и я вышел из кабинета. Дальнейшего разговора я не слышал. Думаю, что у Алексеева тогда уже мало было надежды на успех экспедиции Иванова.

Иванов, с которым и раньше этого мне приходилось несколько раз дружески и откровенно беседовать, был очень озабочен, когда через час приехал ко мне, чтобы сговориться о подробностях поездки. Я уговорился с ним, что буду непосредственно осведомлять его о движении прочих частей, направляемых из района Северного фронта в его распоряжение, и что он будет телеграфировать непосредственно мне о своем движении. «Только сомневаюсь я, ваше высокопревосходительство, чтобы вы получили мои телеграммы,— сказал я ему,— перехватывать их будут». Я оказался прав. Сколько помнится, из нескольких посланных Ивановым телеграмм (о чем я узнал от него уже впоследствии) я получил только одну. А моих телеграмм он не получал вовсе. Зато потом, значительно уже позже, я имел удовольствие прочесть все мои телеграммы напечатанными в книге «Палладиум русской свободы».

Если не ошибаюсь, то часов около 9 вечера, в день разговора моего с генералом Ивановым — 27 февраля, генерал Лукомский (генерал-квартирмейстер штаба) передал мне распоряжение о немедленной подаче литерных поездов (двух царских поездов, в одном из которых обычно ехал государь, в другом — свита), так как государь собрался уезжать в Царское Село. Я был несколько удивлен. Во-первых, я только что получил сведения — и довольно точные, — что государь собирается уезжать не сегодня, а лишь послезавтра утром. Затем никаких распоряжений о пропуске царских поездов я обычно и не делал, так как всеми царскими поездками ведала инспекция императорских поездов, лишь согласуя, когда это было нужно, график движения с соответственным моим путейским органом. По техническим условиям поезда не могли отойти раньше поздней ночи. Глубокой ночью, вернее ранним утром, 28 февраля, я прямо из своего служебного кабинета поехал на железнодорожную станцию проводить царский поезд, чего я вообще никогда не делал. В полной темноте, без единого огня, с наглухо завешенными окнами стоял поезд около платформ, ожидая отправления. На перроне станции не было никого, не лезла в глаза и обычная охрана. Через несколько минут из поезда вышел кто-то из дворцовой прислуги и, проходя мимо меня и, видимо, признав меня, поклонился и сказал: «Да, вот и едем, и вы приехали, ваше высокопревосходительство?..» Тяжело, видимо, было на душе у этого человека. И мало убедительны были те несколько слов ободрения, которые я сказал ему. Тяжело было на душе у всех...

Прошли два томительных дня. Пожар в Петрограде

разгорался. Движение царского поезда по Московско-Виндавско-Рыбинской дороге, переход на восток на Николаевскую дорогу, возвращение на Дно; движение на запад на Северо-Западную дорогу; прибытие в Псков. Пребывание в Пскове.— Отречение. Уже позже узнали мы подробности отречения. Узнали и о том, как впустую пропал весь заряд красноречия человека, поехавшего убеждать царя об отречении. «Я уже решился», то есть решился раньше вашей речи,— таков был ответ государя на речь Гучкова. Отречение его было действительно, как сказал он позже нам,— «следствием его решения», принятого под влиянием представлений высшего командного состава армии, но вне всякого влияния речей посланцев Думы.

К вечеру 3 марта государь вернулся из Пскова в Могилев. Перед генералом Алексеевым встал вопрос, как же встретить государя. Обычно при его приездах на вокзал собирались для встречи оставшиеся в Ставке лица свиты (таких почти никогда не бывало, ибо свита была очень немногочисленна, и все лица свиты уезжали с государем), великие князья и 6—7 человек старших генералов, с генералом Алексеевым во главе. Встретить государя именно так, то есть так, как будто бы ничего не случилось, казалось невозможным. Еще менее возможным было совсем его не встретить или встретить одному Алексееву. С присутствующими генералу Алексееву тактом и сердечной деликатностью он решил обставить встречу государя так, чтобы хотя бы здесь, в бывшем своем штабе, не почувствовал он ослиного копыта. На встречу государя были приглашены все генералы, штаб-офицеры и чиновники соответствующих рангов, то есть около половины числа чинов Ставки,— всего человек около полутораста. В предвечерние сумерки серого холодного и мрачного мартовского дня собрались мы все в обширном павильоне, выстроенном на военной платформе могилевской станции, специально для приема царских и других парадных поездов. Разбились по кружкам и в ожидании поезда вели разговоры о печальных событиях дня. Так как я первый должен был узнать о приближении поезда, то я и держался ближе к Алексееву. Мы стояли группой в 5—6 человек — Алексеев, великие князья Борис Владимирович и Сергей Михайлович, я и еще один-два человека. Только что были получены известия об оставлении царской семьи, оставшейся в Царском Селе, частью государева конвоя, о других печальных подробностях петроградских событий. Новости эти передавались из уст в уста, и говорили о них и в нашем кружке. Алексеев больше грустно молчал, был молчалив и великий князь Борис

Владимирович, зато великий князь Сергей Михайлович, с присущей ему злой иронией и остротой языка, называл все вещи настоящими именами. Сумерки сгушались. В дверях показался комендант станции и доложил мне, что царский поезд вышел со станции Лотва — последний полустанок верстах в 6—7 от Могилева. Я доложил Алексееву, и все мы следом вышли на платформу, где и выстроились длинной шеренгой по старшинству чинов. Я стоял шестым или седьмым справа и оказался почти против дверей царского вагона при остановке поезда.

Медленно подошел поезд и остановился у платформы. Из поезда, как всегда, выскочили два конвойных казака, подложили трапик к выходу из царского вагона и встали по обе стороны трапа. Из одного из соседних вагонов вышел дежурный флигель-адъютант — герцог Лейхтенбергский и медленно приблизился к вагону государя. Это был первый человек из близких к государю лиц, которого мы увидели после отречения. Вся его походка, лицо, весь его вид являл выражение крайней подавленности и удручения. Мы ждали выхода государя. На платформе была мертвая и какая-то напряженная тишина. Однако вместо государя в двери вагона показался кто-то из дворцовой прислуги, быстро направился к генералу Алексееву и пригласил его в вагон. Алексеев вошел в вагон, пробыл там не более двух минут, вышел и стал на свое место.

Через несколько мгновений в двери вагона показался государь и сошел на платформу. Он был одет в форму кубанских казаков — в этой форме ходил он и в последние дни пребывания своего в Ставке — в пальто, в большой бараньей папаче, сплюснутой спереди и сзади. Он очень сильно изменился за то время, что я его не видел. Лицо сильно похудело, было желто-серого цвета, кожа как-то обтянулась и обсохла на скулах, весь вид государя был очень нервный. Однако через несколько мгновений он, видимо, овладел собой, улыбнулся своей всегдашней приветливой улыбкой и всем нам отдал честь, слегка поклонившись. В это же время к нему приблизился министр двора генерал-адъютант граф Фредерикс и дворцовый комендант генерал-майор Воейков. Бедный старик Фредерикс, как всегда тщательно одетый, выбритый и причесанный, казался совсем убитым, одряхлевшим и опустившимся. Воейков сохранял свой обычный вздернутый вид, но был явно растерян, и глаза его неуверенно бегали. Государь подошел к правому флангу нашей, жутко молчавшей шеренги и начал обход, никому не подавая руки, но или говоря кое-кому по несколько приветливых слов, или,

большую частью, по своему обыкновению, молча задерживаясь перед каждым на несколько мгновений. Левей меня и рядом со мной стоял свиты его величества генерал Петрово-Соловово, постоянно живший в Ставке. За несколько дней до революции он уехал по своим делам в Москву, откуда вернулся в Ставку накануне приезда государя. Этот, с хорошим университетским и общим образованием, человек, губернский предводитель дворянства и богатый земледелец имел в своем лейб-гусарском мундире вид кутилы и беззаботного малого, каковым он, однако, вовсе не был, будучи человеком весьма дельным, острым и умно находчивым на язык. Государь приветливо с ним поздоровался, сказал ему: «А, вы вернулись». Петрово-Соловово, как и все мы, подавленный и взволнованный этими минутами встречи государя, отрекшегося государя — в ближайшей свите которого он был и, видимо, в желании как-нибудь выразить государю наполнявшие его чувства и горя, и сожаления, и любви к нему, — в ответ на полувопрос, полузаявление государя, сразу быстро и много заговорил. Стал рассказывать о причинах своего пребывания в Москве, о болезни своей сестры и о подробностях этой болезни и прочее, совершенно не замечая, что государь все время порывается идти дальше. Воспользовавшись секундной паузой в речи генерала, государь перебил его неопределенными словами, сказав нечто, вроде «да, ну так, вот так», и продолжал свой обход.

Окончив обход, государь на минуту зашел в вагон, вышел оттуда и направился к своему автомобилю, который подали ему непосредственно к вагону. Воспользовавшись этой минутой, я подошел к графу Фредериксу, чтобы выяснить у него один мелочный вопрос. Все мы понимали, что чувство элементарного приличия заставляет нас думать о том, чтобы во время пребывания государя в Ставке, которое, как нам было ясно, будет очень кратковременным, постараться не нарушать тех мелочей, сложившихся в Ставке повседневного обихода, которые касались личности государя. Одна из этих мелочей заключалась в следующем. Мне как высшему начальнику почтово-телеграфной части на театре военных действий (у меня в подчинении в числе прочих было несколько тысяч почтово-телеграфных чиновников) ежедневно приносили прямо с аппарата наклеенную на телеграфном бланке подлинную ленту агентских телеграмм. Эти депеши я непосредственно от себя сейчас же пересылал Воейкову, а он передавал их государю, который их всегда внимательно и читал. Нарушать этот порядок я, по указанной выше причине, не хотел. С другой же

стороны, агентские телеграммы в это время были полны такой безудержной и лакейской ругани, направленной лично против государя и его семьи, что я прямо не решался посылать их. За разрешением этого вопроса я и обратился к графу Фредериксу: «Как же вы думаете, ваше сиятельство, посылать депеши или лучше не посылать, может быть, государь и не вспомнит о них». Бедный старик, подавленный и удрученный, ничего не мог мне ответить: «Да, да — нельзя, не нужно, но и нельзя... Знаете, спросите Воейкова». Воейков на секунду задумался. «А не можете ли вы их как-нибудь подцензуровать сами,— спросил он меня,— ну, вырезать особенно плохие места». Я сказал, что это совершенно неосуществимо, просто технически. «Да, да. А он (то есть государь) непременно спросит,— сказал Воейков.— Знаете, присылайте по-прежнему. Все равно, что уж теперь,— махнул он рукой,— он все равно знает, то есть знает, что его поносят». Я продолжал посылать эти депеши каждый день с новой болью и каждый раз с негодованием. Не знаю, показывались ли эти депеши государю.

Государь уехал во дворец. Разъехались с тяжелым сердцем и мы в места ни на секунду не прекращавшейся нашей службы — службы, которая со дня на день делалась все бесполезнее и бесполезнее, ибо все видней и видней было, что никакой войны с надеждой на успех продолжать мы не можем.

По возвращении своем в Ставку, после отречения, государь пробыл в ней, не считая вечера 3 марта и утра 9-го, когда он уехал, четыре полных дня. Внешний обиход его жизни в эти дни не изменился, если не считать того, что всякие приглашения к завтраку и к обеду, за исключением великих князей, были прекращены. По-видимому, в первые, по крайней мере, два дня он продолжал ходить и в то помещение штаба, где Алексеев делал ему доклады о ходе военных действий. Не решаюсь утверждать этого определенно, но помнится, что тогда говорили, что эти посещения вызвали серьезное неудовольствие против Алексеева в Петрограде, где Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов, через своих агентов, преимущественно из писарского населения Ставки, были точно осведомлены о всем, что там происходило. На другой день после приезда государя, то есть 4 марта, в Ставку приехала из Киева вдовствующая императрица, осталась в своем вагоне на станции и пробыла там все время до отъезда государя. Со времени ее приезда государь большей частью обедал и завтракал у нее. Чтобы попасть из дворца, то есть из

губернаторского дома, стоявшего на самом берегу Днепра, на вокзал надо было проехать свыше двух верст, причем большую часть этого пути приходилось делать по главной прямой и широкой улице города. Государь ездил на станцию в закрытом автомобиле. При встречах с быстро едущим автомобилем многие не успевали узнать государя. Из тех, которые узнавали, некоторые — военные и штатские — приветствовали его, или на ходу снимали шляпы и отдавали честь, или останавливались. Были такие, которые узнавали и отворачивались, делая вид, что не замечают. Были и такие, которые узнавали, не отворачивались, но и не кланялись. Но зато были и такие, которые останавливались, становились на колени и кланялись в землю. Много нужно было иметь в то время душевного благородства и гражданского мужества, чтобы сделать такой поклон. Однако такие люди нашлись.

Вечером 7 марта, на четвертый день пребывания государя в Ставке, вошел ко мне в кабинет генерал К. Толстой, грузный, жирный, рыжий, с широким бледным лицом, молодой, умный, способный и талантливый, но весьма шаткий человек, он занимал в Ставке должность высшего представителя министерства путей сообщения, имея свое начальство в Петрограде, в лице министра, а в то время, следовательно, в лице инженера Бубликова (Некрасов, кажется, еще не вступил в должность). К., наш товарищ и сверстник и сослуживец, после переворота как-то сразу резко отделился от нас, считая себя членом Временного правительства и боясь попасть «под подозрение», в котором до большевистской революции включительно находилась вся Ставка. Впоследствии он из-за неосмотрительно подписанной во время корниловских дней телеграммы (на что он горько мне жаловался) попал в Быховскую тюрьму вместе с Корниловым, а еще позже был растерзан большевистской толпой в Полтаве, только что взятой тогда добровольческой армией. С Бубликовым и Некрасовым он находился в оживленной и искательной переписке. По взволнованному и недоумевающему лицу К. я увидел, что случилось что-то особенное. «Я пришел к вам по-дружески, за советом,— сказал он мне,— вот я только что получил шифрованную телеграмму от Бубликова (или, не помню уже, от Некрасова) с известием, что завтра утром приедут в Могилев четыре члена Государственной думы для того, чтобы арестовать государя и отвезти его в Петроград. Мне воспрещается осведомлять кого-либо об этом и приказано приготовить секретно поезда и паровозы. Так вот я, черт его знает, и не знаю, что делать».—

«Видите ли,— отвечал я ему,— или вы должны были уж держать все это в секрете и никому не говорить, или, раз вы пришли ко мне за советом, то вот вам мой ответ: вот у поезда стоит мой автомобиль, садитесь в него и немедленно поезжайте к Алексееву». — «Да как же, ведь телеграмма секретная». — «Да ведь понимаете же вы сами, что нужно предупредить, иначе ведь вы ко мне и не пришли бы. Ну, скажите Алексееву, что это секрет, он уж сумеет этим секретом распорядиться. А коли вы не поедете, так я сам поеду. А если поедете, то никто не будет знать, что я знаю о вашей телеграмме». К. уехал. Позже я узнал, что когда он в разговоре с Алексеевым стал, так сказать, напирать на то, что то, что он ему передает,— секрет, обладанием которого он, К., обязан лишь своему особому положению, то Алексей весьма сухо его оборвал, сказав, что он сам знает, что ему делать.

Отъезд государя, по приказанию из Петрограда, был назначен утром, помнится, в 9 часов, а еще раньше должны были приехать экстренным поездом посланцы Временного правительства. Так сказать, на сборы в дорогу времени государю совсем не давалось. Однако бесконечная болтовня произносимых на промежуточных станциях речей задержала в дороге послов — двух кадет и двух социалистов (последние — по выбору Совета рабочих и солдатских депутатов), и они опоздали.

Около половины одиннадцатого я получил записку, что государь перед отъездом желает попрощаться с чинами Ставки, чего как раз и не желали, по-видимому, в Петрограде. Генерал Алексеев просил собраться, по возможности, всех в 11 часов в помещении управления дежурного генерала. Едва успел я дать знать об этом подчиненным мне и расположенным в разных зданиях учреждениям, как наступило уже время идти. «А вы не пойдете?» — спросил встретившегося мне генерала К. «Нет, знаете, что же там,— небрежно ответил он мне.— Надо, наконец, решить, какого берега держаться». Нечего или, вернее, бесполезно было отвечать. Я пришел на место собрания одним из последних. Генерал Алексеев был уже там. Это был довольно большой зал, бывший в мирное время залом заседания могилевского окружного суда. От середины обеих длинных стен зала отходили на высокие балюстрады, оставлявшие между собой широкий проход и отделявшие в бывшее время места для публики от судейских мест. Собравшиеся разместились в несколько тесно сбитых рядов по стенам, вокруг всего зала и по обе стороны балюстрад, образовав таким образом как бы восьмерку. В

правом верхнем углу этой восьмерки находилась входная дверь. Направо от нее, вдоль по поперечной стене зала стали нижние чины — человек около 50—60 — конвойцы, солдаты Георгиевского батальона, собственного его величества сводного пехотного полка, кое-кто из писарей. На лево около двери стал генерал Алексеев. Далее помещались по очереди все управления штаба. Мне пришлось стоять в правом нижнем углу восьмерки, а мои многочисленные подчиненные и путевые чины заняли всю внутреннюю короткую стену зала. Левее нас, по длинной стене стояли офицеры конвоя, Георгиевского батальона, сводного полка и другие. Правее меня и рядом со мной стоял полевой интендант генерал Егорьев со своими чинами. Настроение в зале было очень нервное и напряженное. Чувствовалось, что достаточно малейшего толчка, чтобы вывести всю эту толпу из равновесия.

Ровно в 11 часов в дверях показался государь. Поздоровавшись с Алексеевым, он обернулся направо к солдатам и поздоровался с ними негромким голосом, как здоровался в комнатах. «Здравия желаем, ваше императорское величество», — полным, громким и дружным голосом отвечали солдаты. Выслушав ответ нижних чинов, государь быстро направился в глубь зала и остановился в перехвате восьмерки, в нескольких шагах от меня, лицом в мою сторону. Я ясно и до мельчайших подробностей видел его фигуру и лицо. Он был одет в серую кубанскую черкеску, с шашкой через плечо. Единственное изменение заключалось в том, что все военные союзнические кресты, учрежденные во время войны, которые он носил постоянно, были сняты. На груди висел один лишь Георгиевский крест, ярко белевший на темном фоне черкески. Левую руку с зажатой в ней папачой он держал на эфесе шашки. Правая была опущена и сильно, заметно дрожала. Лицо было еще более пожелтевшее, посеревшее, обтянутое и очень нервное. Остановившись, государь сделал небольшую паузу и затем начал говорить речь. Первые слова этой речи я запомнил буквально. Он говорил громким и ясным голосом, очень отчетливо и образно, однако сильно волнуясь, делая неправильные паузы между частями предложения. Правая рука все время сильно дрожала. «Сегодня... я вижу вас... в последний раз, — начал государь, — такова воля Божия и следствие моего решения». Далее он сказал, что отрекся от престола, видя в этом пользу России и надежду победоносно кончить войну. Отрекся в пользу брата великого князя Михаила Александровича, который, однако, также отрекся от престола. Судьба Родины вверена те-

перь Временному правительству. Он благодарит нас за верную службу ему и Родине. Завещает нам верой и правдой служить Временному правительству и во что бы то ни стало довести до конца борьбу против коварного, жестокого, упорного — и затем следовал еще целый ряд отлично подобранных эпитетов — врага. Государь кончил. Правая рука его уже не дрожала, а как-то дергалась. Никогда не наблюдал я такой глубокой, полной, такой мертвой тишины в помещении, где было собрано несколько сот человек. Никто не кашлянул, и все упорно и, точно не мигая, смотрели на государя. Поклонившись нам, он повернулся и пошел к тому месту, где стоял Алексеев. Отсюда он начал обход присутствующих. Подавая руку старшим генералам и кланяясь прочим, говоря кое-кому несколько слов, он приближался к моему месту. Когда он был в расстоянии нескольких шагов от меня, то напряжение зала, все время сгущавшееся, наконец разрешилось. Сзади государя кто-то судорожно всхлипнул. Достаточно было этого начала, чтобы всхлипывания, удержать которые присутствующие были, очевидно, уже не в силах, раздались сразу во многих местах. Многие просто плакали и утирались. Вместе с всхлипываниями раздались и слова: «Тише, тише, вы волнуете государя». Однако судорожные, перехваченные всхлипывания эти не утихали. Государь оборачивался направо и налево, по направлению звуков, и старался улыбнуться, однако улыбка не выходила, а выходила какая-то гримаса, оскаливавшая ему зубы и искажавшая лицо, в глазах у него стояли слезы. Тем не менее он продолжал обход. Подойдя ко мне, он остановился, подал мне руку и спросил: «Это ваши?» Я, тоже сильно волнуясь и чувствуя, что губы у меня дрожат, ответил. В эту же минуту я заметил, что стоявший правее меня генерал Егорьев, человек, как я выше сказал, до крайности нервный, очевидно, уже не владея собой вовсе, спрятался за меня и что государь его не видит. Тогда я полуобернулся назад, схватил правой рукой Егорьева за талию, выдвинул его вперед и сказал: «Мои... и вот главный полевой интендант». Государь подал ему руку и на секунду задумался. Потом, подняв на меня глаза и глядя в упор, сказал: «Помните же, Т., что я говорил вам, непременно перевезите все, что нужно для армии, — и, обращаясь к Егорьеву, — а вы непременно достаньте, теперь это нужно больше, чем когда-либо. Я говорю вам, что я не сплю, когда думаю, что армия голодает». Подав руку мне и Егорьеву, он пошел дальше. Подойдя к офицерам своего конвоя, он никому не подал руки, может быть, потому, что он виделся уже с

ними утром отдельно. Зато он поздоровался со всеми офицерами Георгиевского батальона, только что вернувшись из экспедиции в Петроград. Судорожные всхлипывания и вскрики не прекращались. Офицеры Георгиевского батальона — люди, по большей части, несколько раз раненные — не выдержали: двое из них упали в обморок. На другом конце зала рухнул кто-то из солдат-конвойцев. Государь, все время озираясь на обе стороны, со слезами в глазах, не выдержал и быстро направился к выходу. Навстречу ему выступил Алексеев, начал что-то говорить. Начала речи я не слышал, так как все бросились за государем и в зале поднялся шум от шарканья ног. До меня долетели лишь последние слова взволнованного голоса Алексеева: «А теперь, ваше величество, позвольте мне пожелать вам благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни». Государь обнял и поцеловал Алексеева и быстро вышел.

**ПОДЛИННИК МАНИФЕСТА
ОБ ОТРЕЧЕНИИ В ПЕТРОГРАДЕ**

Ясное морозное утро, но уже в воздухе чувствуется весна. Измайловский весь увешан флагами. Народа масса, и чем ближе к вокзалу, тем толпа все гуще и гуще. Медленно пробирается автомобиль среди этого живого моря к вокзалу со стороны прибытия поездов. Вдруг мне навстречу слева Лебедев, медленно идущий в своей щегольской шубе с поднятым воротником. Испускаю радостный крик, но он делает мне тревожно отрицательные знаки. Прикалываю автомобилю повернуться. Сделать это в толпе нелегко. Наконец повернулся и за мостом, там где был убит Плеве, нагоняем Лебедева. Влезает. Вид у него сильно озабоченный.

— Где же акт, где Гучков?

— Акт вот,— хрипло шепчет Лебедев, суя мне в руку какую-то бумагу.— Гучков арестован рабочими.

— Что?..— спросил я заплетающимся языком, суя в боковой карман тужурки акт отречения.

— В министерстве расскажу.

Молча входим в кабинет к Бубликову, там сидит Добровольский и довольно много служащих.

— Ну что? как?..

— Ничего, но... Александр Александрович, у меня есть к вам сообщение совершенно доверительного характера.

— Выйдите, господа, на минуточку. Никого не пускать.

Остались мы вчетвером: Бубликов, Добровольский, Лебедев и я.

— В чем дело?..

— Гучков арестован... Акт отречения вот...

Как не сенсационна была весть об аресте Гучкова, глаза всех, забывая о нем, впились в положенный мною на стол кусочек бумаги.

«Ставка. Начальнику штаба».

— Достукался,— произнес Бубликов после минуты

молчания.— Итак, будем присягать Михаилу... Да, а с Гучковым-то что?

— Когда поезд его пришел в Петроград, его здесь встретило порядочно народу,— начал Лебедев,— и он еще на вокзале говорил две речи... а затем пошел на митинг в мастерские.

— Старый авантюрист,— пробормотал Бубликов.

— Когда я приехал, он уже был в мастерских, а Шульгин, член Думы Лебедев, который был в Луге, и начальство сидели в кабинете начальника станции. Было известно, что в мастерских неспокойно. Настроение было тревожное. Затем из мастерских передали, что Гучков арестован, что акта у него не нашли и что идут обыскивать других депутатов, чтобы уничтожить акт.

— Зачем?

— Товарищи переплетчики желают низложить царя, да и все остальные, кажется... отречения им мало.

— Ну, а потом?

— Потом депутат Лебедев передал мне акт, я потихоньку закоулками, на другую сторону, да и дал тягу.

— А Гучков? А другие депутаты?

— Не знаю.

— Я сейчас буду разговаривать с Родзянко, а вы, господа, узнайте, что с депутатами.

Комиссары заперлись, а мы пошли к себе. Акт отречения не давил даже, а жег мне левый бок. По телефону сообщили, что Гучкова выпустили и что он с Шульгиным и Лебедевым уехали в Думу.

С этим известием я вошел к комиссарам. Они представляют полную противоположность. Спокойный, даже, скажу, безразличный, эпикуреец Добровольский, одетый как модная картинка, рассеянно рассматривал свои ногти. Бубликов, растерянно, неряшливо одетый, с отеком от бессонницы лицом бегал по комнате, сверкал глазами и произносил проклятия, как язычник.

С их слов, довольно бессвязных, я понял, что в городе положение примерно такое, как на вокзале. Большинство рабочих против отречения. С раннего утра, вернее с ночи, в Думе между Комитетом и Советом идут об этом горячие споры. Совет усилен «солдатскими» депутатами.

— Грамоту ищут по всему городу. Возможно, и сюда придут. Где она?— спросил Добровольский.

— У меня в кармане.

— Это не годится. Надо спрятать.

— Положить в несгораемый шкаф. Приставить караул.

— Нет, положить в самое незаметное место... и не в

этой комнате... конечно, сохранение этой грамоты или несохранение положения не изменит, но все-таки... во-первых, отречение освобождает войска от присяги... во-вторых, ее уничтожение окрылит черные силы.

— А не снять ли нам, Анатолий Александрович, с акта несколько копий?

— Пожалуй, но только чтобы никто ничего не знал. Составим комитет спасения «пропавшей грамоты» из трех.

— Нет, из четырех. Лебедев ее спас.

— Правильно, позовите его сюда.

Пришел Лебедев, ему объявили положение, и мы с ним отправились снимать копию в секретарскую. А комиссары начали принимать доклады разных учреждений министерства. Лебедев диктовал, я писал. Когда копия была готова, я позвал комиссаров в секретарскую. Мы все четверо заверили копию, а подлинник спрятали среди старых запыленных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в секретарской.

— Ну, теперь по копии можно начать печатание,— сказал я.

— Нет, надо спросить Думу,— возразил Добровольский.

— Зачем? Ведь чем скорее грамота будет напечатана, тем скорее весь этот шум прекратится. Да и притом набор, корректура, печать — все это потребует времени. А кроме того, наборщики ждут.

— Нет, надо спросить.

Через несколько минут последовал приказ: «Не печатать, но наборщиков не распускать»...

Часть вторая

**МАТЕРИАЛЫ
И ДОКУМЕНТЫ**

Документ 1

Протокол отречения Николая II

2 марта, около 10 часов вечера приехали из Петрограда во Псков: член Государственного совета Гучков и член Государственной думы Шульгин. Они были тотчас приглашены в вагон-салон императорского поезда, где к тому времени собрались: главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант Рузский, министр императорского двора граф Фредерикс и начальник военно-походной канцелярии е. и. в. свиты генерал-майор Нарышкин. Его Величество, войдя в вагон-салон, милостиво поздоровался с прибывшими и, попросив всех сесть, приготовился выслушать приехавших депутатов.

Член Г. с. Гучков: Мы приехали с членом Государственной думы Шульгиным, чтобы доложить о том, что произошло за эти дни в Петрограде, и вместе с тем посоветоваться о тех мерах, которые могли бы спасти положение. Положение в высшей степени угрожающее: сначала рабочие, потом войска примкнули к движению, беспорядки перекинулись на пригороды, Москва не спокойна. Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранее обдуманного переворота, а это движение вырвалось из самой почвы и сразу получило анархический отпечаток, власти стусеивались. Я отправился к замещавшему генерала Хабалова генералу Занкевичу и спрашивал его, есть ли у него какая-нибудь надежная часть или хотя бы отдельные нижние чины, на которых можно было бы рассчитывать. Он мне ответил, что таких нет и все прибывшие части тотчас переходят на сторону восставших. Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, мы образовали так называемый временный комитет Государственной думы и начали принимать меры, пытаясь вернуть офицеров к командованию нижними чинами; я сам лично объехал многие части и убеждал нижних чинов сохранять спокойствие. Кроме нас заседает еще Комитет рабочей партии, и

мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархии, нас, умеренных, сметут, так как это движение начинает нас уже захлестывать. Их лозунги: провозглашение социальной республики. Это движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают дать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт, где лозунг: смести начальство и выбрать себе угодных. Там такой же горячий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители: сводного пехотного полка, железнодорожного полка, конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению. Им сказано, что они должны продолжать охрану тех лиц, которые им были поручены; но опасность все-таки существует, так как толпа теперь вооружена. В народе глубокое сознание, что положение создано ошибками власти и именно Верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное. Единственный путь, это передать бремя Верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию. Если вы, Ваше Величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия, я говорю, может быть, потому что события идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и умеренных членов Думы крайние элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинации, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот, Ваше Величество, только при этих условиях можно сделать попытку водворить порядок. Вот что нам, мне и Шульгину, было поручено вам передать. Прежде чем на это решиться вам, конечно, следует хорошенько подумать, помолиться, но решиться все-таки не позже завтрашнего дня, потому что завтра мы не будем в состоянии дать совет, и если вы его у нас спросите, то можно будет опасаться агрессивных действий.

Его Величество: Ранее вашего приезда после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению,

что ввиду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу.

Член Г. с. Гучков: Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти.

Генерал-адъютант Рузский: Его Величество беспокоится, что если престол будет передан наследнику, то Его Величество будет с ним разлучен.

Член Г. д. Шульгин: Я не могу дать на это категорического ответа, так как мы ехали сюда, чтобы предложить то, что мы передали.

Его Величество: Давая свое согласие на отречение, я должен быть уверенным, что вы подумали о том впечатлении, какое оно произведет на всю остальную Россию. Не отзовется ли это некоторою опасностью?

Член Г. с. Гучков: Нет, Ваше Величество, опасность не здесь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобие.

Член Г. д. Шульгин: Позвольте мне дать некоторое пояснение, в каком положении приходится работать Государственной думе: 26-го вошла толпа в Думу и вместе с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону, левая сторона занята публикой, а мы сохраняли всего две комнаты, где ютятся так называемый комитет. Сюда тащат всех арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; некоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управления страной, и только благодаря этому еще некоторый порядок мог сохраниться, не прерывалось движение железных дорог. Вот при каких условиях мы работаем; в Думе ад, это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва. Относительно вашего проекта разрешите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имеет то преимущество, что не будет мысли о разлучении и, с другой стороны, если ваш брат, великий князь Михаил Александрович как полноправный монарх присягает Конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению.

Член Г. с. Гучков: У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыстом, который сразу переменял бы все. Я нахожу, что

тот акт, на который вы решились, должен сопровождаться и назначением председателя Совета министров князя Львова.

Его Величество: Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови.

Член Г. д. Шульгин: Может быть, со стороны тех элементов, которые будут вести борьбу против нового строя, и будут попытки, но их не следует опасаться. Я знаю, например, хорошо город Киев, который был всегда монархическим, теперь там полная перемена.

Его Величество: А вы не думаете, что в казачьих областях могут возникнуть беспорядки?

Член Г. с. Гучков: Нет, Ваше Величество, казаки все на стороне нового строя. Ваше Величество, у вас заговорило человеческое чувство отца и политике тут не место, так что мы ничего против вашего предложения возразить не можем.

Член Г. д. Шульгин: Важно только, чтобы в акте Вашего Величества было указано, что преемник ваш обязан дать присягу Конституции.

Его Величество: Хотите еще подумать?

Член Г. с. Гучков: Нет, я думаю, что мы можем сразу принять ваши предложения. А когда бы вы могли совершить самый акт? Вот проект, который мог бы вам пригодиться, если б вы пожелали из него что-нибудь взять.

Его Величество, ответив, что проект уже составлен, удалился к себе, где собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отречении в том смысле, что престол передается великому князю Михаилу Александровичу, а не великому князю Алексею Николаевичу. Приказав его переписать, Его Величество подписал манифест и, войдя в вагон-салон в 11 часов 40 минут, передал его Гучкову. Депутаты попросили вставить фразу о присяге Конституции нового императора, что тут же было сделано Его Величеством. Одновременно были собственноручно написаны Его Величеством указы правительствующему сенату о назначении председателем Совета министров князя Львова и Верховным главнокомандующим Николая Николаевича, чтобы ни казалось, что акт совершен под давлением приехавших депутатов, и так как самое решение об отречении от престола было принято Его Величеством еще днем, то днем, по совету депутатов, на манифесте было поставлено при подписи в 3 часа дня, а на указах правительствующему сенату в 2 часа дня. При этом присутствовал, кроме поименованных лиц, начальник штаба армии Северного

фронта генерал Данилов, который был вызван генерал-адъютантом Рузским.

В заключение член думы Шульгин спросил у Его Величества о его дальнейших планах. Его Величество ответил, что собирается поехать на несколько дней в Ставку, может быть, в Киев, чтобы проститься с государыней императрицей Марией Федоровной, а затем останется до выздоровления детей. Депутаты заявили, что они приложат все силы, чтобы облегчить Его Величество в выполнении его дальнейших намерений. Депутаты попросили подписать еще дубликат манифеста на случай возможности с ними несчастья, который остался бы в руках генерала Рузского. Его Величество простился с депутатами и отпустил их, после чего простился с главнокомандующим армиями Северного фронта и его начальником штаба, облобызав его и поблагодарив его за сотрудничество. Приблизительно через час дубликат манифеста был преподнесен Его Величеству на подпись, после чего все четыре подписи Его Величества были контрастиггированы министром императорского двора графом Фредериксом.

Документ 2

Неосуществленный проект отречения Николая II

В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний для России мы, не имея сил [руководить] вывести империю из тяжелой смуты [великие неудачи], переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу желаниям всего русского народа, сложить бремя [данной] врученной нам от Бога власти.

Во имя величия возлюбленного русского народа и победы над лютым врагом призываем благословение Бога на сына нашего [которому], в пользу которого отрекаемся от престола нашего. Ему до совершеннолетия регентом брата нашего Михаила Александровича...

Документ 3

Манифест отречения Николая II

Ставка. Начальнику штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу

Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

г. Псков.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министр императорского двора
генерал-адъютант граф Фредерикс.

Документ 4

Из писем Александры Федоровны к Николаю II

Царское Село, 24 февраля 1917 г.

Бесценный мой! Погода теплее, 4 1/2 гр. Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги

разнесли Филиппова¹, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально. [...] ²

Я надеюсь, что Кедринского³ из Думы повесят за его ужасную речь,— это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость...

Царское Село, 25 февраля 1917 г.

...Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи (посылаю тебе письмо Калинина⁴ ко мне. Оно, правда, не-многого стоит, так как ты, наверное, получишь более подробный доклад от градоначальника). Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба,— просто для того, чтобы создать возбуждение,— и рабочие, которые мешают работать другим. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо немедленно и очень строго наказывать, тем более, что теперь военное время. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо.

...Бойсман предлагает, чтобы Хабалов взял военные пекарни и пек немедленно хлеб, так как, по словам Бойсмана, здесь достаточно муки. Некоторые булочные также забастовали. Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже. Я велела Бойсману обратиться к Калинину и сказать ему, чтобы он поговорил с Хабаловым насчет военных пекарен. Завтра воскресенье, и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики, тогда не будет беспорядков. Забастовщикам прямо надо сказать, чтобы они не устраивали стачек, иначе будут посылать их на фронт или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот производственный вопрос может свести с ума. Прости за унылое письмо, но кругом столько докуки.

Целую и благославляю. *Навеки твоя старая женошка*

Опубл.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. 1916—1917. М.; Л., 1927.

¹ Имеется в виду булочная Филиппова.

² Здесь и далее в скобках опускается часть письма с сообщением о здоровье детей и приемах.

³ Имеется в виду А. Ф. Керенский.

⁴ Речь идет о А. Д. Протопопове.

Документ 5

Шифрованная телеграмма министра внутренних дел А. Д. Протопопова в Ставку дворцовому коменданту для Николая II

Совершенно секретно

25 февраля 1917 г.

Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба взрослым по фунту малолетним половинном размере вызвали усиленную закупку публикой хлеба очевидно в запас почему части населения хлеба не хватило точка На этой почве двадцать третьего февраля вспыхнула столице забастовка сопровождающаяся уличными беспорядками точка Первый день бастовало около 90 тысяч рабочих второй до 160 тысяч сегодня около 200 тысяч точка Уличные беспорядки выражаются демонстративных шествиях частью красным флагом разгромом некоторых пунктах лавок частичном прекращении забастовщиками трамвайного движения столкновениях полицией точка 23 февраля ранены два помощника пристава сегодня утром Выборгской стороне толпой снят лошади избит полицейский полковник Шалфеев ввиду чего полицией произведено несколько выстрелов направлении толпы оттуда последовали ответные выстрелы точка Сегодня днем более серьезные беспорядки происходили около памятника императору Александру III и на Знаменской площади где убит пристав Крылов точка Движение носит неорганизованный стихийный характер наряду эксцессами противоправительственного свойства бунтующих местами приветствуют войска точка Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством точка Москве спокойно

РГИА, ф. 1276, оп. 13, Д. 36, л. 2—2 об.

Опубл.: Пролетарская революция. 1923. Т. 1 (13).

Документ 6

Из письма Александры Федоровны к Николаю II

Царское Село, 26 февраля 1917 г.

... [Бойсман] рассказывал мне много о беспорядках в городе (я думаю, более 200 000 человек). Он находит, что просто не умеют поддержать порядка. Но я писала об этом уже вчера, прости — я глупенькая. Необходимо ввести кар-

точную систему на хлеб (как это теперь в каждой стране), ведь так устроили уже с сахаром, и все спокойны и получают достаточно. У нас же — идиоты. Оболенский этого не желал сделать, хотя Медем и хотел этого после того, как удалось в Пскове. Один бедный жандармский офицер был убит толпой и еще несколько человек. Вся беда от этой зевающей публики, хорошо одетых людей, раненых солдат и т. д., курсисток и проч., которые подстрекают других. Лили¹ заговаривает с извозчиками, чтобы узнавать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и объявили, что если они выедут утром, то в них будут стрелять. Какие испорченные типы! Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, это не похоже на 95², потому что все обожают тебя и только хотят хлеба.

...В городе дела вчера были плохи. Произведены аресты 120—130 человек. Главные вожаки и Лелянов привлечены к ответственности за речи в Госдуме. Министры и некоторые правые члены Думы совещались вчера вечером (Калинин писал в 4 часа утра) о принятии строгих мер, и все они надеются, что завтра все будет спокойно. Те хотели строить баррикады и т. д. В понедельник читала гнусную прокламацию. Но, мне кажется, все будет хорошо. Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле!³

Опубл.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. 1916—1917. М.; Л., 1927.

Документ 7

**Шифрованная телеграмма министра внутренних дел
А. Д. Протопопова в Ставку дворцовому коменданту
для Николая II о событиях в столице**

Шифр. Военная

26 февраля 1917 г.

Ставка. Дворцовому коменданту.

Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, не подчинявшаяся требованию разойтись. Ввиду сего возле городской Думы войсками были произведены

¹ Имеется в виду Юлия Александровна фон Ден, жена капитана I ранга К. А. фон Дена.

² Вероятно, описка. Имеется в виду начало революции 1905—1907 гг.

³ Речь идет о Распутине.

три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского Владимирским проспектом и Садовой улице, причем всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска камнями, колышками скелетного на улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызывая лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые, раненые, большую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды. Около шести часов вечера четвертая рота Павловского полка, возмущенная участием учебной команды того же полка в подавлении беспорядков, самовольно пошла с оружием под командой унтер-офицера навстречу учебной команде, желая с ней расправиться, но, встретив разъезд конных городских, открыла по нем огонь, причем один городской убит, другой ранен. Затем эта рота возвратилась в свои казармы, куда явился батальонный командир полковник Экстен, который был ранен. По сему поводу производится расследование военными властями. Рота усмирена вызванными преображенцами.

Охранным отделением арестовано запрещенное собранием 30 посторонних лиц помещении группы Центрального военного комитета и 136 человек партийных деятелей, а также революционный руководящий коллектив из пяти лиц. Моему соглашению командующим войсками контроль распределением выпечкою хлеба, также учетом использования муки возлагается на заведующего продовольствием империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза. Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам. В Москве спокойно. Протопопов. МВД¹.

ГАРФ, ф. 1788, оп. 1, д. 74. Л. 31—33 б.

Опубл.: Пролетарская революция. 1923. Т. 1 (13).

¹ На отдельном листе рукой А. Д. Протопопова в дополнение к телеграмме написано: «Войска действовали ревностно, исключение составляет самовольный выход четвертой эвакуационной роты Павловского полка».

Документ 8

Письмо Николая II Александре Федоровне

Ставка

27 февраля 1917 г.

Мое сокровище!

Нежно благодарю за твое милое письмо. Это будет моим последним. Как счастлив я при мысли, что увидимся через 2 дня! У меня много дела, и потому письмо мое кратко. После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо. Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал. Удивляюсь, что делает Павел. Он должен был бы держать их в руках. Благослови тебя Бог, мое дорогое солнышко, крепко целую тебя, детей. Передай ей мой поклон.

Навеки твой Ники.

Опубл.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. 1916—1917. М.; Л., 1927

Документ 9

Телеграмма председателя Государственной думы Родзянко на имя главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Рузского 27 февраля 1917 года

Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийные и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом, полное недоверие власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно, ценой пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная, безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неуправляемой. Железнодорож-

ное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28, ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановились 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов.

Население, опасаясь неумелых распоряжений власти, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением.

Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное признание лица, которому может верить вся страна и которому будет вручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевленная вполне верой в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед вашим высокопревосходительством поддержать это мое убеждение перед Его Величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. *Председатель Государственной думы Родзянко.*

Отметка на телеграмме генерала Рузского:

«Очень жаль, что с 24 по 27 февраля не удалось сообщить о том, что делается в Петрограде. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающегося недовольства, грозящего волнениями, а также и об агитации среди рабочих и гарнизона Петрограда. Об этом тоже не потрудились, может быть и с целью, сообщить на фронт».

Документ 10

Телеграмма главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Рузского Николаю II 27 февраля

Ставка. Его Императорскому Величеству государю императору.

Почитаю долгом представить на благовоззрение Вашему Величеству полученную мною от председателя Государ-

ственной думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбу родины. Хотя армия остается проникнутой сознанием долга и желанием довести войну до победного конца, тем не менее на ней непосредственно начинают отражаться последствия продовольственной и железнодорожной неурядиц, а доходящие на фронт сведения о тяжелом кризисе, переживаемом населением, и о волнениях в Петрограде могут в будущем создать условия весьма неблагоприятные.

Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроение страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочные меры, которые могли бы успокоить население, вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и в свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, вольтуют новые силы в армию и народ для проявления дальнейшего упорства в борьбе с врагом; позволю себе думать, что при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение. *Генерал-адъютант Рузский.*

Документ 11

**Телеграмма военного министра Беляева
начальнику штаба Верховного главнокомандующего
генералу Алексееву**

Ставка. Начальнику штаба Верховного главнокомандующего, копия главнокомандующему Северного фронта.

Положение в Петрограде становится весьма серьезным; военный мятеж, немногими оставшимися верными долгу частями, погасить пока не удастся, напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с коими нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города. 197. 27 февраля. *Беляев.*

Документ 12

**Телеграмма начальника штаба Верховного
главнокомандующего генерала М. В. Алексева
военному министру М. А. Беляеву № 1789
о назначении генерала Н. И. Иванова
главнокомандующим Петроградским военным округом**

Передана 27 февраля 1917 г. 22 ч. 25 м.

По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назначается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями. Двадцать восьмого февраля вместе с генерал-адъютантом Ивановым в Петроград высылаются из Ставки три роты Георгиевского батальона. От Северного фронта высылаются бригада кавалерийской дивизии и бригада пехоты. От Западного фронта высылаются одна бригада Уральской казачьей или одна бригада Второй кавалерийской дивизии и одна бригада пехоты. Прошу срочно сформировать для генерал-адъютанта Иванова штаб из чинов главного управления Генерального штаба, главного штаба и штаба округа. От Западного и Северного фронтов, кроме того, будет назначено по одной кольтовской пулеметной команде. Срочно телеграфируйте, вызвана ли вами из Павловска гвардейская запасная батарея. 27 февраля 1917 года. 1789. *Генерал Алексеев.*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 13

**Разговор по прямому проводу генерала М. В. Алексева
с великим князем Михаилом Александровичем**

27 февраля 1917 г. около 22¹/₂ часов.

— У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу вас доложить от моего имени государю императору нижеследующее: для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием Вашего Императорского Величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета министров, ответственного

единственно перед Вашим Императорским Величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. Ввиду чрезвычайно серьезного положения не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего Вашего Императорского Величества имени? Причем, со своей стороны, полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь Львов. *Генерал-адъютант Михаил.*

— Сейчас доложу Его Императорскому Величеству телеграмму Вашего Императорского Высочества. Завтра государь император выезжает в Царское Село. *Генерал-адъютант Алексеев.*

Позволяю себе доложить, что если последует сейчас какое-либо повеление государя императора, то я немедленно телеграфирую его Вашему Императорскому Высочеству. *Генерал Алексеев.*

— Я буду ожидать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить Его Императорскому Величеству, что, по моему убеждению, приезд государя императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. *Генерал-адъютант Михаил.*

— У аппарата Его Императорское Величество великий князь Михаил Александрович? Государь император повелел мне от его имени благодарить Ваше Императорское Высочество и доложить вам следующее. Ввиду чрезвычайных обстоятельств государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиною часа дня. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, Его Императорское Величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собою надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград, из наиболее надежных частей, четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личной просьбой о том, чтобы высказанные Вашим Императорским Высочеством мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах Его Императорскому Величеству как относительно замены современных деятелей Совета министров, так и относительно способа выбора нового Совета, и да поможет Вашему Высочеству Господь Бог в этом важном деле. *Генерал Алексеев.*

Со своей стороны, сообщаю лично вам, что я опасюсь, как бы не было упущено время до возвращения Его Величества, так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час.

— Благодарю вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю вам полного успеха. *Генерал-адъютант Михаил.*

— Завтра при утреннем докладе еще раз доложу Его Императорскому Величеству теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградиво. Желаю здоровья Вашему Императорскому Высочеству и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать государю императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба дальнейшего хода войны и жизни государства. *Генерал Алексеев.*

Документ 14

**Телеграмма царя председателю Совета министров
кн. Голицыну**

Передана 27 февраля 1917 г. 23 ч. 25 м.

О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. *Николай.*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2(21).

Документ 15

Запись из дневника Николая II

27 февраля 1917 г.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад, к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 1(20)

Документ 16

**Разговор по аппарату начальника штаба
Верховного главнокомандующего генерала Алексеева
с начальником штаба Северного фронта
генералом Даниловым. 27 февраля, 21 час.**

«У аппарата начальник штаба. Доложите об этом генералу Данилову».

«У аппарата генерал Данилов».

«Здравствуйте, Юрий Никифорович. Ссылаясь на телеграмму главнокомандующему Северным фронтом военного министра от сегодняшнего числа № 197.

Государь император повелел:

Генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградского военного округа, в его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящейся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправить с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск, поэтому прошу очень соответствующих распоряжений и сообщите мне, какие полки будут назначены, для уведомления генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля с Георгиевским батальоном. Такой же силы наряд последует от Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квезинским¹.

Минута грозная и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего. До свидания. *Алексеев*».

«Могу ли предложить один вопрос. *Данилов*».

«Если непродолжительный, то слушаю. *Алексеев*».

«Сколько следует послать генералов в качестве помощников генерала Иванова. Так как я понял, что во главе каждой бригады, пехотной и кавалерийской, нужно иметь

¹ Был начальником штаба Западного фронта.— *Ред.*

по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные командиры дивизий или же генералы могли бы быть посланы от других частей, тогда был бы шире выбор и можно было бы отправить особ смелых и решительных. *Данилов*».

«Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имели под командой свои полки, хорошо им известные и на которые они могли бы иметь нравственное влияние, но решение этого вопроса предоставляю вам, в зависимости от того, кто командует теми частями, кои отправятся в Петроград. Ничего не имею, если поедут начальники дивизий, так как им придется подчинить те запасные части Петроградского гарнизона, которые останутся верными своему долгу. *Алексеев*».

«Слушаю, понял и будет исполнено. *Данилов*».

«До свидания, будьте здоровы. *Алексеев*».

Документ 17

Телеграмма выборных членов Государственного совета Николаю II

28 февраля 1917 г.¹

Ваше Императорское Величество. Мы, нижеподписавшиеся члены Государственного совета по выборам, в сознании грозной опасности, надвинувшейся на Родину, обращаемся к вам, чтобы выполнить долг совести перед вами и перед Россией. Вследствие полного расстройтва транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу. Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением. Государь! Дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель династии и величай-

¹ Была отправлена в ночь с 27 на 28 февраля.

шие бедствия для России. Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами. Вашего Императорского Величества верноподданные члены Государственного совета: *барон Меллер-Закомельский, Grimm, Гучков, Юмашев, Савицкий, Вернадский, Крым, граф Толстой, Васильев, Глебов, Зубашев, Лаптев, Ольденбург, Дьяконов, Вайнштейн, князь Трубецкой, Шумахер, Стахович, Стахеев, Комсин, Шмурло, князь Друцкой-Соколинский, Марин.*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 18

Телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексева на имя всех главнокомандующих

Сообщаю для ориентировки: двадцать шестого, в тринадцать часов сорок минут получена телеграмма генерала Хабалова о том, что двадцать пятого февраля толпы рабочих, собравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими частями. Около семнадцати часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздались несколько револьверных выстрелов, был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около восемнадцати часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. Двадцать пятого февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Генералом Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на ули-

цах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силой оружия. По донесению генерала Хабалова с утра двадцать шестого февраля в городе спокойно. Двадцать шестого в двадцать два часа получена телеграмма от председателя Государственной думы Родзянко, сообщавшего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспорядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику. Двадцать седьмого военный министр всеподданнейше доносит, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры.

Председатель Государственной думы двадцать седьмого, около полудня, сообщает, что войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров.

Генерал Хабалов двадцать седьмого, около полудня, всеподданнейше доносит, что одна рота запасного батальона Павловского полка двадцать шестого февраля заявила, что не будет стрелять в народ. Командир батальона этого полка ранен из толпы. Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынского полка отказалась выходить против бунтовщиков, и начальник ее застрелился. Затем эта команда, с ротой этого же полка, направилась в распоряжение двух других батальонов и к ним начали присоединяться люди этих частей.

Генерал Хабалов просит о присылке надежных частей с фронта. Военный министр к вечеру двадцать седьмого февраля сообщает, что батарея, вызванная из Петергофа, отказалась грузиться на поезд для следования в Петроград. Двадцать седьмого февраля, между двадцатью одним часом и двадцатью двумя, дано указание главнокомандующим Северного и Западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде Кольта для Георгиевского батальона, который приказано направить двадцать восьмого февраля в Петроград из Ставки.

По высочайшему повелению, главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров назначен генерал-адъютант Иванов.

Двадцать восьмого, около двадцати четырех часов,

мною сообщено главнокомандующим о необходимости подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог.

Двадцать седьмого, после девятнадцати часов, военный министр сообщает, что положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими верными долгу частями погасить не удастся, и войсковые части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары. Петроград объявлен в осадном положении. Двадцать восьмого, в два часа, послана телеграмма от меня главнокомандующим Северного и Западного фронтов о направлении в Петроград, сверх уже назначенных войск, еще по одной пешей и конной батарее от каждого фронта.

Двадцать восьмого, в три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московского округа о принятии необходимых мер на случай, если беспорядки перекинутся в Москву, и об обеспечении работы железнодорожного узла и прилива продовольствия.

Двадцать восьмого февраля, в час, от генерала Хабалова получена телеграмма на высочайшее имя, что он восстановить порядка в столице не мог. Большинство частей изменило своему долгу, и многие перешли на сторону мятежников. Войска, оставшиеся верными долгу, после борьбы в продолжение всего дня, понесли большие потери.

К вечеру мятежники овладели большей частью столицы, и оставшиеся верными присяге небольшие части разных полков стянуты у Зимнего дворца.

Двадцать восьмого февраля, в два часа, военный министр сообщает, что мятежники заняли Мариинский дворец и там находятся члены революционного правительства. Двадцать восьмого февраля, в восемь часов двадцать пять минут, генерал Хабалов доносит, что число оставшихся верными долгу уменьшилось до шестисот человек пехоты и до пятисот всадников при пятнадцати пулеметах и двенадцати орудиях, имеющих всего восемнадцать патронов, и что положение до чрезвычайности трудное.

Головной эшелон пехотного полка, отправляемый с Северного фронта, подойдет к Петрограду примерно к утру первого марта.

Государь император, в ночь с 27 на 28 февраля, изволил отбыть в Царское Село. По частным сведениям, революционное правительство вступило в управление Петроградом, объявив в своем манифесте переход на его сторону четырех гвардейских запасных полков, о занятии арсенала, Петропавловской крепости, главного артиллерийского управления.

Только что получена телеграмма военного министра, что мятежники во всех частях города овладели важнейшими учреждениями. Войска под влиянием утомления и пропаганды бросают оружие, переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Все время на улицах идет беспорядочная стрельба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов на улицах разоружают. Министры все целы, но работа министров, по-видимому, прекратилась.

По частным сведениям, председатель Государственного совета Щегловитов арестован. В Государственной думе образовался совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от рабочих и мятежных войск.

Только что получена от генерала Хабалова телеграмма, из которой видно, что фактически повлиять на события он больше не может. Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед государем и Родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов. 28 февраля 1917 г. 1813. *Алексеев».*

Документ 19

Телеграмма помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Клембовского, главнокомандующим, с передачей копии телеграммы генерала Алексева

Главнокомандующим. Копия телеграммы генерала Алексева генерал-адъютанту Иванову в Царское Село: частные сведения говорят, что 28 февраля Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули Временному правительству полным составе, приводятся порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в Государственной думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о необходимости монархического начала России и необходимости новых выборов для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу, принять эти пожелания народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших дейст-

вий; переговоры приведут умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работу.

Воззвание нового министра путей сообщений Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. 1833. *Алексеев*. 1846. *Клембовский*. 28 февраля 1917 года.

Документ 20

Телеграмма военного министра М. А. Беляева дворцовому коменданту генералу Воейкову для передачи Николаю II

Подана 28 февраля 1917 г. 1 час. 55 мин.

Мятежники заняли Мариинский дворец. Благодаря случайно услышанному по телефону разговору, там теперь члены революционного правительства. Министры, кроме Покровского и Войновского-Кригера, заблаговременно ушли из дворца. Относительно этих двух сведений не имею. 200. *Беляев*.

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 21

Докладная записка № 1 главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерал-адъютанта Н. И. Иванова начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву

28 февраля 1917 г.

При представлении моем сего числа, около 3 часов утра, государю императору Его Императорскому Величеству было благоугодно повелеть доложить вам для поставления в известность председателя Совета министров следующее повеление Императорского Величества:

«Все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно».

Генерал-адъютант Иванов

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 22

**Телеграмма представителя французской военной миссии
подполковника Ловерня из Петрограда
генералу Жанену, состоящему при Ставке
Верховного главнокомандующего**

Принята 16 час. 32 мин.

28 февраля 1917 г.

Все петроградские войска перешли на сторону мятежников, до сих пор войска производят мало эксцессов, собственность уважается, убивают или разрушают только в виде репрессий или по ошибке. Некоторые заводы работают. Тюрьмы открыты. Окружной суд и дом генерала Фредерикса сожжены. Комитет из членов Думы непрерывно заседает и взял на себя управление делами.

*Перевел и верно. Генерал-майор
(подпись)*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 23

**Запись разговора по прямому проводу штаб-офицера
Морского Генштаба В. М. Альтфатера с начальником
оперативной части Штаба командующего флотом
Балтийского моря М. Б. Черкасским об обстановке
в Кронштадте и Петрограде**

28 февраля 1917 г.

[Альтфатер]: Здесь у аппарата князь Черкасский? У аппарата каптеранг Альтфатер. По телефону адмирал Вирен сообщил в 23^{1/2} часа, что в гарнизоне крепости [Кронштадт] начались беспорядки; на судах и в морских командах пока все спокойно, поэтому Капнист послал следующую телеграмму Вирену: «В Петрограде благодаря усилиям Государственной думы по охране порядка войска постепенно возвращаются в казармы, и порядок водворяется. Исполнительный комитет Думы требует повиновения войск своим офицерам. Минмор находит возможным, ввиду обстановки, объявить это командам, а также указать им на необходимость сохранения судов, лабораторий и казенных зданий для обороны. *Капнист*».

Опубл.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. док. М.; Л., 1957. № 7.

Документ 24

Приказ командующего флотом Балтийского моря А. И. Непенина начальникам отдельных частей об объявлении командам о революционных событиях 27—28 февраля в Петрограде¹

28 февраля 1917 г.

Предписываю объявить командам: [В] последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло бы быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявлено об этом по командам, чтобы они об этом узнали от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путем воспользоваться положением.

Вице-адмирал Непенин

Опубл.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. док. М.; Л., 1957. № 5.

Документ 25

Телеграмма комиссара Исполкома Государственной думы А. А. Бубликова управляющему и начальнику движения Вин- давской железной дороги

Принята 1 марта 1917 г. в 11 час.

По распоряжению Исполнительного комитета Государственной думы благоволите немедленно отправить со ст. Дно в направлении на Бологое два товарных поезда, следом друг за другом, и занять ими какой-либо разъезд возможно восточнее ст. Дно и сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену перед Отечеством.

*Комиссар Исполнительного комитета Госдумы,
член Госдумы Бубликов*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

¹ Приказ был передан по радио на все корабли флота.

Документ 26

Телеграмма великого князя Николая Николаевича генералу Алексееву № 320

Подана 1 марта 1917 г. 12 час. 32 мин.

1833. На Кавказе гарнизоны и в армии пока, слава Богу, спокойны. Лишь 22 и 23 февраля были на почве недовольства пищей брожения в 27 и 28 Кавказских стрелковых полках. Ныне спокойно. Прошу держать меня в курсе всего происходящего в столице и в войсках. 320.

Генерал-адъютант Николай

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 27

Телеграмма командующего армиями Северного фронта генерала Н. В. Рузского командующим 1, 5 и 12-й армиями и командиру 42-го отдельного корпуса № 1194/Б

Подана 1 марта 1917 г. 15 час. 30 мин.

Волнения в Петрограде приняли настолько серьезный характер, что для установления порядка в столице образовался Временный комитет Государственной думы под председательством председателя Государственной думы Родзянко. Петроградские события, очевидно, не скроются от наших противников, которые, вполне возможно допустить, попытаются использовать наши внутренние затруднения, чтобы нанести нам где-либо внезапный удар. В это тяжелое время необходимо, чтобы каждый воин исполнил свой долг защиты родной земли от возможного натиска неприятеля. Призываю всех удвоить бдительность и мужество, дабы армия оставалась вполне боеспособной и готовой отразить всякую активную попытку противника. Усилия начальников всех степеней должны быть, сверх того, направлены к обеспечению армии должного подвоза всего необходимого и полного порядка и спокойствия в тылу армий и фронта. Командующим армиями надлежит иметь в виду, что в настоящее время нельзя ждать детальных указаний, а необходимо, по силе ст. 418 полевого управления, руководствоваться местной обстановкой и настоящей директивой, требующей поддержания боеспособности войск, обеспечения железнодорожного движения и общего спокойствия в тылу. Необ-

ходимо принять все меры к сохранению всеми наибольшего спокойствия и продуманности принимаемых мер.
1194/Б. 1 марта. 15 час. 30 мин.

Русский

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 28

**Телеграмма генерал-квартирмейстера штаба
Верховного главнокомандующего А. С. Лукомского
начальнику штаба армий Северного фронта
генералу Ю. Н. Данилову**

1 марта 1917 г. около 18.00

Передаются прилагаемые телеграммы для доклада Его Величеству. Необходимо принять все меры для доставления их по назначению. *Генерал Лукомский*

I

Государю императору.

Всеподданнейше доношу полученную мною телеграмму от командующего флотом Балтийского моря: «С 4 часов утра 1 марта прервано сообщение с Кронштадтом каким-либо путем. Главный командир порта убит, офицеры арестованы. В Кронштадте — анархия, и станция службы связи занята мятежниками». *Адмирал Русин*

II

Государю императору.

Доношу Вашему Императорскому Величеству телеграмму, полученную от командующего флотом Балтийского моря: «Сообщаю для доклада государю императору, что мною получены следующие телеграммы председателя Государственной думы Родзянко¹. Эту переписку сообщил для сведения соседям по фронту, генералам Гулевичу и Русскому, это же мною объявлено начальникам отдельных частей и приказано прочесть командам. Считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновении и боевой готовности вверенные мне части. Считаю себя обязанным доложить Его Величеству мое искреннее убеждение в необходимости пойти навстречу Государственной думе, без чего немислимо сохранить в даль-

¹ Текст телеграммы отсутствует.

нейшем не только боевую готовность, но и повиновение частей. О размере беспорядков в Кронштадте не имею донесений с четырех часов утра. В Ревеле забастовали без предъявления каких-либо требований судостроительные мастерские Северо-Западного общества. В Гельсингфорсе была прекращена выпечка хлеба торговцами — заставил печь. В остальном пока нормальное течение жизни и полный порядок. Все на своих местах. 236/оп. 10 час. 1 марта сего года. Непенин». *Адмирал Русин*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 29

Письмо начальника английской военной миссии генерала Хенбри Вильямса Николаю II о необходимости введения конституционной монархии

1 марта 1917 г.

Ваше Императорское Величество, не сомневайтесь, что я не посмел бы обратиться к Вашему Величеству ни в это, ни в какое-либо другое время с письмом, если бы преданность моя к императору и императрице России не заставляла меня поступить так.

Я не дипломат и не политик, а старый солдат, который пережил много в Великобритании и на войне.

Россия — я хорошо это знаю — страна, не допускающая тех же способов действий, какие были бы уместны в других странах, но во всех государствах бывают времена, когда необходимо иметь «бархатную перчатку на железной руке».

Я слышу много, говорю мало и многое обдумываю. По моему скромному мнению, я убежден, что ближе всего сердцу Вашего Величества лежит победоносное окончание этой войны. Я вижу опасность в том, что армия, которая предана желанию разбить врага, может сказать: «Мы не можем продолжать сражаться против немцев, если нам нужно сражаться против собственного народа и если для этого нас уведут с фронта».

Упуская из вида, что Ваше Величество и окружающие вас лица также горячо желают продолжения войны, как каждый солдат, находящийся в рядах армии.

Не знают и того, что старые и верные слуги, окружающие вас, как граф Фредерикс, — суть русские до глубины сердца.

Ваше Величество — самодержавный монарх, но и самодержец может управлять в настоящее время только с помощью хороших советников, народ же желает знать, что советники эти избраны из числа лиц, коим он верит.

Во время всех волнений, которые я видел в разных государствах, всегда лучшим средством было иметь отдушину. Это подобно нарыву на теле, который надо взрезать, чтобы дать выход яду.

Свобода слова в парламенте или Думе, казалось бы, могла бы служить той отдушиной, через которую народ будет знать, что он может высказать государю свои чувства при посредстве своих избранников. Не подлежит сомнению, что в основе настоящих волнений имеются немецкие козни, но козни эти могут быть уничтожены, если сказать народу, что Ваше Величество доверяете ему указать на необходимые меры, которые должны быть приняты в настоящее время, и что вы соглашаетесь принять правительство, которое им избрано.

Мне кажется, что настало время призвать народ ваш помочь вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах.

Я вполне сознаю, что Ваше Величество можете сказать, что не мне вмешиваться в эти дела и что мне следует вернуться к себе на родину, но я имею полное убеждение и веру в то, что Ваше Величество преданы делу союзников, и только это мое сознание, при беспредельной и искренней преданности Вашему Величеству и государыне императрице, дает мне смелость говорить, несмотря на то что такой поступок сам по себе неправилен и что я рискую быть отправленным на мою родину.

Но, что бы ни случилось, никто не может сказать, что в России имеется как среди русских, так и среди союзников человек, более искренне преданный счастью вашей страны. Я служил здесь с самого начала войны и с той же преданностью Вашему Величеству, с какой я служу моему собственному королю; эта же преданность обоим монархам дает мне смелость писать настоящие строки. Верю, Ваше Величество, что мне будет прощено, что я говорю то, что так близко моему сердцу.

Вашего Величества всепокорнейший и всепреданный слуга
Хенбри Вильямс
Перевел верно. Генерального штаба
полковник Базаров

Документ 30

**Телеграмма главнокомандующему Северного фронта
генералу Рузскому от председателя Государственной думы
Родзянко**

Временный комитет членов Государственной думы сообщает вашему высокопревосходительству, что, ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы. *Председатель Государственной думы Родзянко. 1 марта 1917 г.*

Документ 31

**Телеграмма дворцового коменданта Воейкова
генералу Рузскому**

Из Старой Руссы. Псков. Генерал-адъютанту Рузскому: «Его Величество следует через Дно — Псков. Прошу распоряжения о беспрепятственном проезде. 95. *Дворцовый комендант Воейков. 13 час. 5 мин. 1 марта*».

Документ 32

**Телеграмма на имя генерала Алексева
от начальника штаба Северного фронта генерала Данилова**

Ввиду ожидающегося через два часа проследования через Псков поезда Литера А, главнокомандующий Северного фронта просит ориентировать его срочно, для возможности соответствующего доклада, откуда у начальника штаба Верховного главнокомандующего сведения, заключающиеся в телеграмме 1833. 1 марта. 14 час. 45 мин. 1193. *Данилов*

Документ 33

**Телеграмма генерал-квартирмейстера Верховного
главнокомандующего на имя начальника штаба
Северного фронта генерала Данилова**

По приказанию начальника штаба Верховного главнокомандующего передаю для доклада главнокомандующему

Северного фронта с просьбою генерал-адъютанта Алексева доложить государю.

Первое — в Кронштадте беспорядки. Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал Курош доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, так как не может ручаться ни за одну часть.

Второе — генерал Мрозовский сообщает, что Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников.

Третье — адмирал Непенин доносит, что он не признал возможным протестовать против призыва Временного комитета, и таким образом Балтийский флот признал Временный комитет Государственной думы. Сведения, заключающиеся в телеграмме 1833, получены из Петрограда из различных источников и считаются достоверными.

Если будет хоть малейшее сомнение, что литерные поезда могут не дойти до Пскова, надлежит принять все меры для доставления доклада по принадлежности, послав хотя бы экстренным поездом с надлежащим офицером и командой нижних чинов для исправления пути, если бы это имело место.

Генерал Алексеев нездоров и прилег отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 г. 17 час. 15 мин. *Лукомский*

Документ 34

Разговор по прямому проводу помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Клембовского с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта генералом Болдыревым

«Здесь у аппарата генерал Болдырев».

«У аппарата генерал Клембовский».

Начальник штаба Верховного главнокомандующего и великий князь Сергей Михайлович просят главнокомандующего всеподданнейше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексева Его Величеству, так как им это представляется единственным выходом из создавшегося положения.

Так как главнокомандующий, по-видимому, держится тех же взглядов, как и начальник штаба Верховного главнокомандующего, то исполнение просьбы их не представит затруднения для него и, быть может, закончится успешно.

Великий князь Сергей Михайлович, с одной стороны, полагает, что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием.

Передайте, пожалуйста, все это на вокзал главнокомандующему, по возможности, безотлагательно до прихода поезда. *Клембовский*.

«Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство. Приказание ваше будет точно исполнено и беззамедлительно; поезд Его Величества еще не прибыл. Не будет ли еще каких-либо указаний с вашей стороны. *Болдырев*».

«Могу лишь прибавить одно — время не терпит, есть много вопросов, которые надлежит разрешить, между тем обращаться не к кому. *Клембовский*». 1 марта 1917 г. 17 час. 45 мин.

Документ 35

Телеграмма генерала Алексеева, посланная в Псков на имя Николая II 1 марта

Его Императорскому Величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможности продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем признания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной думы.

Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста:

Объявляем всем верным нашим подданным: грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей Родиной. Близок решительный час. Судьбы России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нам Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимость

призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России.

Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной армии завершить ее великий подвиг.

Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед нею, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее, Да поможет нам Господь Бог». 1865. *Генерал-адъютант Алексеев*. 1 марта 1917 г.¹

Документ 36

Телеграмма начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву от начальника штаба Северного фронта генерала Данилова

Для сведения докладываю: оба литерных поезда в Пскове. Дальнейший их маршрут не выяснен. 1 марта 22 час. 30 мин. 1213. *Данилов*

Документ 37

Телеграмма Николая II на имя генерал-адъютанта Иванова в Царское Село

Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать. *Николай*. 2 марта 0 час. 20 мин.

Документ 38

Телеграмма генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта генерала Болдырева на имя генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего генерала Лукомского

Начальник штаба поручил мне сообщить для доклада помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего:

¹ Эта телеграмма была доложена Николаю II генералом Рузским 1(14) марта в 23 часа.— *Ред.*

Первое, что в два с половиной часа второго марта главнокомандующий Северного фронта будет говорить по аппарату с председателем Государственной думы Родзянко по особому уполномочию Его Величества. Есть надежда на благоприятное разрешение.

Второе — у нас имеются сведения, что гарнизон Луги перешел на сторону комитета. Эшелоны войск, предназначенные распоряжению генерал-адъютанта Иванова, задержались царским поездом между Двинском и Псковом. Ввиду событий Луге возникает вопрос об их обратном возвращении, о чем главнокомандующий Северного фронта будет иметь всеподданнейший доклад у государя. Генерал Данилов уехал на вокзал доложить главнокомандующему о времени разговора его по аппарату с председателем Госдумы. Псков. 2 марта 0 час. 50 мин. 1215. *Болдырев*

Документ 39

Телеграмма начальника штаба Северного фронта генерала Данилова командующему пятой армией, помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего и начальнику военных сообщений Северного фронта

Ввиду невозможности продвигать эшелоны далее Луги и нежелательности скопления их на линии, особенно Пскове, и разрешения государя императора вступить главнокомандующему Северным фронтом сношение с председателем Государственной думы, последовало высочайшее соизволение вернуть войска, направленные станцию Александровскую, обратно Двинский район, где расположить их распоряжением командующего пятой армией. 1 час. 2 марта. 1216. *Данилов*

Документ 40

Разговор по прямому проводу генерала Рузского с председателем Государственной думы Родзянко. Начало разговора 3 час. 30 мин. 2 марта 1917 г.

«Доложите генералу Рузскому, что подходит к аппарату председатель Госдумы Родзянко».

«У аппарата генерал-адъютант Рузский».

«Здравствуйте, Михаил Владимирович, сегодня около 7 час. вечера прибыл в Псков государь император.

Его Величество при встрече мне высказал, что ожидает

вашего приезда. К сожалению, затем выяснилось, что ваш приезд не состоится, чем я был глубоко огорчен. Прошу разрешения говорить с вами с полной откровенностью — это требует серьезность переживаемого времени. Прежде всего я просил бы вас меня осведомить, сообщив истинную причину отмены вашего прибытия в Псков. Знание этой причины необходимо для дальнейшей беседы. *Русский*».

«Здравствуйте, Николай Владимирович, очень сожалею, что не могу приехать; с откровенностью скажу — причины моего неприезда две: во-первых, эшелоны, высланные вами в Петроград, взбунтовались; вылезли в Луге из вагонов; объявили себя присоединяющимися к Государственной думе; решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда; мною немедленно приняты были меры, чтобы путь для проезда Его Величества был свободен; не знаю, удастся ли это.

Вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания. *Родзянко*».

«Из бесед, которые Его Величество вел со мной сегодня, выяснилось, что государь император сначала предполагал предложить вам составить министерство, ответственное перед Его Величеством, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, отпуская меня, Его Величество выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до вашего сведения об этом, — дать ответственное перед законодательными палатами министерство, с поручением вам образовать кабинет. Если желание Его Величества найдет в вас отклик, то спроектирован манифест, который я сейчас же передам вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня 2 марта с пометкой «Псков». Не откажите в ваших соображениях по всему изложенному. *Русский*».

«Я прошу вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит; настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко; в течение двух с половиной лет я неуклонно, при каждом моем всеподданнейшем докладе, предупреждал государя императора о надвигающейся грозе, если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен вам сообщить, что в самом начале движения, власти, в лице министров, стусеивались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера; немедленно же началось братание

войск с народными толпами; войска не стреляли, а ходили по улицам, и толпа им кричала — «ура». Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Госдуме вообще, а мне в частности оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе для того, чтобы избежать такой анархии, при таком расщеплении, которое грозило бы гибелью государству.

К сожалению, мне это далеко не удалось; народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях; считаю нужным вас осведомить, что то, что предполагается вами, недостаточно и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы с этим можно было справиться. *Родзянко*.

«Ваши сообщения, Михаил Владимирович, действительно рисуют обстановку в другом виде, чем она рисовалась здесь, на фронте. Если страсти не будут умиротворены, то ведь нашей Родине грозит анархия надолго и это, прежде всего, отразится на исходе войны; между тем, затратив столько жизней на борьбу с неприятелем, нельзя теперь останавливаться на полдороге и необходимо довести ее до конца, соответствующего нашей великой Родине; надо найти средство для умиротворения страны.

Прежде передачи вам текста манифеста не можете ли вы мне сказать, в каком виде намечается решение династического вопроса. *Рузский*».

«С болью в сердце буду теперь отвечать, Николай Владимирович. Еще раз повторяю — ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, решил твердо — войну довести до победного конца и в руки немцев не даваться.

К Государственной думе примкнул весь Петроградский и Царскосельский гарнизоны; то же повторяется во всех городах; нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием.

Повторяю, со страшной болью передаю вам об этом,

но что же делать, в то время, когда народ в лице своей доблестной армии проливал свою кровь и нес неисчислимы жертвы, правительство положительно издевалось над нами; вспомните освобождение Сухомлинова, Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова, Штюрмера, Протопопова; все стеснения горячего порыва народа помогать по мере сил войне; назначение князя Голицына; расстройство транспорта, денежного обращения, непринятие никаких мер к смягчению условий жизни; постоянное изменение состава законодательной палаты в нежелательном смысле; постоянные аресты, погоня и розыск несуществовавшей тогда революции — вот те причины, которые привели к этому печальному концу.

Тяжкий ответ перед Богом взяла на себя государыня императрица, отвращая Его Величество от народа.

Его присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению, так как сдержать войска, не слушающего своих офицеров и начальников, нет решительно никакой возможности; кровью обливается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы. *Родзянко*».

«Все, что вы, Михаил Владимирович, сказали, тем печальней, что предполагавшийся приезд ваш как бы предвещал возможность соглашения и быстрого умиротворения Родины; ваши указания на ошибки, конечно, верны, но ведь это ошибки прошлого, которые в будущем повторяться не могут, при предполагаемом способе разрешения переживаемого кризиса; подумайте, Михаил Владимирович, о будущем; необходимо найти такой выход, который дал бы немедленное умиротворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авторитетного слова сделать им надлежащее разъяснение. Переживаемый кризис надо ликвидировать возможно скорей, чтобы вернуть армии возможность смотреть только вперед в сторону неприятеля. Войска в направлении Петрограда с фронта были отправлены по общей директиве из Ставки, но теперь этот вопрос ликвидируется; генерал-адъютанту Иванову несколько часов тому назад государь император дал указание не предпринимать ничего до личного свидания; эти телеграммы посланы через Петроград и остается только пожелать, чтобы они скорей дошли до генерала Иванова.

Равным образом государь император изволил выразить

согласие, и уже послана телеграмма два часа тому назад вернуть на фронт все, что было в пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах Родины и той отечественной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар. *Русский*». (Затем передается проект манифеста, предложенного генерал-адъютантом Алексеевым.)

«Если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки, сообщите мне, равно как и об общей схеме такового. В заключение скажу, Михаил Владимирович, я сегодня сделал все, что подсказало мне сердце и что мог для того, чтобы найти выход для обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также, чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть в кратчайший срок; приближается весна, и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласование их с действиями наших союзников; мы обязаны думать также о них; каждый день, скажу более, каждый час в деле водворения спокойствия крайне дорог. *Русский*».

«Вы, Николай Владимирович, истерзали вконец мое и так растерзанное сердце; по тому позднему часу, в который мы ведем разговор, вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но, повторяю вам, я сам вишу на волосе и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство.

К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я просил государя императора; время упущено и возврата нет; повторяю вам еще раз: народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования; наша славная армия не будет ни в чем нуждаться; в этом полное единение всех партий, и железнодорожное сообщение не будет затруднено; надеемся также, что после воззвания Временного правительства крестьяне и все жители повезут хлеб, снаряды(!) и другие предметы снаряжения; запасы весьма многочисленны, так как об этом всегда заботились общественные организации и особое совещание.

Молю Бога, чтобы он дал силы удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройтва умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу вам сказать; помогай вам Бог, нашему славному вождю, в битве уничтожить проклятого немца, о чем в обращении, посланном к армии от комитета

Государственной думы, говорится определенно ввиду пожелания успехов и побед. Желаю вам спокойной ночи, если только вообще в эти времена кто-либо может спать спокойно, глубоко уважающий вас и душевно преданный *Родзянко*».

«Михаил Владимирович, еще несколько слов: дай, конечно, Бог, чтобы ваши предположения в отношении армии оправдались, но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно, что если анархия, о которой вы говорите, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти. Подумайте, что будет тогда с Родиной нашей. В сущности, конечная цель одна — ответственное перед народом министерство и есть для сего нормальный путь для достижения цели — в перемене порядка управления государством. Дай Бог вам здоровья и сил для вашей ответственной работы. Глубоко уважающий вас *Рузский*».

«Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней; одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу. Желаю всего лучшего. *Родзянко*».

«Дай Бог, чтобы все было так, как вы говорите. Последнее слово: скажите ваше мнение, нужно ли выпускать манифест. *Рузский*».

«Я, право, не знаю, как вам отвечать, все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. *Родзянко*».

«Я получил указание передать в Ставку об его напечатании, а посему это и сделаю, а затем пусть что будет. Разговор наш доложу государю. *Рузский*».

«Ничего против этого не имею и даже прошу об этом. *Родзянко*».

Примечание генерала Рузского: Разговор окончен в 7^{1/2} часов (утра), 2 марта, и передан в Ставку начальнику штаба Верховного главнокомандующего, одновременно с ведением разговора.

Документ 41

Телеграмма Николая II генералу Алексееву

Начальнику штаба. Ставка

1865. Можно объявить представленный манифест¹, пометив его Псковом. 1223. *Николай*. 2 марта, 5 час. 15 мин.

¹ Об образовании ответственного министерства.— *Ред.*

Документ 42

Разговор по прямому проводу генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего генерала Лукомского с начальником штаба Северного фронта генералом Даниловым. Начало разговора 9 часов, 2 марта 1917 года

«У аппарата генерал Данилов».

«Здравствуй, Юрий Никифорович, у аппарата Лукомский».

Генерал Алексеев просит сейчас же доложить главнокомандующему, что необходимо разбудить государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко.

Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос не одного государя, а всего царствующего дома и России. Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикетки должны быть отброшены.

Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить официально и со стороны высших военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тем, что начнется анархия в армии.

Это официально, а теперь прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. *Лукомский*».

«Генерал Рузский через час будет с докладом у государя, и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующего, который только что, сию минуту, заснул и через полчаса встанет, выигрыша во времени не будет никакого. Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжела, но и грозна, однако и ты, и генерал Алексеев отлично знаете характер государя и трудность получить от него определенное решение, вчера весь вечер, до глубокой ночи прошел в убеждении поступить в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к 2 часам ночи, но, к глубокому сожалению,

оно, как это, в сущности, и предвидел главнокомандующий, явилось запоздалым; очень осложнила дело посылка войск генерал-адъютанта Иванова; я убежден, сожалею, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва что возможно будет получить определенное решение; время безнадежно будет тянуться, вот та тяжелая картина и та драма, которая происходит здесь.

Между тем Исполнительный комитет Государственной думы шлет ряд извещений и заявляет, что остановить поток нет никакой возможности. Два часа тому назад главнокомандующий вынужден был отдать распоряжение о том, чтобы не препятствовали распространению заявлений, которые клонятся к сохранению спокойствия среди населения и к приливу продовольственных средств, другого исхода не было.

Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе государства с ответственным перед народом министерством, но, видимо, время упущено и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение.

Вот пока все, что я могу сказать.

Повторяю — от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений. *Данилов*.

«Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи. *Лукомский*».

Документ 43

Телеграмма генерала Алексеева на имя главнокомандующих фронтами:

Его Величество находится в Пскове, где изъявил согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной думы образовать кабинет.

По сообщении этого решения главнокомандующим Северного фронта председателю Госдумы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Госдумы хотя и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти

будет невозможно. Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через сверху. 2 марта 1917 г., 10 час. 15 мин. 1872. *Алексеев*

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта 1917 г., 10 час. 15 м. 1872. *Алексеев*

Документ 44

Разговор по прямому проводу помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Клембовского с генерал-квартирмейстером штаба Северного фронта генералом Болдыревым (утром, 2 марта 1917 года)

«Известно ли вам о прибытии сегодня конвоя Его Величества в полном составе в Государственную думу с разрешением своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании. Известно ли также о желании государыни императрицы переговорить с председателем Исполнительного комитета Государственной думы и, наконец, о желании великого князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную думу, чтобы вступить в переговоры с Исполнительным комитетом. *Клембовский*».

«Нет, эти известия нам неизвестны. *Болдырев*».

«В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному правительству.

Арестованы Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника и Климович. Исполнительный комитет Госдумы обратился к населению с воззванием возить хлеб, все продукты на станции железных дорог, для продовольствования армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители армии и флота постановили признать власть Исполнительного комитета Госдумы впредь до образования постоянного правительства. Все изложенное надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада. *Клембовский*».

Пометка генерала Рузского: Доложено государю в 2 часа дня 2 марта.

Документ 45

**Телеграмма генерала Алексева на имя Николая II,
переданная 2 марта 1917 г. в 14 час. 30 мин.**

Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы:

От великого князя Николая Николаевича:

Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленапреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему.

Осенив себя крестным знаменем, передайте ему — ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить вас. *Генерал-адъютант Николай*.

От генерал-адъютанта Брусилова:

Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и

любви к Родине и царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет,— отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет: необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. *Генерал-адъютант Брусилов.*

От генерал-адъютанта Эверта.

Ваше Императорское Величество, начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейших врагов Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких.

Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага.

При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, выраженном им генерал-адъютанту Рузскому как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. *Генерал-адъютант Эверт.*

Всеподданнейше докладываю эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя.

Прикосновение же армии к делу внутренней политики

будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения.

Ожидаю повелений. 2 марта 1917 г. 1818.

Генерал-адъютант Алексеев.

Получено во Пскове в 14 час. 30 мин.

Документ 46

Телеграмма главнокомандующего Румынским фронтом генерала Сахарова на имя главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, копия генералу Алексееву

Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной думы вам на высокомилостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и просил главнокомандующего доложить Его Величеству через вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите Родины от внешнего врага и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний. Яссы. 2 марта 33.317. *Генерал Сахаров*

Получена в Пскове в 14 час. 5 мин.

**Разговор по прямому проводу начальника штаба
Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева
с командующим армиями Юго-Западного фронта
генералом А. А. Брусиловым о необходимости отречения
Николая II от престола**

2 марта 1917 г.

- У аппарата генерал-адъютант Алексеев.
- Имею честь кланяться. Что прикажете? Брусилов.
- Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед народными представителями министерство, поручив председателю Государственной думы Родзянко образовать кабинет.

По сообщении этого решения председателю Государственной думы Главкосевом Родзянко в разговоре по аппарату ответил в два с половиной часа 2 марта, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, а в настоящее время этот акт является запоздалым, что отныне наступила одна из страшнейших революций, что сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Государственной думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержат народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при условии исполнения предъявленных вновь требований относительно отречения от престола в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Передавая вам это, сообщаю, что туманная обстановка, по-видимому, не допускает иного решения и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что продовольственное существование армии и работа всех железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала и продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии, поставив все это на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою соответствующую верно-подданническую просьбу Его Величества через Главкосева? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единст-

во мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а определенные скорые решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно может совершиться при решении сверху. По-видимому, из Пскова посланы были повеления генералу Иванову возвратиться как ему самому, так и вернуть все войска, направленные из армии в Царское Село. Сейчас мне сообщили, что генерал Иванов через полчаса вернется в Могилев, чему, однако, я не вполне доверяю. *Алексеев*. 2 марта. 11 час.

— Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через Главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою государю императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может. Кончил. *Брусилов*.

— Будем действовать согласно — только в этом возможность пережить с армией ту болезнь, которой страдает Россия, и не дать заразе прикоснуться к армии. До свидания. Всего хорошего. *Алексеев*.

— Очевидно, должна быть между нами полная солидарность. Я считаю вас по закону Верховным главнокомандующим, пока не будет другого распоряжения. Да поможет нам Господь. *Брусилов*.

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

Документ 48

Телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева Николаю II в Ставку о необходимости отречения от престола, № 1878

Передана 2 марта 1917 г. 14 час. 30 мин.

Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы. От великого князя Николая Николаевича: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Импера-

торское Величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить вас. *Генерал-адъютант Николай*». От генерал-адъютанта Брусилова: «Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и царскому престолу, что в данную минуту единственный выход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет,— отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. *Генерал-адъютант Брусиллов*». От генерал-адъютанта Эверта: «Ваше Императорское Величество, начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. *Генерал-адъютант Эверт*».

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит вам. Промед-

ление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение высшей дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее. Ваше Императорское Величество, горячо любите Родину и, ради ее целостности, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более тяжкого положения. Ожидаю повелений. 2 марта 1917 г. 1878. *Генерал-адъютант Алексеев*

Опубл.: Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд., доп. Л., 1927, № 22.

Документ 49

Телеграмма Николая II председателю Государственной думы Родзянко

Председателю Государственной думы. Петроград. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. *Николай*

Документ 50

Телеграмма Николая II начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексеву

Наштаверх. Ставка

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. *Николай*

Документ 60

Телеграмма помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Клембовского на имя начальника штаба Северного фронта генерала Данилова

Телеграмма 1223 об объявлении манифеста не приводится в исполнение в ожидании дальнейших указаний после доклада главнокомандующего Северного фронта.

Очень прошу ориентировать начальника штаба Верховного главнокомандующего, в каком положении находится вопрос. Из вашего штаба сообщили, что литерные поезда стоят в Пскове и нет никаких распоряжений относительно отправления. Между тем получены известия, что начальник штаба эксплуатационного отдела Северо-Западных железных дорог инженер Гавалов отдал распоряжение по линии об отправлении литерных поездов к Двинску. Прошу сообщить, что известно. 2 марта 1917 г. 1886. *Клембовский*

Документ 61

Телеграмма начальника штаба Северного фронта генерала Данилова на имя генерала Алексеева

Около 19 часов Его Величество примет члена Государственного совета Гучкова и члена Государственной думы Шульгина, выехавших экстренным из Петрограда.

Государь император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским в присутствии моем и генерала Саввича выразил, что нет той жертвы, которой Его Величество не принес бы для истинного блага Родины. Телеграммы ваши и главнокомандующих были все доложены. 2 марта 1917 г. 1230. *Данилов*

Документ 62

Телеграмма начальника штаба Северного фронта генерала Данилова на имя генерала Алексеева

1886. Литерные поезда стоят в Пскове. Действительно одно время возникло предположение у государя проехать через Двинск в Ставку, но вскоре мысль была оставлена ввиду вторичной беседы с Его Величеством генерала Рузского, о которой я уже донес начальнику штаба Верховного главнокомандующего, а также ввиду выяснившегося прибытия из Петрограда депутатов. Чтобы не загромождать Ставку противоречивыми сведениями, сообщаю только достоверно выяснившееся и в этом отношении прошу мне оказать доверие, что ничего важного не пропущу сообщить.

По поводу манифеста не последовало еще указания главнокомандующего, потому что вторичная беседа с государем обстановку видоизменила, а приезд депутатов составляет быть осторожным с выпуском манифеста. Необ-

ходимо лишь подготовиться к скорейшему выпуску его, если потребуются. Вернее думать, что государь император проследует из Пскова в Царское Село, но окончательное решение будет принято только после выяснения результатов приезда Гучкова и Шульгина. 2 марта 18 часов. 1237.
Данилов

Документ 63

Телеграмма генерала Алексева на имя Николая II

Получена следующая телеграмма: «Временный комитет Государственной думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть ввиду того, что, под давлением войска и народа, старая власть никаких мер для успокоения населения не предпринимала и совершенно устранена. Настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова.

Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть.

Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии, командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения Родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград. Председатель Временного комитета Госдумы *М. Родзянко*. 2 марта. 1582».

Всепопданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения Вашего Императорского Величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столиц и водворение порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу раз-

решения отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилев, 2 марта 1917 г. 1890. *Генерал-адъютант Алексеев*

Николай II на этой телеграмме положил резолюцию: «Исполнить».

Документ 64

Телеграмма начальника штаба Северного фронта генерала Данилова на имя помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Клембовского

Поезд с депутатами Гучковым, Шульгиным запаздывает и ожидается не ранее 22 часов. Таким образом, окончательное решение вновь будет откладываться на несколько часов. Как только все выяснится, немедленно будет сообщено для доклада начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Телеграмма генерал-адъютанта Алексеева о генерале Корнилове в 20 часов 20 мин. отправлена для вручения государю императору. Проект манифеста¹ отправлен в вагон главнокомандующего.

Есть опасение, не оказался бы он запоздалым, так как имеются частные сведения, что такой манифест будто бы опубликован в Петрограде распоряжением Временного правительства. Повторяю, последние сведения частного характера. Псков. 2 марта, 20 час. 35 мин. 1231. *Данилов*

Документ 65

Телеграмма вице-адмирала Непенина на имя генералов Алексеева и Рузского для доклада Николаю II

С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать.

Всепопданнейше присоединяюсь к ходатайствам великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного председателем Госдумы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины. 20 ч. 40 м. 2 марта 1917 г. 2650. *Вице-адмирал Непенин*

¹ Об отречении от престола, составленный в Ставке по приказанию Николая II.— *Ред.*

Документ 66

Проект манифеста Николая II об отречении в пользу сына от престола

2 марта 1917 г.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думою, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя Верховную власть. В соответствии с установленным основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему, государю наследнику цесаревичу и великому князю Алексею Николаевичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи, править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением юному царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 3 (22).

Документ 67

Телеграмма генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего А. С. Лукомского и. о. начальника штаба Кавказской армии генерал-майору Л. М. Болховитинову в Тифлис о начале переговоров А. И. Гучкова и В. В. Шульгина с Николаем II

Передана 2 марта 1917 г. 23 час. 32 мин.

По полученным сведениям, в настоящее время идет совещание с Гучковым и Шульгиным. Обещаю дать знать немедленно, как только выяснится результат, и тогда, конечно, будет немедленно сообщено для доклада великому князю. 2 марта 1917 г. 1903. *Лукомский*

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 3 (22).

Документ 68

**Стенограмма отречения Николая II
(по записи Нарышкина)**

2 марта 1917 г.¹

2 марта около 10 часов вечера приехали из Петрограда в Псков член Государственного совета Гучков и член Государственной думы Шульгин. Они были тотчас приглашены в вагон-салон императорского поезда, где к тому времени собрались главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант Рузский, министр императорского двора граф Фредерикс и начальник военно-походной канцелярии е. и. в. свиты генерал-майор Нарышкин. Его Величество, войдя в вагон-салон, милостиво поздоровался с прибывшими и, попросив всех сесть, приготовился выслушать приехавших депутатов.

Член Г. с. Гучков: Мы приехали с членом Государственной думы Шульгиным, чтобы доложить о том, что произошло за эти дни в Петрограде, и вместе с тем посоветоваться о тех мерах, которые могли бы спасти положение. Положение в высшей степени угрожающее: сначала рабочие, потом войска примкнули к движению, беспорядки перекинулись на пригороды, Москва неспокойна. Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранее обдуманного переворота, а это движение вырвалось из самой почвы и

¹ Дата события.

сразу получило анархический отпечаток, власти ступшевались. Я отправился к замещавшему генерала Хабалова генералу Занкевичу и спрашивал его, есть ли у него какая-нибудь надежная часть или хотя бы отдельные нижние чины, на которых можно было бы рассчитывать. Он мне ответил, что таких нет и все прибывшие части тотчас переходят на сторону восставших. Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, мы образовали так называемый Временный комитет Государственной думы и начали принимать меры, пытаясь вернуть офицеров к командованию нижними чинами; я сам лично объезжал многие части и убеждал нижних чинов сохранять спокойствие. Кроме нас заседает в Думе еще комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что если Петроград попадет в руки анархистов и нас, умеренных, сметут, так как это движение начинает нас уже захлестывать. Их лозунг: провозглашение социальной республики. Это движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт, где лозунг: смести начальство и выбрать себе угодных. Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас же не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители сводного пехотного полка, железнодорожного полка, конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению. Им сказано, что они должны продолжать охрану тех лиц, которая им была поручена, но опасность все-таки существует, так как толпа теперь вооружена.

В народе глубокое сознание, что положение создалось ошибками власти, и именно Верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя Верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию. Если вы, Ваше Величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу и если от вашего имени или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия: я говорю «может быть» потому, что события идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и других умеренных членов Думы крайние элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинации, так как видят в этом возможность спасти наш искон-

ный принцип. Вот, Ваше Величество, только при этих условиях можно сделать попытку водворить порядок. Вот что нам, мне и Шульгину, было поручено вам передать. Прежде чем на это решиться, вам, конечно, следует хорошенько подумать, помолиться, но решиться все-таки не позже завтрашнего дня, потому что уже завтра мы не будем в состоянии дать совет, если вы его у нас спросите, так как можно опасаться агрессивных действий толпы.

Его Величество: Ранее вашего приезда и после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы я думал в течение утра и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положение, я пришел к заключению, что, ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним я не могу.

Член Г. с. Гучков: Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти.

Генерал-адъютант Рузский: Его Величество беспокоится, что если престол будет передан наследнику, то Его Величество будет с ним разлучен.

Член Г. д. Шульгин: Я не могу дать на это категорического ответа, так как мы ехали сюда, чтобы предложить то, что мы передали.

Его Величество: Давая свое согласие на отречение, я должен быть уверенным, что вы подумали и о том впечатлении, какое оно произведет на всю остальную Россию. Не отзовется ли это некоторою опасностью.

Член Г. с. Гучков: Нет, Ваше Величество, опасность не здесь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобие.

Член Г. д. Шульгин: Позвольте мне дать некоторое пояснение, в каком положении приходится работать Государственной думе. 26-го вошла толпа в Думу и вместе с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону, левая сторона занята публикой, а мы сохранили всего две комнаты, где ютится так называемый Комитет. Сюда тащат всех арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; некоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управления страной, и только благодаря этому еще некоторый порядок мог сохраниться, не прерывалось движение железных дорог. Вот при каких условиях мы работаем, в Думе ад, это сумасшедший дом. Нам при-

дется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва. Относительно вашего проекта разрешите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имеет то преимущество, что не будет мысли о разлучении и, с другой стороны, если ваш брат, великий князь Михаил Александрович как полноправный монарх присягнет Конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению.

Член Г. с. Гучков: У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыстом, который сразу переменял бы все. Я нахожу, что тот акт, на который вы решились, должен сопровождаться и назначением председателя Совета министров князя Львова.

Его Величество: Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови.

Член Г. д. Шульгин: Может быть, со стороны тех элементов, которые будут вести борьбу против нового строя, и будут попытки, но их не следует опасаться. Я знаю, например, хорошо город Киев, который был всегда монархическим, теперь там полная перемена.

Его Величество: А вы не думаете, что в казачьих областях могут возникнуть беспорядки?

Член Г. с. Гучков: Нет, Ваше Величество, казаки все на стороне нового строя. Ваше Величество, у вас заговорило человеческое чувство отца, и политике тут не место, так что мы ничего против вашего предложения возразить не можем.

Член Г. д. Шульгин: Важно только, чтобы в акте Вашего Величества было указано, что преемник ваш обязан дать присягу Конституции.

Его Величество: Хотите еще подумать?

Член Г. с. Гучков: Нет, я думаю, что мы можем сразу принять ваши предложения. А как бы вы могли совершить самый акт? Вот проект, который мог бы вам пригодиться, если бы вы пожелали что-нибудь из него взять.

Его Величество, ответив, что проект уже составлен, удалился к себе, где собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отречении в том смысле, что престол передается великому князю Михаилу Александровичу, а не великому князю Алексею Николаевичу. Приказав его переписать, Его Величество подписал манифест и,

войдя в вагон-салон, в 11 час. 40 мин. передал его Гучкову. Депутаты попросили вставить фразу о присяге Конституции нового императора, что тут же было сделано Его Величеством. Одновременно были собственноручно написаны Его Величеством указы правительствующему сенату о назначении председателем Совета министров князя Львова и Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Чтобы не казалось, что акт совершен под давлением приехавших депутатов, и так как самое решение об отречении от престола было принято Его Величеством еще днем, то, по совету депутатов, на манифесте было поставлено при подписи 3 часа дня, а на указах правительствующему сенату — 2 часа дня. При этом присутствовал, кроме поименованных лиц, начальник штаба армий Северного фронта генерал Данилов, который был вызван генерал-адъютантом Рузским.

В заключение член Думы Шульгин спросил у Его Величества о его дальнейших планах. Его Величество ответил, что собирается поехать на несколько дней в Ставку, может быть, в Киев, чтобы проститься с государыней императрицей Марией Федоровной, а затем останется в Царском Селе до выздоровления детей. Депутаты заявили, что они приложат все силы, чтобы облегчить Его Величеству выполнение его дальнейших намерений. Депутаты попросили подписать еще дубликат манифеста на случай возможного с ними несчастья, который остался бы в руках генерала Рузского. Его Величество простился с депутатами и отпустил их, после чего простился с главнокомандующими армиями Северного фронта и его начальником штаба, облобызав их и поблагодарив за сотрудничество. Приблизительно через час дубликат манифеста был поднесен Его Величеству на подпись, после чего все четыре подписи Его Величества были контрассигнированы министром императорского двора графом Фредериксом.

Опубл.: Сторожев В. Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия. Сб. 1. Экономика, история, право. М., 1922.

Документ 69

Запись из дневника Николая II

2 марта 1917 г.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из

Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2¹/₂ час. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость, и обман!

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 1 (20).

Документ 70

Из писем Александры Федоровны к Николаю II

2 марта 1917 г.

Мой любимый, бесценный ангел, свет моей жизни!

Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас. Теперь я посылаю к тебе Соловьева и Грамотина, даю каждому по письму и надеюсь, что, по крайней мере, хоть одно дойдет до тебя. Я хотела послать аэроплан, но все люди исчезли. Молодые люди расскажут тебе *обо всем*, так что мне нечего говорить тебе о положении дел. Все отвратительно, и события развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю — *ничто* не поколеблет этой веры — все *будет* хорошо. Особенно с тех пор, как я получила твою телеграмму сегодня утром, — первый луч солнца в этом болоте. Не зная, где ты, я действовала наконец через Ставку, ибо Родзянко притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, Конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это — величайшая низость и подлость, неслыханная в истории, — задерживать своего государя. Теперь П.¹ не может попасть к тебе потому, что Луга захвачена революционерами. Они

¹ Протопопов? Павел?

остановили, захватили и разоружили Бут. полк и испортили линию. Может быть, ты покажешься войскам в Пскове и в других местах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом. Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается всех нас спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно Конституции после войны и т. д. Борис уехал в Ставку. Я видела его утром, а вечером того же дня он уехал, ссылаясь на спешный приказ из Ставки, — чистейшая паника. Георгий в Гатчине, не дает о себе вестей и не приезжает. Кирилл, Ксения, Миша¹ не могут выбраться из города. Твое маленькое семейство достойно своего отца. Я постепенно рассказала о положении старшим и Корове² — раньше они были слишком больны — страшно сильная корь, такой ужасный кашель. Притворяться перед ними было очень мучительно. Бэби³ я сказала лишь половину. [...]

Вчера ночью от 1 до 2^{1/2} виделась с Ивановым, который теперь здесь сидит в своем поезде. Я думала, что он мог бы проехать к тебе через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надеялся провести твой поезд за своим. Сожгли дом Фредерикса, семья его в конно-гвардейском госпитале. Взяли Грюнвальда и Штакельберга. Я должна дать им для передачи тебе бумагу, полученную нами от П. П. через челоуека, которого мы посылали в город. Он тоже не может выбраться — на учете. Два течения — Дума и революционеры — две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы — это спасло бы положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает. Какое яркое солнце сегодня, только бы ты был здесь! Одно плохо, что даже экипаж⁴ покинул нас сегодня вечером — они совершенно ничего не понимают, в них сидит какой-то микроб. Эта бумага для Воейкова — она оскорбит тебя так же, как оскорбила и меня. Родзянко тоже не упоминает о тебе. Но когда узнают, что тебя не выпустили, войска придут в неистовство и

¹ Георгий Михайлович — великий князь, генерал-лейтенант. Речь идет о членах императорской семьи — великом князе Кирилле Владимировиче, великой княгине Ксении Александровне и великом князе Михаиле Александровиче.

² Имеется в виду А. Вырубова.

³ Речь идет о наследнике Алексее Николаевиче.

⁴ Гвардейский экипаж.

восстанут против всех. Они думают, что Дума хочет быть с тобой и за тебя. Что ж, пускай они водворят порядок и покажут, что они на что-нибудь годятся, но они зажгли слишком большой пожар, и как его теперь потушить? [...]

2 марта 1917 г.

Любимый, драгоценный, свет моей жизни!

Грамотин и Соловьев едут с двумя письмами. Надеюсь, что один из них, по крайней мере, доберется до тебя, чтобы передать тебе и получить от тебя вести. Больше всего сводит с ума то, что мы не вместе — зато душой и сердцем больше, чем когда-либо, — ничто не может разлучить нас, хотя они именно этого желают и потому-то не хотят допустить тебя увидеться со мной, пока ты не подписал их бумаги об ответственном министерстве или Конституции. Кошмарно то, что, не имея за собой армии, ты, может быть, вынужден сделать это. Но такое обещание не будет иметь никакой силы, когда власть будет снова в твоих руках. Они подло поймали тебя, как мышь в западню, — вещь, неслыханная в истории. Гнусность и унижительность этого убивают меня. Посланцы ясно обрисуют тебе все положение, оно слишком сложно, чтобы писать о нем. Я даю крохотные письма, которые можно легко сжечь или спрятать. Но всемогущий Бог надо всем, он любит своего помазанника Божия, и спасет тебя, и восстановит тебя в твоих правах! Вера моя в это безгранична, и это поддерживает меня. Твоя маленькая семья достойна тебя, держится молодцом и спокойно. Старшие и Корова знают теперь все. [...]

Опубл.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. 1916—1917. М.; Л., 1927.

Документ 71

Разговор по прямому проводу генерала Рузского с М. В. Родзянко и князем Львовым

В 5 часов 3 марта генерал Рузский был вызван к прямому проводу председателем Государственной думы Родзянко и князем Львовым.

«У аппарата генерал Рузский».

«Здравствуйте, Ваше Высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу не был

опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его, как императора, абсолютно неприемлемо. Прошу вас принять все зависящие от вас меры, чтобы достигнуть отсрочки. *Родзянко*».

«Родзянко отошел, у аппарата стоит князь Львов».

«Говорит генерал Рузский. Хорошо. Распоряжение будет сделано, но насколько удастся приостановить распоряжение, сказать не берусь, ввиду того, что прошло слишком много времени.

Очень сожалею, что депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени осведомлены с той ролью и вообще с тем, для чего они приезжали. Во всяком случае, будет сделано все, что в человеческих силах в данную минуту. Прошу вполне ясно осветить мне теперь же все дело, которое вчера произошло, и последствия, могущие от этого быть в Петрограде. *Рузский*».

«У аппарата Родзянко. Дело в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики и которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь заявить¹. Только слышно было в толпе — «земли и воли», «долой династию», «долой Романовых», «долой офицеров», и начались во многих частях избиения офицеров. К этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось прийти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключается в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно и ночь прошла сравнительно спокойно».

Войска мало-помалу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашение императором великого князя Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить.

¹ Угловатость фразы вызвана, по-видимому, ошибками телеграфиста.— *Ред.*

Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому.

При предложенной форме — возвращение династии не исключено, и желательно, чтобы примерно до окончания войны продолжал действовать Верховный совет и ныне действующее Временное правительство. Я вполне уверен, что при таких условиях возможно быстрое успокоение, и решительная победа будет обеспечена, так как, несомненно, произойдет подъем патриотического чувства, все работает в усиленном темпе и победа, повторяю, может быть обеспечена. *Родзянко*».

«Я распоряжения все сделал, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространение, так как имелось в виду этой мерой поскорей дать возможность армии перейти к спокойному состоянию в отношении тыла. Вчера императорский поезд, или, вернее, уже сегодня, так как события протекли ночью, ушел через Двинск в Ставку, и таким образом центр дальнейших переговоров по этому важному делу должен быть перенесен туда, так как, по закону, начальник штаба, в случае отсутствия Верховного главнокомандующего, замещает его должность и действует его именем. Кроме того, необходимо установить аппарат Юза в том месте, где заседает новое правительство в Петрограде, дабы обеспечить вам удобство сношений со Ставкой и мною. Прошу также два раза в день, в определенное время, сообщать мне о ходе дел лично или через доверенных лиц, имена которых желал бы знать. *Рузский*».

«Я в точности выполню ваше желание, и аппарат Юза будет поставлен, но прошу вас, в случае прорыва сведений о манифесте в публику и в армию, по крайней мере, не торопиться с приведением войск к присяге. К вечеру сегодня дам вам и всем главнокомандующим дополнительные сведения о ходе дела. Скажите мне, пожалуйста, когда выехал Гучков? *Родзянко*».

«Гучков выехал сегодня ночью из Пскова около трех часов. О воздержании приведения к присяге в Пскове я сделал еще вчера распоряжение, немедленно сообщу о том армии моего фронта и в Ставку. У аппарата был, кажется, князь Львов. Желает ли он со мной говорить. *Рузский*».

«Николай Владимирович, все сказано. Князь Львов ничего добавить не может. Оба мы твердо надеемся на Божью помощь, на величие и мощь России и на доблесть и стойкость армии и, невзирая ни на какие препятствия, на победный конец войны. До свидания. *Родзянко*».

«Михаил Владимирович, скажите для верности, так ли

я вас понял: значит, пока все остается по-старому, как бы манифеста не было, а равно и о поручении князю Львову сформировать министерство. Что касается великого князя Николая Николаевича (назначенного) главнокомандующим повелением Его Величества отданным вчера отдельным указом государем императором, то об этом желал бы знать также ваше мнение. Об этих указах сообщено было вчера очень широко по просьбе депутатов, даже в Москву и, конечно, на Кавказ. *Русский*».

«Сегодня нами сформировано правительство с князем Львовым во главе, о чем всем командующим фронтами посланы телеграммы. Все остается в таком виде: Верховный совет, ответственное министерство, действия законодательных палат до разрешения вопроса о Конституции Учредительным собранием.

Против распространения указов о назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим ничего не возражаем. До свидания. *Родзянко*».

«Скажите, кто во главе Верховного совета? *Русский*».

«Я ошибся, не Верховный совет, а Временный комитет Государственной думы под моим председательством. *Родзянко*».

«Хорошо. До свидания. Не забудьте сообщить в Ставку, ибо дальнейшие переговоры должны вестись в Ставке, а мне надо сообщить только о ходе и положении дел. *Русский*». 3 марта 1917 г., 6 часов.

Документ 72

**Разговор по прямому проводу начальника штаба
Верховного главнокомандующего генерала
М. В. Алексеева с председателем Временного
комитета Государственной думы М. В. Родзянко**

3 марта 1917 г. от 6.00 до 6.46.

— Председатель Государственной думы просит пригласить немедленно к аппарату генерала Алексеева.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Здравствуйтесь, Ваше Превосходительство. События здесь далеко не улеглись, положение все тревожно и неясно: настойчиво прошу вас не пускать в обращение никакого манифеста до получения от меня соображений, которые одни могут сразу прекратить революцию. *Родзянко*.

— Здравия желаю, Ваше Высокочтимейство.

Манифест, подписанный ночью на третье марта в Пскове, сообщен главнокомандующим и великому князю Николаю Николаевичу, командующим войскам в округах, ибо полная неизвестность вызывала с их стороны запрос, как действовать, чем руководствоваться, касаясь исключительно войск и войсковой жизни. Манифест этот был протелеграфирован мне из Пскова около двух часов ночи. После полуночи я телеграфировал председателю Совета министров, после сообщения которым второго манифеста по армиям относительно присяги. Если все это не соответствует вашим видам, прошу разъяснить мне это, главное же — внести ясность, столь необходимую для армии и ее ближайшего тыла. *Алексеев.*

— Нельзя ли задержать обнародование манифеста, потому что предложенная комбинация может вызвать гражданскую войну, потому что кандидатура Михаила Александровича как императора ни для кого неприемлема?

— Сообщал не для обнародования, сейчас дам дополнительную телеграмму, но опасаясь, что в армиях манифест станет более или менее известным. Вероятно, А. И. Гучков протелеграфировал вам суть из Пскова. Я предпочел бы быть ориентированным вами ранее, чтобы знать, чего держаться. Сейчас разошлю телеграммы. *Алексеев.*

— Предполагалось воцарение наследника цесаревича, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Соглашения на этом достигнуть не удалось, и установлено только перемирие: предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат. Поэтому прошу вас не обнародовать манифеста до моего известия, так как только что сказанная комбинация внесла уже значительное успокоение, и только при ней возможно надеяться на возвращение дисциплины воинских частей и успокоения общего в населении, и решение Учредительного собрания не исключает возвращения династии к власти, ибо для дальнейшего развития России необходимо признание всем народом такого выхода, потому что возмущение и негодование против существовавшего режима и ничем иным утолить [?] его нельзя. При высказанной комбинации можно гарантировать колоссальный подъем патриотического чувства к Родине, небывалый подъем энергии, абсолютное спокойствие в стране, и победа, самая блестящая, этим обеспечивается. Волновавшиеся войска, состоящие, очевидно, из крестьян, только на этом успокоились и решили вернуться к своим

начальникам и подчиниться требованиям дисциплины и решениям Временного правительства. Только сегодня Петроград, услыша такое решение, несколько начал успокаиваться. *Родзянко.*

— Приму все меры задержать у главнокомандующих и командующих войсками в округах сообщенный им манифест. Сообщенное мне вами далеко не радостно. Незвестность и Учредительное собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии, у которой в ближайшем тылу есть большие пункты, как Киев. Петроградский гарнизон, вкусивший от плода измены, повторит это с легкостью и еще, и еще раз, для Родины он теперь вреден, для армии бесполезен, для вас и всего дела опасен. Вот наше войсковое общее мнение относительно этих частей, окончательно, по-видимому, расстроенных нравственно. Желая скорее получить от вас что-либо окончательно определенное, столь необходимое для менее устойчивых частей флота и подчиненных последнему сухопутных частей. В таком положении находится Ревель, тоже недалеко от нашего войскового тыла. Все помыслы, все стремления начальствующих лиц действующей армии направлены теперь к тому, чтобы действующая армия помнила об одной войне и не прикоснулась к болезненному состоянию внутреннему, переживаемому ныне частью России. Дай Бог, чтобы эти усилия привели к желанной цели и действующая армия осталась исключительно верной вооруженной силой Родины для борьбы с внешним врагом. *Алексеев.*

— Вполне разделяю ваши огорчения и опасения, но страна не виновата, что два с половиной года ее терзают помимо войны всевозможными неустройствами и постоянными оскорблениями народного самолюбия. Учредительное собрание ведь может состояться не ранее полугода, а до тех пор я вполне уверен, что по изложенным соображениям можно удержать спокойствие в стране и довести войну до победного конца. Не буду больше вам мешать приводить в исполнение задержки обнародования манифеста. Желая вам спокойной ночи в исполнении мер, направленных к задержке обнародования манифеста. Спокойной ночи. *Родзянко.*

— Распоряжение делается. Что можно, задержу. Добавлю, что я — солдат, и все мои помыслы обращены на фронт, на запад, к стороне врага. До свидания. Помогите нам Бог. *Алексеев.*

Документ 73

Телеграмма генерала Алексева на имя всех главнокомандующих фронтами

Председатель Государственной думы, Родзянко, убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, в виду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать распоряжение ознакомить с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта 1917 г., 6 часов 45 мин. 1913. *Алексеев*

Документ 74

Телеграмма генерала Алексева на имя главнокомандующих Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского (генералу Сахарову) фронтов

Шесть часов. 3 марта

Председатель Государственной думы, вызвав меня по аппарату, сообщил, что события в Петрограде далеко не улеглись, положение тревожно, неясно, почему настойчиво просит не пускать в обращение манифеста, подписанного 2 марта, сообщенного уже главнокомандующим, и задержать обнародование этого манифеста.

Причина такого настояния более ясно и определенно изложена председателем Думы в разговоре по аппарату с главнокомандующим Северного фронта, копия этого разговора только что сообщена мне. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича, говорит Родзянко, быть может, помирились бы, но кандидатура великого князя, как императора, ни для кого не приемлема и возможна гражданская война.

На запрос, почему депутаты, присланные в Псков для решения именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко ответил главнокомандующему Северным фронтом, что неожиданно, после, по-видимому, отъезда депутатов, в Петрограде вспыхнул новый солдатский бунт, к солдатам присоединились рабочие, анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось к ночи 2 марта прийти к некоторому соглашению, суть коего: через некоторое время, не ранее полугода, собрать Учредительное собрание для определения формы правления; до того времени власть сосре-

дотачивается в руках Временного комитета Государственной думы, ответственного министерства уже сформированного, при действии обеих законодательных палат. Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение, решительная победа будет обеспечена, произойдет подъем патриотических чувств, все заработает усиленным темпом.

Некоторые, уже полученные, сведения указывают, что манифест уже получил известность и местами распубликован; вообще немислимо удержать в секрете высокой важности акт, предназначенный для общего сведения, тем более что между подписанием и обращением Родзянко ко мне прошла целая ночь.

Из совокупности разговоров председателя Думы с главнокомандующим Северного фронта и мною позволительно прийти к выводам:

Первое — в Государственной думе и ее Временном комитете нет единодушия; левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели сильное влияние.

Второе — на председателя Думы и Временного комитета Родзянко левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление, и в сообщениях Родзянко нет откровенности и искренности.

Третье — цели господствующих над председателем партий ясно определились из вышеприведенных пожеланий Родзянко.

Четвертое — войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного комитета.

Очерченное положение создает грозную опасность более всего для действующей армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь шагание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов.

Получив от его императорского высочества великого князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему все то, испрашиваю указаний, присовокупляя: первое — суть настоящего заключения сообщить председателю Думы и потребовать осуществления манифеста во имя Родины и действующей армии; второе — для установления

единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание главнокомандующих в Могилеве.

Если на это совещание изволит прибыть Верховный главнокомандующий, то срок будет указан Его Высочеством. Если же великий князь не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта. Такое совещание тем более необходимо, что только что получил полуофициальный разговор по аппарату между чинами морского главного штаба, суть коего: обстановка в Петрограде 2 марта значительно спокойней, постепенно все налаживается, слухи о резне солдатами офицеров — сплошной вздор, авторитет Временного правительства, по-видимому, силен; следовательно, основные мотивы Родзянко могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей армии неминуемо присоединиться к решению крайних элементов, как к факту совершившемуся и неизбежному. Коллективный голос высших чинов армии и их условия должны, по моему мнению, стать известными всем и оказать влияние на ход событий.

Прошу высказать ваше мнение; быть может, вы сочтете нужным запросить и командующих армиями, равно сообщить, признаете ли соответственным съезд главнокомандующих. Могилев, 1918. *Генерал Алексеев*

Документ 75

Телеграмма главнокомандующего Северным фронтом генерала Рузского на имя генерала Алексеева

1918. *Первое* — считаю необходимым объявление манифеста, ибо скрыть его нельзя, и в некоторых местах, например, Ревеле, он уже объявлен. Присяга только по выходе акта о вступлении на престол.

Второе — потребовать от нового правительства воззвание к армиям и населению.

Третье — для установления единства действия необходимо, чтобы штаб Верховного главнокомандующего был в полном контакте с правительством и чтобы только Ставка, а не органы правительства, давала необходимые и своевременные указания главнокомандующим фронтами.

Четвертое — для установления успокоения главнокомандующие должны оставаться на местах.

Это единственная авторитетная власть на местах, к помощи которой все обращаются. Во всяком случае, до фак-

тического вступления в главнокомандование великого князя сбор главнокомандующих не соответствен.

Пятое — командующим армиями обстановка внутри империи мало известна, поэтому запрашивать их мнение считаю лишним. 3 марта, 16 часов. 1254. *Русский*

Документ 76

Запись из дневника Николая II

3 марта 1917 г. Пятница

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9¹/₂ перебрался в дом. Алексей пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 1 (20).

Документ 77

Записка Николая Романова

[4 марта] 1917 г.¹

Потребовать от Временного правительства следующие гарантии:

1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.

2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.

3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.

4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму — в Ливадии.

Опубл.: Красный архив. 1927. Т. 3 (22).

¹ Датируется на основании записки генерала Алексеева во Временное правительство от 4 марта, где он говорит о необходимости удовлетворить требования бывшего императора.

Документ 78

Извлечения из протоколов заседаний Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов

Из протокола от 6 марта 1917 г.

6—10 марта 1917 г.

[...] 7. Заявление Чхеидзе.

Чхеидзе докладывает о своих переговорах с Временным правительством относительно ареста дома Романовых.

Правительство до сих пор окончательного ответа не дало. От генерала Алексеева поступило заявление от имени Николая Романова о желании его прибыть в Царское Село. Временное правительство, видимо, против этого не возражает. Один же из министров заявил, что, если Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов окончательно решит арестовать Николая, Временное правительство сделает все, чтоб облегчить Исполнительному комитету выполнить эту задачу.

Исполнительный комитет постановил немедленно сообщить военной комиссии при Совете рабочих и солдатских депутатов о принятии мер к аресту Николая Романова.

8. [...]

Документ 79

Из протокола от 9 марта 1917 г.

1. Об аресте Николая Романова.

Ввиду полученных сведений, что Временное правительство решило предоставить Николаю Романову выехать в Англию и что в настоящее время он находится на пути к Петрограду, Исполнительный комитет решил принять немедленно чрезвычайные меры к его задержанию и аресту. Издано распоряжение о занятии нашими войсками всех вокзалов, а также командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями на ст. Царское Село, Тосно и Званка. Кроме того, решено разослать радиотелеграммы во все города с предписанием арестовать Николая Романова и вообще принять ряд чрезвычайных мер. Вместе с тем решено объявить немедленно Временному правительству о непреклонной воле Исполнительного комитета не допустить отъезда в Англию Николая Романова и арестовать его. Местом водворения Николая Романова решено назначить Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сменив для

этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным правительством.

2. [...]

3. Доклад Чхеидзе о поездке делегации Исполнительного комитета к Временному правительству.

Т. Чхеидзе докладывает, что Николай II уже прибыл в Царское Село. Под давлением Исполнительного комитета Временное правительство отказалось от мысли разрешить Николаю II выехать в Англию без особого на то согласия Исполнительного комитета. Временно он оставлен в Царском Селе. Временное правительство и министр юстиции Керенский гарантируют, что он никуда не уйдет. Временное правительство согласно, чтобы Исполнительный комитет назначил в Царское Село своего комиссара для надзора, дабы Николай II никуда не уехал. В дальнейшем вопрос о Николае Романове будет разрешен по соглашению с Исполнительным комитетом.

Заслушав этот доклад, Исполнительный комитет постановил снять охрану с вокзалов, кроме Царскосельского вокзала, послать комиссаров в Царское Село и на станцию Тосно, окончательно же вопрос о Николае II обсудить и решить завтра. Кроме того, решено принять меры, чтобы в будущем можно было быстрее производить мобилизацию воинских частей.

4. [...]

13. Доклад представителя, командированного в Царское Село.

Охрана дворца находится в руках революционных войск. Издан приказ, чтобы никого не впускать и не выпускать из дворца. Все телефоны и телеграф выключены. Николай Романов находится под бдительным надзором. Солдат так около трехсот, из состава 3-го стрелкового полка. Офицер Михайловского манежа отказался было выдать броневые автомобили, считая недостаточной подпись Исполнительного комитета, не скрепленную подписью Караулова.

На правах арестованного во дворце находятся Нарышкин, Бенкендорф и Долгоруков. Все письма и телеграммы доставляются в караульное помещение. Представитель был во внутренних покоях, видел лично Николая Романова. Полк просил передать, что он будет бессменно караулить, чтобы не выпускать его. Офицеры, охраняющие дворец, считают вполне приемлемым, чтобы комитет прикомандировал своих представителей для наблюдения за охраной

его. Выдать Николая Романова они отказались, считая своей обязанностью исполнять приказ генерала Корнилова, приказавшего не выдавать его. Будучи уверенным в надежности караула, представители считают возможным оставить Николая в прежнем состоянии. Стрелки настаивают на выводе из Царского Села сводного полка, весьма ненадежного.

В связи с докладом представителя офицеров-активистов сообщают, со слов одного врача, что в Царском Селе в 1-м запасном полку ведется агитация против Совета рабочих и солдатских депутатов. Войска стоят за конституционную монархию. Особенно настаивают на этом офицеры.

Обсудив все эти сообщения, Исполнительный комитет постановил командировать С. Д. Масловского¹ в качестве комиссара Исполнительного комитета для контроля над охраной и организацией всего дела.

14.[...]

Из протокола от 10 марта 1917 г.

[...] 5. К протоколу:

а) Чхеидзе сообщает отказ Масловского нести обязанность комиссара в Царском Селе.

б) Соколов предлагает опубликовать о всех мероприятиях, носящих характер контроля над действиями правительства².

6.[...]

Опубл.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И. К. за 1917 г. с речами Ленина. М.; Л., 1925.

Документ 80

«Протокол событий» Февральской революции

27 февраля — 4 марта 1917 г.

27 февраля 1917 года в здании Таврического дворца в кабинете председателя Государственной думы в 12 часов дня открывается заседание совещания Государственной думы с представителями фракций. Председатель Государственной думы докладывает, что в ночь с 26 на 27 февраля председателем Совета министров князем Голицыным ему был препровожден список с именного высочайшего указа

¹ Речь идет о С. Д. Мстиславском.

² Так сформулировано в документе.

правительствующему сенату следующего содержания: «На основании статьи 99 Основного Государственного Законодательства повелеваем занятия Государственной думы прервать с 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение». На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подпись «*Николай*. В Царской Ставке 25 февраля 1917 г. Скрепил: Председатель Совета министров князь *Николай Голицын*».

Такого же содержания указ последовал и по поводу перерыва на тот же срок занятий Государственного совета.

Затем председатель Государственной думы сообщил, что 26 февраля в 11 часов вечера к нему обратилась группа членов Государственной думы с просьбой немедленно созвать совещание с представителями фракций для обсуждения вызванных действиями правительства тревожных событий, происходящих в Петрограде. К сожалению, за поздним временем он лишен был возможности исполнить это ходатайство в тот же день (?) и потому распорядился о созыве нынешнего совещания, а также и частного совещания всех членов Государственной думы, которое назначено в 2 ¹/₂ час. дня.

Далее он сообщил, что все усиливающееся народное волнение, а в связи с этим и прискорбное событие, имевшее место 26 февраля в Павловском полку, где был тяжело ранен командир роты полковник Экстен, являют настолько грозные признаки, что¹ он счел себя вынужденным без ведома Государственной думы в тот же день послать государю телеграмму следующего содержания: «Всепоподданнейше доношу Вашему Величеству, что народные волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основа их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом полное недоверие к власти, не способной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работаю-

¹ В тексте документа стоит: «где был [убит] тяжело ранен командир роты полковник Экстен являющей настолько грозные признаки [характер]...»

щие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неуправляемой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работает только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок.

Государь, спасите Россию, ей грозит унижение и позор. Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, так как брожение распространилось уже на армию и грозит развиться, если безначалию и беспорядку не будет положен решительный конец. Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевившись вновь верой в себя и своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно».

Такого же содержания им были составлены телеграммы начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанту Алексею и главнокомандующим фронтами: Северного — генералу-адъютанту Рузскому, Южного — генерал-адъютанту Брусилову и Западного — генерал-адъютанту Эверту.

При этом председатель Государственной думы просил означенных лиц поддержать его перед Его Величеством, дабы предотвратить катастрофу.

Для более быстрой передачи этих телеграмм председатель лично обратился к военному министру генералу Беляеву за содействием, чтобы означенные телеграммы были переданы без задержки по назначению по прямому проводу, но получил от Беляева отказ, так как военный министр находил, что он не может содействовать передаче телеграмм, в которых имеются указания на паралич власти. Тогда председатель обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов Похвисневу, при содействии

когого эти телеграммы были доставлены по назначению. Государь на телеграммы не ответил. Ответили лишь генерал Брусилов и генерал Рузский. Брусилов телеграфировал: «Вашу телеграмму получил 23 часа 26 февраля. Свой долг перед Царем и Родиной исполнил», а телеграмма Рузского гласила: «Телеграмму Вашу получил. По содержанию ее исполнил телеграммою Государю».

27 февраля председателем Государственной думы в Ставку была послана государю вторая телеграмма: «Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министра внутренних дел и к Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего Высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии, неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно». Переходя к событиям дня, председатель сообщил, что с утра волнения начались в Волынской полку. Полк возмущен тем, что накануне его учебную команду, находящуюся на площади Николаевского вокзала, заставили расстреливать мирных жителей. Учебная команда, убив своего начальника, штабс-капитана Лошкевича, подняла знамя восстания, к ней присоединились: рота запасного батальона Преображенского полка, 6-й запасной саперный батальон, где был убит полковник, гвардейский саперный батальон, а засим и остальные роты преображенцев, а также Литовский полк, где были убиты офицер и солдат и ранен другой офицер. Все эти части направились к главному артиллерийскому управлению и, убив заведующего складом генерала Матусова, начальника арсенала, захватили оружие и патроны. К ним постепенно присоединяются другие части Петроградского гарнизона. Солдаты вместе с рабочими захватывают автомобили; разрезая на них, они разоряют на улицах, а также врываются в частные квартиры,

всех офицеров. Полиция более не существует, так как она еще с вечера 26-го исчезла с улиц Петрограда.

Председатель также сообщил, что сегодня около 1 часа дня явились к Государственной думе в качестве депутатов около 25 000 войск¹, студенты Военно-медицинской академии, чтобы узнать, желает ли Государственная дума присоединиться к движению.

Выслушав доклад председателя, члены Государственной думы указывали на то, что наступившие события в Петрограде и уже полное бездействие правительственной власти угрожают анархией и стране. Это обстоятельство настоятельно требует, чтобы Государственная дума немедленно приступила к обсуждению мер, которые могли бы восстановить порядок и спокойствие. Предлагалось сейчас же назначить заседание общего собрания.

Около 2 часов дня совещанию было доложено, что часть революционных войск с вооруженным народом движется по направлению к Таврическому дворцу. Председатель вызвал начальника охраны Таврического дворца, которому отдал приказ, чтобы находящийся в здании дворца военный караул не оказывал бы сопротивления и не пускал бы в ход оружие.

В 2 часа дня все выходы, телефоны и телеграф Таврического дворца были заняты революционными войсками; этими же войсками (преображенцы) было занято и караульное помещение, в котором был тяжело ранен кем-то из толпы караульный начальник Медведев, не оказывающий сопротивления, но отказавшийся, по долгу службы, покинуть свой пост. Навстречу революционным войскам и народу вышли на подъезд члены Государственной думы, встреченные громкими криками «ура»; Керенский, Скобелев и Чхеидзе произнесли речи. Засим войска и народ вошли в помещение Государственной думы. Отовсюду раздавались призывы к членам Государственной думы встать во главе движения и взять в свои руки исполнительную власть, дабы предотвратить надвигающуюся анархию.

Совещание Государственной думы с представителями фракций постановило немедленно же начать частное совещание членов Государственной думы в полуциркульном зале.

В это самое время в комнате № 13 (зал заседаний бюджетной комиссии) началась организация бюро представителей Совета рабочих депутатов. В это время в зал

¹ Так в тексте.

заседаний вбежал стоявший вблизи Таврического дворца на охране [1 сл. неразб.] капитан Чиколини. Растерянный, он сообщил о происходящем на улицах и просил укрыть его от толпы. В 2¹/₂ часа дня открылось частное совещание членов Государственной думы в полуциркульном зале. Отмечая серьезность переживаемого момента, председатель Государственной думы указывал на необходимость принять какое-либо определенное решение и предложил по этому поводу высказаться членам Государственной думы. При этом он указал, что вопрос сейчас представляется весьма трудным ввиду неясности соотношения сил.

Члены Государственной думы обменялись мнениями, причем Некрасов полагал, что необходимо создать власть, так как таковая отсутствует. По его мнению, было бы правильно предоставить эту власть пользующемуся доверием военному начальнику и при нем составить комитет из представителей от Государственной думы. Он указал, что этим лицом мог бы быть генерал от артиллерии Маниковский. Член думы Караулов предложил избрать исполнительную комиссию, которой и передать организацию власти. Савич предложил поручить организацию власти президиуму вместе с секретариатом, а из генералов избрать Поливанова, как более популярного человека. Ржевский обратил внимание на то, что необходимо торопиться с разрешением вопросов, так как волнение все усиливается. В это время были получены уже сведения, что революционными войсками взят арсенал, Петропавловская крепость и одиночная Выборгская тюрьма, из которой выпущены все арестанты, и подожжен окружной суд. Ржевский находит, что предложение Некрасова пригласить к власти генерала старого правительства неприемлемо, и предлагает организовать комитет для сношения с армией и народом. Против предложения Некрасова высказываются также Чхеидзе и Коваленко.

Засим председатель Государственной думы был вызван к телефону председателем Совета министров князем Голицыным, который ему сообщил, что им подано прошение об отставке и что Совет министров заседает в Мариинском дворце.

Продолжая обсуждение прерванного вопроса, Дзюбинский указывает на необходимость взять власть в свои руки совещанию и представителям фракций, о чем тотчас же объявить населению.

В 2 час. 57 мин. в зал заседаний возвратился Керенский и обратился с просьбой уполномочить его и Чхеидзе

зе объехать восставшие войска, чтобы объявить им, что Государственная дума солидарна с ними и их поддержит. Это предложение поддерживает Чхеидзе, который настаивает на необходимости свержения старой власти и замены ее новой. Шингарев выражает сомнение, признает ли народ эту новую власть. Волков доказывает, что власть, образованная по проекту Некрасова, не может быть авторитетной в глазах [народа] и необходимо создать особый комитет. Милюков выражает сомнение, насколько такой комитет из 10 лиц мог бы диктовать над всеми и в том числе над Государственной думой. Предложение Некрасова он также считает неудобным, а создание новой власти, по предложению Чхеидзе и Дзюбинского, в настоящее время невозможным, так как для этого не настал еще момент. Милюков находил, что предложение Керенского о посещении войск вряд ли достигнет цели, и потому полагал необходимым остановиться на чем-либо реальном. Алмазов указывал на невозможность откладывать решение и вести выжидательную политику. Дзюбинский полагает, что иного выхода, кроме создания новой власти, нет и у Государственной думы быть не может, и предлагает взять эту власть самой Государственной думе, которая должна объявить себя Учредительным собранием. Это предложение поддерживает князь Мансырев, но Савич возражает им, замечая, что толпа дать этой власти Государственной думе не может, что Государственная дума для народа представляет последнее убежище и что если она сделает какой-либо незаконный шаг, то она не может быть законодательным учреждением, — тогда она больше не Государственная дума. Янушкевич указывает на обязанность Государственной думы быть солидарной с революционным народом и войском, ибо иного пути для нее уже нет. Князь Шаховской находит, что хотя Государственная дума распущена, но что совещание ее с представителями фракций может избрать членов комитета, которому можно передать власть. Шульгин говорит, что следует помнить, что нельзя обещать того, чего нельзя выполнить. Ведь согласитесь, что мы не можем быть солидарны во всем с восставшей частью населения. Представьте, что восставшие предлагают окончить войну. Мы на это согласиться не можем. Мы можем принять либо предложение Некрасова, либо первое предложение Дзюбинского о передаче власти совещанию с представителями фракций.

Председатель Государственной думы просил совещание торопиться с принятием решения. Частое совещание чле-

нов Государственной думы пришло к заключению о необходимости избрать Временный комитет и возложил на него обязанность следить за развитием событий и принимать соответственные меры, вплоть до принятия на себя всей исполнительной власти, если бы это оказалось необходимым. Перед окончательным разрешением этого вопроса председатель Государственной думы М. В. Родзянко просил дать ему $\frac{1}{4}$ часа на размышления, чтобы окончательно высказаться по этому вопросу. Он удалился в свой кабинет и, выйдя через некоторое время, сообщил, что с постановлением частного совещания он согласен. Избрание Временного комитета, число входящих в его состав членов и ближайшее определение его функций частное совещание возложило на совет старейшин.

Для выполнения возложенной на совет старейшин задачи был объявлен перерыв, во время которого совет старейшин избрал Временный комитет Государственной думы¹ из 12 членов. В состав этого комитета вошли: председатель Государственной думы Родзянко, товарищ [...]².

Первоначальной своей задачей комитет ставил водворение порядка в г. Петрограде и сношения с организациями и лицами.

Во время этого заседания совещания с представителями фракций к председателю Государственной думы обратился по телефону великий князь Михаил Александрович с просьбой назначить ему место для переговоров. Было условлено эти переговоры вести в Мариинском дворце в присутствии товарища председателя Некрасова, секретаря Государственной думы Дмитрюкова и члена Государственной думы Савича.

В 5 часов дня возобновилось частное совещание членов Государственной думы, которому доложено было постановление совета старейшин об избрании членов Временного комитета. Член Государственной думы Вершинин предложил, чтобы члены Государственной думы все без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем. Это предложение было принято единогласно, после чего частное совещание было закрыто.

¹ Полное название комитета было: «Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями».

² Текст утрачен.

В 5¹/₂ часа дня список членов Временного комитета был расклеен по улицам, и это обстоятельство внесло некоторое успокоение в городе. К этому же времени под усиленным конвоем был доставлен в здание Таврического дворца председатель Государственного совета Щегловитов. По распоряжению члена Государственной думы Керенского он был временно помещен в павильон министров при Государственной думе, причем Керенским же ему было объявлено, что он лишен свободы.

В 7 часов вечера в помещении Таврического дворца состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов. В то же время в здании Мариинского дворца имело место свидание великого князя Михаила Александровича с председателем Государственной думы и делегированными членами Думы. Разговор происходил в кабинете государственного секретаря. Великий князь интересовался ходом событий, о чем его и осведомили указанные члены Государственной думы. Вместе с тем они указали великому князю, что единственным спасением страны является передача власти в другие руки. По настоящему моменту остается передать эту власть Государственной думе, которая сможет образовать правительство, в достаточной мере авторитетное, для успокоения страны. Время не терпит, и если этого не сделать сегодня, то завтра уже может быть поздно.

На это ответил великий князь, что у него нет такой власти, чтобы санкционировать эту меру, и потому решить этот вопрос сейчас представляется невозможным. Вместе с тем великий князь выразил желание переговорить с председателем Совета министров князем Голицыным. Происходившее в то время заседание Совета министров было прервано и беседа великого князя с князем Голицыным состоялась в присутствии председателя Государственной думы. Во время этой беседы председатель Государственной думы указал князю Голицыну, что события дня и полнейшая растерянность правительства повелительно требуют для успокоения Петрограда и дабы предотвратить анархию в стране немедленного удаления от власти всего состава правительства и передачи этой власти Временному комитету Государственной думы. На это князь Голицын ответил, что им лично подано уже прошение об отставке, но что до получения таковой он не считает себя вправе передать кому-либо принадлежащую ему власть. После такого заявления князя Голицына председатель Государственной думы сказал ему, что ход событий, по-видимому, будет иметь своим последствием арест всех членов Совета мини-

стров. По окончании этой беседы великий князь возвратился в комнату, где находились члены Государственной думы.

По возобновлении с ними совещания члены Государственной думы Савич и Дмитрюков указали великому князю, что течение событий требует отстранения от власти императора Николая II и необходимости принятия на себя регентства великим князем Михаилом Александровичем, на что великий князь ответил, что без согласия государя он этого сделать не может.

Около 9 часов вечера великий князь Михаил Александрович изъявил согласие на предложение, сделанное ему делегацией от Государственной думы, принять на себя власть в том случае, если по ходу событий это окажется совершенно неизбежным. К десятому часу члены Государственной думы и председатель покинули Мариинский дворец. Великий князь отправился в военное министерство, чтобы по прямому проводу переговорить с государем императором и доложить ему о всем происшедшем, но этому его желанию не удалось осуществиться и переговоры пришлось вести с генералом Рузским.

Председатель Государственной думы и сопровождавшие его члены Государственной думы около 10 часов вечера прибыли в Таврический дворец, где доложили Временному комитету о своих переговорах с великим князем Михаилом Александровичем и князем Голицыным. В это время было получено сообщение, что толпы солдат окружили Мариинский дворец и заперли из него все выходы. Однако некоторым из министров удалось выйти из дворца и скрыться.

Отсутствие власти, так как министры к этому времени фактически прекратили свою деятельность, а также непрекращающиеся волнения обязывали Комитет обсудить вопрос, насколько его задачи могут ограничиться первоначальным предложением о возложении на него водворения порядка в Петрограде и сношения с лицами и учреждениями. После длительного обсуждения и переговоров с представителями Совета рабочих депутатов Комитет пришел к заключению о необходимости взять всю исполнительную власть в свои руки. В это же время член Государственной думы Шидловский сообщил, что собравшиеся на Миллионной улице в казармах офицеры Преображенского полка передали ему по телефону, что они решили поддержать Государственную думу, с которой желали бы войти в сношения. Для этой цели Временным комитетом был командирован член Государственной думы Энгельгардт. В 2 часа

ночи Временный комитет объявил, что вся государственная власть переходит к Временному комитету Государственной думы. Вслед за этим Комитет постановил немедленно отстранить от действий всех министров и главноуправляющих, а также председателя Государственного совета Щегловитова, вице-председателя Государственного совета Дейтриха и Государственного секретаря Крыжановского.

Приказом Временного комитета Государственной думы обязанности коменданта города Петрограда и Таврического дворца, а также командование над революционными войсками было возложено на члена Государственной думы полковника Генерального штаба Энгельгардта. Под его же председательством была образована при Временном комитете Военная комиссия, которая являлась штабом революционной армии. В качестве членов этой комиссии были принимавшие деятельное участие в революционном движении офицеры различных частей. В состав ее вошли также делегаты от Совета рабочих депутатов. В ту же ночь было отдано распоряжение о занятии радиотелеграфа и телеграфа, городских телефонов и почт.

Необходимость немедленной организации войсковых частей, требующая от полковника Энгельгардта, как начальника гарнизона, революционных распорядительных действий на местах, вынудила его вскоре отказаться от председательствования в Военной комиссии и от исполнения обязанностей коменданта Таврического дворца. Председателем Военной комиссии вместо Энгельгардта был назначен член Государственного совета по выборам А. И. Гучков, а комендантом член Государственной думы Караулов. Градоначальником города Петрограда Временный комитет назначил профессора Военно-медицинской академии Юревича.

В числе органов Военной комиссии при Временном комитете образовался автомобильный отдел, который ведал нарядами всех реквизированных в Петрограде легковых и грузовых автомобилей. В течение ночи получают сообщения о возникновении в разных концах города пожаров. Горели полицейские участки и жандармское управление, места заключения. Были получены также сведения о разгроме Мариинского дворца, где помещался Совет министров и квартиры председателя Совета министров, министра внутренних дел и министра императорского двора. Для охраны города были высланы военные патрули, которые всю ночь разъезжали на автомобилях по улицам Петрограда.

В эту же ночь Временным комитетом Государственной думы по согласованию с Советом рабочих депутатов была учреждена продовольственная комиссия в составе 9 членов для общего руководства продовольственным делом в Петрограде. Председателем этой комиссии был назначен член Государственной думы Шингарев. После образования этой комиссии в ту же ночь состоялось совещание ее с Временным комитетом Государственной думы, на котором было постановлено усилить охрану ввиду возникновения слухов о возможных попытках со стороны правительства уничтожить их.

Продовольственная комиссия обратилась к населению с воззванием следующего содержания: «ГРАЖДАНЕ ПЕТРОГРАДА! Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов Петрограда и исполнительного комитета Государственной думы объявляет, что она приняла на себя центральное руководство всем продовольственным делом.

Продовольственная комиссия прежде всего приглашает всех рабочих-пекарей немедленно стать на работу и все хлебопекарни немедленно приступить к выпечке хлеба и продаже его населению.

Комиссия организует снабжение хлебопекарен мукой и распределение хлеба и обращается с призывом к городским попечительствам с предложением организовать равномерное распределение выпеченного хлеба среди населения. Комиссия приглашает представителей попечительств собраться 28 февраля в 3 часа дня в здании городской думы, в Александровском зале.

В ближайшее время комиссия предполагает поручить дело распределения продовольственных продуктов обывательским комитетам, которые будут выбраны по районам всем населением, достигшим совершеннолетия».

Под этим воззванием имелась следующая подпись:

«Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов Петрограда и исполнительного комитета Государственной думы».

Кроме того, продовольственная комиссия за подписью председателя комиссии комиссара по продовольственным делам члена Государственной думы Востротина и особоуполномоченного по закупкам хлеба для армии Гаврикова обратилась с предложением к губернским властям о принятии самых решительных мер к усилению скорейшей доставки хлеба для нужд армии и населения.

В ту же ночь с 27 на 28 февраля Временным комитетом были посланы телеграммы на имя командующих флотами Балтийского и Черного морей, главнокомандую-

шим армиями Северного, Юго-Западного и Западного фронтов, помощнику главнокомандующего Румынским фронтом и главнокомандующему Кавказским фронтом, а также начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Эти телеграммы были следующего содержания: «1) Временный комитет членов Государственной думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы; 2) Временный комитет членов Государственной думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. Также стойко и мужественно, как доселе, армия и флот должны продолжать дело защиты своей Родины. Временный комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений. Пусть и с своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти».

Одновременно Комитет обратился с воззванием к населению и армии следующего содержания: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Другое воззвание было обращено к жителям Петрограда, оно было составлено в следующих выражениях: «Временный комитет Государственной думы обращается к жителям Петрограда с призывом во имя общих интересов щадить государственные и общественные учреждения и приспособления, как-то: телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи, а также правительственные места и учреждения. Равным образом Комитет Государственной

думы поручает охране граждан заводы и фабрики как работающие на оборону, так и общего пользования. Необходимо помнить, что порча и уничтожение учреждений и имущества, не принося никому пользы, причиняют огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужна вода, свет и прочее. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равным образом на имущество частных лиц. Пролитие крови, разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших эти действия, и могут принести, кроме того, неисчислимыя бедствия всему населению столицы».

В ту же ночь Временный комитет постановил впредь до образования нового правительства назначить для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из состава членов Государственной думы. Комиссарами были назначены: по Министерству внутренних дел — граф Капнист 2-й, Масленников, Ефремов и Арефьев; по петроградскому почтамту — Барышников; по телеграфному агентству — Гронский; по телеграфу — Калугин; по военному и морскому министерствам — Савич и Саватеев; по Министерству земледелия — Волков, Демидов, кн. Васильчиков и граф Капнист 1-й, по Министерству юстиции — Маклаков, Аджемов и Басаков; по Министерству торговли и промышленности — Родзянко 2-й и Ростовцев; по Министерству финансов — Виноградов и Титов; по Министерству путей сообщения — Бубликов; по Министерству народного просвещения — Ковалевский; по правительствующему сенату — Годнев и по петроградскому градоначальству — Герасимов и Пепеляев. Управляющим делами Временного комитета был назначен начальник отдела канцелярии Государственной думы Глинка¹. Вслед за этим Комитетом Государственной думы было выпущено обращение ко всем железнодорожным служащим следующего содержания: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной думы, взяв в свои руки образование² новой власти, обращается к вам от имени Отечества: от вас теперь зависит спасение Родины. Движение поездов должно поддерживаться НЕПРЕРЫВНО, с удвоенной энергией. Страна ждет от вас больше, чем исполнения долга, — она ждет подвига. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к Родине и созна-

¹ 4 марта его сменил В. Д. Набоков.

² В тексте «оборудование».

нием роли транспорта для войны и благоустройства тыла». Это объявление было немедленно передано по телефонам по линиям всех железных дорог.

Утром 28 февраля председатель Государственной думы получил от испанского посла письменное извещение о том, что вооруженные солдаты появились в доме № 75 по Сергиевской улице, где находится канцелярия испанского посольства, и проникли на первый этаж в поисках лиц русской национальности, но которых вместе с тем они там не нашли. При этом посол сообщил, что солдаты заявили, что они вернутся для осмотра второго и третьего этажа, где, между прочим, расположено помещение самого посольства. Ввиду этого посол просил принять меры, чтобы неприкосновенность помещения испанского посольства была бы полностью соблюдена. По поводу этого письма члену Государственной думы Энгельгардту было отдано распоряжение о том, чтобы немедленно были расставлены караулы для обеспечения неприкосновенности жилищ всех посольств и миссий.

К 10 часам утра в Государственную думу стали прибывать войска, присоединившиеся к революционному движению: Михайловское артиллерийское училище, лейб-гренадеры, 9-й запасной кавалерийский полк и преображенцы; последние прибыли без офицеров. В это время часть их была уже арестована солдатами. Поставленный об этом в известность председатель Военной комиссии Гучков с поручиком Небольсиным и штаб-ротмистром Рудневым направились в казармы Преображенского, а также и Волынского полков, где путем увещаний им удалось освободить арестованных офицеров. По просьбе офицеров-преображенцев и Государственной думы за ними были посланы автомобили, на которых они прибыли в Государственную думу.

К воинским частям выходил председатель Государственной думы Родзянко и другие члены Думы, которые призывали к единению армии, народа и Государственной думы для общего дела освобождения Родины от старой власти и от внешнего врага; члены Думы предлагали воинским частям найти своих офицеров, которые состоят под командой Государственной думы, и стать под их команду.

После этого означенные части возвратились в свои казармы, причем Преображенский полк ушел без своих офицеров, а когда последние прибыли в казармы, то были снова арестованы солдатами. В это же время председатель получил извещение от начальника Николаевского кавале-

рийского училища генерала Марченко о том, что войска и толпа взяли в училище все оружие, причем никакого сопротивления им не было оказано, что юнкера распущены, а нижние чины разошлись и некому охранять имущество училища и семей. Он просил о помощи и охране.

В 12 часов дня было получено донесение, что некоторые министры с председателем Совета министров князем Голицыным укрылись с раннего утра в здании Адмиралтейства под охраной оставшихся еще верными старому правительству войск в составе 800 штыков при нескольких орудиях и небольшого числа кавалерии, но что в настоящее время из Адмиралтейства эти войска ушли, а вместе с тем скрылись, но неизвестно куда, и министры. Уход из здания Адмиралтейства объяснялся тем, что из Петропавловской крепости готовились стрелять по Адмиралтейству, ввиду чего бывший морской министр Григорович, пребывавший там, просил их уйти, так как своим пребыванием они навлекают опасность. Засим в течение дня 28 февраля в Государственную думу по распоряжению Временного комитета стали доставлять под конвоем арестованных бывших министров, а вместе с тем и арестованных самими солдатами и добровольцами из публики высокопоставленных лиц, полицейских чинов, а также многих других лиц из администрации и политических деятелей правых групп, к аресту коих не имелось ни причин, ни оснований. В числе таких лиц был доставлен митрополит Петроградский и Ладожский Питирим. Появление его в Таврическом дворце было встречено со стороны солдат и народа враждебно. Навстречу ему вышел член Государственной думы¹, который просил окружающих дать митрополиту дорогу и отнестись с уважением к его сану, провел его в помещение Временного комитета. Там его встретил член Государственной думы Вершинин, который объяснил митрополиту, что распоряжения об его аресте Временным комитетом дано не было и что Временным комитетом ему будет немедленно предоставлена, если он пожелает, возможность безопасно вернуться в свою обитель. Митрополит сперва пожелал остаться в Таврическом дворце, вследствие чего член Государственной думы Львов препроводил его в павильон, где находились арестованные министры и другие лица, но засим, после переговоров с членами Государственной думы², он согласился вернуться в Александро-Невскую

¹ Фамилия неразборчива.

² Фамилии не указаны.

лаву. Перед своим отъездом из Таврического дворца митрополит Питирим подал председателю Государственной думы следующее заявление: «Настоящее мое высокое в церковной иерархии положение меня всегда тяготило, а потому охотно желаю уйти на покой и поселиться или в монастыре, или в частном помещении, вблизи храма Божия, и пользоваться врачебной помощью. Непременное желание мое также, чтобы мне иметь при себе людей по моему выбору, которые покоили бы мою старость. Митрополит Питирим. 1917 г. Февраль 28».

Ввиду значительного количества лиц, подвергшихся со стороны населения и солдат аресту, все они доставлялись в Таврический дворец. Временным комитетом были назначены для регистрации опроса, задержания или освобождения члены Государственной думы Пападжанов, Джафаров и Кринский, а засим была образована и следственная комиссия при участии членов Государственной думы Люца и Маркова 3-го. Многие из освобожденных лиц тем не менее просили ради безопасности своей оставить их на некоторое время под стражей. По поводу таких арестов Временный комитет счел необходимым объявить, что до сего времени никаких распоряжений об арестах комитетом не производилось, за исключением распоряжений об аресте бывших министров, и что впредь от имени Комитета аресты будут производиться не иначе как по особому в каждом случае письменному его распоряжению.

В распоряжение Комитета стали поступать на нужды революции от разных лиц и учреждений значительные суммы денег. Для приема их, выдачи и расходования были назначены в качестве казначеев члены Государственной думы Панкеев и от. Попов 1-й.

В течение этого дня члены Государственной думы посещали воинские части Петроградского гарнизона в их казармах, стремясь всячески уладить взаимоотношения между солдатами и офицерами.

[Военной комиссией Государственной думы было составлено обращение к офицерам следующего]¹ содержания:

«Гг. офицеры Петроградского гарнизона и все гг. офицеры, находящиеся в Петрограде.

[Временный] комитет Государственной думы приглашает всех гг. офицеров, не имеющих определенных поручений Комиссии, явиться 1 и 2 марта, от 10 час. утра до 6 часов вечера, в зал Армии и Флота для получения удос-

¹ Текст восстановлен по смыслу.

товерений на повсеместный пропуск и точной регистрации, для исполнения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа для охраны столицы.

Промедление явки гг. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания.

Обращаясь к гг. офицерам с настоящим объявлением, Военная комиссия указывает, что в данный момент, перед лицом врага, стоящего у сердца Родины и готового пользоваться ее минутной слабостью, настоятельно необходимо проявить все усилия к восстановлению организации военных частей.

Только в этом сила нашей армии и залог окончательного торжества. Кровь наших товарищей, легших костями за два с половиной года войны, нас обязывает.

Не теряйте, гг. офицеры, ни минуты драгоценного времени».

Под этим приказом следуют следующие подписи: «Военная комиссия Временного комитета Государственной думы. *Председатель Государственной думы М. Родзянко*».

Около Петропавловской крепости собралась 6-тысячная толпа, которая волновалась, предполагая, что в крепости находятся еще политические преступники. Командированный туда член Временного комитета Государственной думы Шульгин выяснил, что таковых там не имеется, что там содержались 19 человек солдат, которые выпущены начальником гарнизона, и несколько лиц, обвиняемых в шпионаже. Чтобы не было недоразумений, вызвал членов Думы Скобелева и Волкова и приказал им показать все камеры, дабы они убедились, что действительно никого нет. Осмотрев в мельчайших подробностях все камеры, Скобелев и Волков вышли к толпе и объявили им, что в Петропавловской крепости никого из арестованных нет, и что, таким образом, не имеется оснований для волнений, и что Петропавловская крепость должна быть охраняема, так как там находится Монетный двор.

К вечеру стали поступать донесения о подходе к Петрограду воинских частей из его окрестностей, а также и о движущихся по железным дорогам по направлению к Петрограду эшелонах из действующей армии. Распоряжением Военной комиссии на окраинах города, у застав и на вокзалах железных дорог были расположены революционные войска и артиллерия на случай попытки со стороны прибывающих команд подавить революционное движение. Помимо этих предупредительных мер Времен-

ным комитетом навстречу прибывающим войскам за город были командированы члены Государственной думы, на обязанности коих возлагалось выяснение этим частям событий, происходящих в Петрограде, и склонение их перейти на сторону Государственной думы. Все прибывающие воинские части после переговоров с членами Думы с распущенными знаменами и предшествуемые оркестрами музыки следовали к Государственной думе, где выслушивали приветствия и благодарность за присоединение к революционному движению. С такими речами выступали как члены Государственной думы, так и члены исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов¹.

Около 3 часов дня Дума была обстреляна из пулеметов из здания напротив. 14 полицейских были сняты и расстреляны в [1 сл. неразб.] переулке².

Течение событий, настроение воинских частей, их командного состава и народных масс указывали на то, что вопрос об отречении государя Николая II представлялся совершенно неизбежным. Еще с утра 28 февраля Временный комитет был занят обсуждением этого вопроса [1 сл. неразб.] в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Был составлен проект акта отречения. Вместе с тем было предположено, что к государю с этим требованием подписания такого акта должен явиться председатель Государственной думы Родзянко с членом Государственной думы Шидловским. По получении сведений, что государь выехал из Ставки, этот вопрос был отложен ввиду полной неопределенности мест, где можно было бы устроить это свидание. Засим этот вопрос о поездке председателя был снова поднят. Член Временного комитета и председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе заявил, что без Совета рабочих депутатов он разрешить этого вопроса не может. Тем временем было получено донесение, что литерный поезд, в котором следовал государь из Ставки по направлению к Петрограду через станцию Бологое, прибыл на станцию Малая Вишера Николаевской железной дороги. Там государь был осведомлен, что станция Тосно занята революционными войсками, вследствие чего поезд ушел обратно и, дойдя до станции Бологое, свернул по направлению к станции Дно, где и находится в пути и в на-

¹ В тексте ошибка: до 2 марта Совет назывался «рабочих депутатов».

² В оригинале текст со слов «около 3 час. ...» помещен на полях документа.

стоящее время. Временным комитетом комиссару Бубликову было отдано распоряжение, чтобы по прибытии на станцию Дно литерный поезд был пропущен для дальнейшего следования в Царское Село по Виндаво-Рыбинской железной дороге, но вслед за сим комиссар Бубликов донес, что станция Дно занята революционными войсками и поезд не пропустит, вследствие чего литерный поезд должен был проследовать на станцию Псков¹.

К вечеру член Государственной думы Чхеидзе сообщил Временному комитету, что вопрос о поездке председателя к государю с требованием об отречении его от престола обсуждался в Совете рабочих и солдатских депутатов, причем было решено, что акт поездки может состояться лишь при условии, если в ней будет участвовать он, Чхеидзе, и если в проекте акта отречения будет опущена вторая его часть, то есть о передаче престола наследнику Алексею и о регентстве великого князя Михаила Александровича. Поезд должен сопровождать сильный отряд революционных войск. В случае же непринятия Временным комитетом этих условий поезда для следования председателя Государственной думы Советом рабочих и солдатских депутатов предоставлено не будет.

Засим было получено донесение, что следующие в Петроград для подавления революции эшелоны войск, сойдя с поезда на станции Луга, объявили себя присоединившимися к Государственной думе и решили никого не пропускать в Петроград, разоружая вместе с тем проходящие через станцию воинские части.

Было также сообщено, что из Ставки, под командой генерал-адъютанта Иванова, вышел с поездом Георгиевский батальон, имея при себе артиллерию. Вместе с тем члену Государственной думы Керенскому была доставлена следующая телеграмма: «Станция Александровская Северо-Западной железной дороги генералу Листовскому. Эшелон НР 5601/СХ согласно указанию штаба фронта. Вам подчиняется отдельная пулеметная команда [1 сл. неразб.] предназначено передать Георгиевский батальон. Вверенным вам частям надлежит высадиться с учетом соединения Александровской, где получите дальнейшие указания от генерал-адъютанта Иванова, прибывающего в Царское Село около 8 часов вечера 1 марта. Генерал-адъютант Иванов остановится в Царском Селе на вокзале, с которым должна быть установлена связь по высадке частей на станции Александровской. Распоряжение о снабжении отряда

¹ Там же находился и ближайший юз (телеграфный аппарат).

продовольствием и огнестрельными припасами, средствами [1 сл. неразб.] сделано. Вслед во вторник пешком будет отправлена в ваше распоряжение батарея вашей дивизии, которую вам надлежит присоединить к бригаде. О получении сего срочно телеграфируйте. Двинск. 28 февраля *Вахрушев*.

В 8 час. вечера от члена петроградского окружного суда Устимовича было получено уведомление о том, что до настоящего времени горит здание петроградского окружного суда, причем огонь приближается к нотариальному архиву. Несмотря на принятые по распоряжению Комитета меры, отстоять архив не удалось и он погиб в огне.

В 11 часов 30 минут вечера в Таврический дворец сам явился через председательский подъезд бывший министр внутренних дел Протопопов. Распоряжения об его аресте Временный комитет не решался делать, так как явное против него возбуждение не давало гарантии, что он может быть доставлен живым. Кроме того, его разыскивали в течение всего дня отряды добровольцев. Войдя в подъезд, Протопопов просил студента указать ему, где находится Временный комитет. Уведомленный об этом член Государственной думы Вершинин встретил его и препроводил. Навстречу ему вышел член Государственной думы Керенский, которому Протопопов заявил, что он явился добровольно и передает себя в распоряжение Временного комитета. Керенский ему ответил, что он арестован, затем пригласил часовых, запретил с ними всякие разговоры и отдал распоряжение о помещении его в павильон министров при Государственной думе. Появление Протопопова вызвало в публике сильное волнение. Через некоторое время из павильона министров Протопопов прислал председателю Государственной думы следующее заявление: «Его Высокопревосходительству председателю Государственной думы. Сим имею честь заявить, что я считаю себя обязанным сложить свои полномочия как члена Государственной думы. *Член Государственной думы Александр Протопопов. 27 февраля 1917 г.*»¹

Ночью² прибыла депутация от Царкосельского гарнизона. Их встретил Гучков. В числе депутации были офицеры и солдаты от сводного гвардейского полка, от железно-

¹ Ошибка в документе. Фактически это произошло 28 февраля в 23 час. 15 мин.

² Ночь с 28 февраля на 1 марта.

дорожного полка, от собственного Его Величества конвоя, от царскосельской дворцовой полиции. Представитель от этой депутации обратился к Гучкову с краткими словами, что они передают себя в распоряжение Временного правительства, но что они будут охранять личность и имущество, словом, выполнять свой долг по охране Царского Села до конца. Гучков ответил им несколькими благодарственными словами и сказал, что Временный комитет ждет от них, что они выполнят свой долг до конца и возьмут на себя охрану лиц и имущества.

Это было высказано в письменной форме, чтобы показать, что они были приняты Временным комитетом, и чтобы они не считались сторонниками старого порядка. В бумажке, которая была написана, было сказано, что Временный комитет принимает с благодарностью их присоединение и поручает им охрану. Засим к ним вышел председатель Государственной думы.

Они заявили ему также, что весь гарнизон Царского Села перешел на сторону Временного комитета и присоединился к революционным войскам. Выслушав эти заявления и принеся благодарность от Временного комитета, председатель Государственной думы отдал приказ по Царскосельскому гарнизону об охране Царскосельского дворца и царской семьи. Передавая устно этот приказ через бывших делегатов, он вместе с тем объявил им, что возлагает на них ответственность за могущие произойти эксцессы с царской семьей. Кроме того, в Царское Село были немедленно командированы для переговоров с войсками и установления порядка члены Государственной думы Демидов и Степанов.

Вместе с тем для установления более нормального порядка охраны жизни и имущества граждан в Петрограде гласному городской думы Крыжановскому было поручено приступить к организации городской милиции. В то же самое время для обслуживания Военной комиссии была переведена в Таврический дворец канцелярия Преображенского полка.

С раннего утра 1 марта Временный комитет вел переговоры с Советом рабочих и солдатских депутатов по вопросу об образовании Временного правительства и установления программы их дальнейшей деятельности. В эту ночь¹ соглашения не последовали. Коренное расхождение обнаружилось у Временного комитета с Советом рабочих и солдатских депутатов по вопросу, касающемуся армии.

¹ Имеется в виду ночь с 28 февраля на 1 марта.

Временный комитет и председатель Военной комиссии Гучков не считали возможным во время войны устраивать армию на началах самоуправления, как того требовал Совет рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, соглашения не последовало, и эти вопросы снова стали предметом обсуждения в отдельности как Временным комитетом, так и Советом рабочих и солдатских депутатов. Приказом Гучкова 1 марта был назначен помощником председателя Военной комиссии генерал-майор Потапов.

В этот же день 1 марта к 9 час. утра в Государственную думу прибыл собственный Его Величества конвой; вместе с тем было получено сообщение от коменданта Царскосельского дворца, что государыня императрица Александра Федоровна желает говорить по телефону с председателем Государственной думы. Разговоров не произошло, но царскосельскому коменданту было объявлено, что государыне императрице и ее семье опасность не грозит, так как со стороны Временного комитета приняты все меры для их охраны. В течение дня председателем Государственной думы были получены от великих князей письменные заверения о их готовности подчиниться распоряжениям Временного комитета. Кроме того, были получены сообщения из Москвы, Харькова и других городов, а также из разных местностей империи о том, что эти города и местности признали власть за Временным комитетом Государственной думы и подчиняются его распоряжениям.

В 4 ч. 15 мин. [дня] в Государственную думу прибыли Гвардейский экипаж вместе с великим князем Кириллом Владимировичем, артиллеристы, пиротехники, минная подрывная рота, Николаевская военная академия в составе около 350 офицеров, нижние чины жандармского дивизиона и Второй Балтийский флотский экипаж с частью своих офицеров.

Великий князь Кирилл Владимирович заявил председателю Государственной думы, что он явился к нему и находится в его распоряжении, что, как и весь народ, он желает блага России, что сегодня утром он обратился ко всем матросам Гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь может заявить, что весь Гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Государственной думы.

Председатель Государственной думы ответил, что он верил, что Гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке исполнит свой долг и поможет

справиться с общим врагом и выведет Россию на путь победы.

В то же время члены Государственной думы Воронков и Черячукин посетили казармы Первого и Четвертого донских казачьих полков, причем после переговоров с офицерами и солдатами выяснилось, что оба полка готовы в любой момент стать на сторону Комитета Государственной думы.

В течение того же дня из Зимнего дворца от первой роты Гвардейского Преображенского полка, которая занимала караул в означенном дворце с 27 февраля, было получено сообщение о том, что она желает вступить в переговоры на предмет присоединения к тем частям войск, которые передали себя в распоряжение Комитета Государственной думы.

После переговоров, которые закончились заявлением означенной роты о том, что она присоединяется к революционным войскам Петроградского гарнизона, эта рота отправилась к себе в казармы и в караул в Зимнем дворце.

Озабочиваясь правильным освещением событий, происходящих в Петрограде, были составлены циркулярные телеграммы с изложением всех событий за все предшествующие дни и срочно переданы через телеграфное агентство во все провинциальные газеты и большие города.

Со своей стороны Временный комитет обратился к населению с следующим воззванием:

«Граждане!

Свершилось великое дело. Старая власть, сгубившая Россию, распалась. Комитет Государственной думы и Совет рабочих депутатов организуют порядок и управление в стране, и главная забота теперь — обеспечение продовольствием армии и населения. Ими учреждена Продовольственная комиссия, и она ведает всем делом. Запаса очень мало, и надо спешить их заготовить.

Граждане России, земледельцы, землевладельцы, торговые служащие, железнодорожные рабочие — помогите Родине! Нужно кормить армию и население, ведь враг еще не сломлен.

Все, как один человек, протяните руку помощи в эти великие грозные дни. Пусть никто не уклонится от исполнения своего гражданского долга. Пусть совесть каждого подскажет его дело. Скорее продавайте хлеб уполномоченным, отдавайте все, что можете, везите его к железным дорогам и пристаням и скорее грузите и доставляйте грузы по назначению.

Родина ждет вашей общей помощи. Дайте хлеб ее борцам и рабочим. Время не ждет. Каждый час дорог. Не медлите.

Граждане! Придите на помощь Родине хлебом и трудом».

Кроме того, Временным комитетом был издан приказ по военным училищам следующего содержания:

«Военные училища принадлежат войскам Временного правительства Государственной думы, которым, указанным училищам, приказано производить все обычные занятия с успешной подготовкой кадров будущих офицеров.

Обращаться кому-либо к начальству училищ с требованием о выдаче оружия, боевых припасов, обмундирования и продовольствия воспрещается под строжайшей ответственностью перед Временным правительством.

Училищам приказано оружия никому не выдавать, лиц же, позволивших себе потребовать оружие и допустивших какое-либо насильственное действие по отношению к училищу, арестовывать и направлять в комендантское управление Государственной думы».

В 10 час. 30 мин. вечера под сильным конвоем был доставлен в Таврический дворец генерал Сухомлинов. Его появление вызвало сильное возбуждение среди находящихся в Таврическом дворце солдат. По требованию солдат Сухомлинов снял с себя погоны.

Несколько позже комиссар Министерства путей сообщения Бубликов сообщил по телефону, что поезд с эшелонами Георгиевского батальона с артиллерией прибыл в Царское Село, остановился у военной платформы, но не разгружается.

Генералу Иванову было сообщено, чтобы он оставил намерения следовать далее Петрограда, так как будут приняты меры, чтобы войска не имели возможности физически передвигаться по железной дороге. Несмотря на соглашение с Советом рабочих и солдатских депутатов о том, что в важнейших вопросах он будет действовать вместе с Временным комитетом, после того как не состоялось соглашения по той части программы, которая касалась войск, — не только без соглашения, но и без предупреждения Советом рабочих депутатов 1 марта днем был выпущен по войскам приказ № 1, сообщенный по радиотелеграфу и на фронты. Этот приказ содержал в себе следующее: [...]¹

К ночи² было получено извещение, что восставший

¹ Текст утрачен.

² К ночи с 1 на 2 марта.

гарнизон Кронштадта убил адмирала Вирена и продолжает убивать и арестовывать офицеров. Временным комитетом было сделано распоряжение о немедленном командировании в Кронштадт в качестве комиссаров членов Государственной думы Пепеляева и Таскина.

В эту же ночь Временный комитет обсуждал вопрос об образовании Временного правительства, а также и о мерах предупреждения вредного влияния на войска приказа № 1, выпущенного Советом рабочих депутатов. При обсуждении этих вопросов в заседании Временного комитета приняли участие представители Совета рабочих и солдатских депутатов Ю. М. Нахамкес (Стеклов), Н. Д. Соколов и Н. Н. Гиммер (Суханов). По поводу издания приказа № 1 указывалось на недопустимость таких действий, так как это создает двоевластие. По этому поводу член Государственной думы Шульгин, обращаясь к представителям Совета рабочих депутатов, сказал: «Если вы чувствуете за собой силу, если вы возьметесь управлять Россией, если вы согласны нести на себе эту страшную ответственность, тогда устранили нас, арестуйте Временный комитет, арестуйте Государственную думу, составляйте правительство и правьте сами. Но если у вас не хватает на это смелости и желания, то не связывайте рук тем людям, которые, как-никак, имеют мужество взять на свои плечи бремя управления Россией в такую минуту». На это последовал ответ, что арестовывать Временный комитет или Государственную думу они не собираются. Был поднят также вопрос о том, насколько своевременно во время войны проводить принцип выборного начала в войсках. В это самое время группа встревоженных офицеров вызвала члена Государственной думы Шульгина, с которым довольно долго обсуждала тот же самый вопрос. Некоторые из этих офицеров утверждали, что ничего против этого поделать нельзя, так как этот принцип фактически уже осуществлен в Петрограде. После долгих переговоров с представителями Совета рабочих депутатов было решено по поводу приказа № 1 написать умиротворяющее воззвание к солдатам. Пока составлялось это воззвание, Временный комитет обсуждал вопрос о составе нового правительства, причем единодушно все пришли к заключению о необходимости скорейшего его образования, так как работа в Государственной думе, не имея соответствующих органов под руками, представлялась весьма затруднительной и потому настоятельно требовалось восстановить правительственный аппарат, разъехавшись по министерствам.

До 5 часов утра¹ Милюков, выработавший редакцию воззвания с членами Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Соколовым и Гиммером (Сухановым), не смог прийти с ними к установлению текста воззвания и отклонился от дальнейшего участия в этой работе. Его сменил Керенский, которому удалось вскоре выработать согласованный текст. [...] ²

Засим³ Временный комитет приступил к обсуждению вопроса о составе Временного правительства и к выработке программы его деятельности. Участие в разрешении этих вопросов принял Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов. Предложение вступить в состав Временного правительства Чхеидзе и Керенскому Исполнительным комитетом было отвергнуто. Он полагал, что кабинет должен быть составлен из буржуазных классов, но вместе с тем выставил ему следующие требования:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим, религиозным, террористическим покушениям, военным восстаниям и т. п.

2) Политическая свобода во всех формах: свобода слова, печати, совести, собраний, стачек; свободы эти должны быть распространены и на военнослужащих на действительной военной службе. Эти требования не встретили возражений со стороны Временного комитета Государственной думы, но следующий пункт, 3-й, возбудил сильные возражения. Этот пункт говорил об устроении армии на началах самоуправления.

После длинных дебатов Комитет Государственной думы и Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов выработали примирительную формулу, которая гласила: «При сохранении старой воинской дисциплины в строю устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России». Засим следующий пункт: 4) об организации народной милиции для несения службы по охране порядка с подчинением ее⁴ местным самоуправлениям, избранным на основании всеобщего, равного и тайного голосования; 5) отмена всех словных, национальных и религиозных ограничений и б) гарнизон Петрограда остается в городе и не разоружа-

¹ 2 марта 1917 г.

² В подлиннике текст отсутствует. Речь идет об обращении Исполкома Петросовета.

³ В ночь с 1 на 2 марта.

⁴ В тексте: «... с подчинением их».

ется — не вызвали возражений со стороны Комитета Государственной думы. Предложение Исполнительного комитета об образовании немедленно демократической республики и о созыве Учредительного собрания не было принято.

Исполнительный комитет [Совета] рабочих и солдатских депутатов заявил, что пока Временный комитет не войдет с ним в соглашение по вопросу об Учредительном собрании, то до тех пор он не признает Временное правительство.

[...]¹ Председатель Государственной думы отправился [2 сл. неразб.] на переговоры с Рузским², который ему сообщил, что утром государь император предполагал предложить Родзянке составить ответственное перед Его Величеством министерство, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, государь окончательно решил и уполномочил Рузского довести до сведения председателя Государственной думы о своем решении дать ответственное перед законодательными палатами министерство с поручением Родзянке образовать кабинет. Вместе с тем Рузский сообщал, что если этот проект найдет отклик, то изготовленный по этому поводу манифест мог бы быть объявлен сегодня. Манифест этот был следующего содержания:

«Объявляем всем верным нашим подданным.

Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей Родиной. Близок решительный час, судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России. Уповаю, что верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам Господь Бог».

¹ Пропуск в тексте.

² Состоялись в ночь с 1 на 2 марта.

На это председатель Государственной думы ответил, что, очевидно, ни Его Величество, ни генерал Рузский не отдадут себе отчета в том, что происходит в Петрограде.

Начавшееся брожение значительно усилилось после издания указа о перерыве занятий законодательных учреждений и что наступила такая анархия, вследствие которой Государственной думе оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе его, чтобы избежать гибели государства. К сожалению, это далеко не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможным; войска деморализованы и не только не слушаются своих офицеров, но даже убивают их. Во избежание кровопролития пришлось всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Поэтому считаю, что предлагаемые меры недостаточны и что в настоящее время поставлен уже ребром династический вопрос. Петроградский и Царскосельский гарнизоны примкнули к думе; то же самое происходит и в других городах, причем требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становится совершенно определенным. Посылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном подлила масла в огонь. Эта мера приведет к междоусобному сражению. Вместе с тем необходимо прекратить посылку других войск, так как они все равно действовать против народа не будут.

На это Рузский ответил, что войска по направлению к Петрограду с фронта были направлены по общей директиве из Ставки, но что теперь этот вопрос уже ликвидируется. Генералу Иванову несколько часов тому назад государь дал указание не предпринимать ничего до личного свидания. Эта телеграмма послана через Петроград, и остается только пожелать, чтобы она скорее дошла до генерала Иванова. Кроме того, государь выразил согласие, о чем уже послана телеграмма два часа тому назад, чтобы вернуть на фронт все то, что было в пути. Вы видите, говорил Рузский, что со стороны Его Величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар.

На это ему ответил председатель, что время уже упущено и возврата нет. Народные страсти разгорелись, в армии царит ненависть и негодование, и что обстоятельства сложились таким образом, что Временный комитет вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство, которое примет все меры, чтобы урегулировать жизнь го-

сударства и чтобы совершившийся переворот не отразился на армии.

При этом председатель Государственной думы указал генералу Рузскому, что не надо забывать, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех и тогда все кончится в несколько дней. Засим генерал Рузский сообщил, что он получил указание передать этот манифест в Ставку для напечатания, а потому он это делает, а затем будь что будет. О разговоре доложит государю, если председатель против этого ничего не имеет, на что председатель Государственной думы ответил, что он не только ничего не имеет против, но даже и просит об этом. Рузский упоминает, что Родзянко в этом разговоре определенно заявил, что никак отлучиться из Петрограда не может, да и не хочет.

Временный комитет приступил к обсуждению вопроса о тех лицах, которые могли бы войти в состав Временного правительства, объединившись в своей деятельности на тех положениях, которые оказались приемлемыми как для Комитета Государственной думы, так и для Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов.

В состав Временного правительства были назначены следующие лица: министр-председатель и министр внутренних дел — князь Львов, министр финансов — Терещенко, министр путей сообщения — Некрасов, министр иностранных дел — Милюков, военный и морской — Гучков, торговли и промышленности — Коновалов, юстиции — Керенский, земледелия — Шингарев, народного просвещения — Мануйлов, обер-прокурор Священного Синода — Влад. Львов и государственный контролер — Годнев.

Означенным лицам было предложено занять указанные должности.

Все эти лица изъявили свое согласие, причем Керенский заявил, что он принимает портфель министра юстиции, несмотря на возражения со стороны Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов, считая, что он не вправе отказываться, ибо обстоятельства текущего момента требуют от него вступления в эту должность для успокоения демократических масс, которые будут уверены, что виновники старой власти будут находиться в надежных руках. Он надеется, что Совет рабочих и солдатских депутатов одобрит его решение, а если нет, то он оставляет за собою право отказаться.

И. В. Годнев, принимая пост государственного контролера, заявил, что в течение всего времени пребывания своего в Государственной думе он неоднократно настаи-

вал, и Дума его поддерживала, на том, что государственный контролер не должен входить в состав Совета министров. Он лишь присутствует в нем и дает свои заключения, будучи от него независимым и совершенно самостоятельным. И если Комитет с этим взглядом согласен, то при этих условиях он готов занять должность государственного контролера. Возражений со стороны Комитета не встретилось.

Засим проект программы и список лиц, предположенных к назначению на должности министров, был препровожден на заключение Совета рабочих и солдатских депутатов.

Пока эти вопросы обсуждались в Совете рабочих и солдатских депутатов, член Государственной думы Милюков в Екатерининском зале среди народа и солдат произнес речь, в которой сообщил, что Комитетом назначены новые общественные министры. Он сообщил их список и дал краткую характеристику их общественных заслуг. Ни протестов, ни возражений не последовало. Засим Милюкову был задан вопрос относительно царствующей династии и формы правления. Милюков ответил, что его ответ едва ли удовлетворит всех. Старый деспот откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей. Что касается формы правления, то Россия представляется нам как парламентская конституционная монархия, но это не бесконтрольное решение, так как в программе есть пункт, который говорит, что, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке Учредительного собрания. Речь Милюкова сопровождалась сильным движением в зале и бурными аплодисментами. Оратора из зала вынесли на руках.

Около 6 часов утра¹ во Временный комитет приехал А. И. Гучков. Когда он возвращался, его автомобиль обстреляли измайловцы и рядом с ним сидевший князь Вяземский был смертельно ранен. Он сообщил, что все время разъезжал по полкам, что все-таки тревога не унимается и главным образом потому, что боятся каких-нибудь репрессивных действий со стороны старой власти. Все время город полон всевозможных слухов о карательных экспедициях и при таких условиях не может восстановиться порядок. Каждую минуту может произойти какая-нибудь паника, которая приведет к анархии. Надо во что

¹ 2 марта 1917 г.

бы то ни стало выяснить положение, и прежде всего надо сделать то, что было решено еще 28 февраля, именно — поехать к царю и получить его отречение, тогда может наступить относительное успокоение, ибо перелом будет сделан и не будут опасаться возврата назад.

Гучков находил, что пока не будет добровольного отречения государя — либо он останется царем, либо он будет свергнут, — до тех пор у нас есть опасение кровопролитной междоусобной войны. Пока не будет снята присяга с многих лиц, эти лица вынуждены будут отстаивать по долгу присяги старый порядок, и большое кровопролитие неизбежно, а вследствие этого и обострение положения. Я всегда был убежден, говорил Гучков, что нужно добиться отречения. Он просил, чтобы ему дали это поручение, а если не будет поручено, то он сам будет действовать на свой страх, так как считает необходимым добиться у государя отречения. После этого Гучков и Шульгин уехали и в дальнейших переговорах участия не принимали.

После вторичного обсуждения этого вопроса Временный комитет Государственной думы признал, что отсутствие председателя Государственной думы [в] Петрограде в столь ответственное время, когда с каждым часом обстановка может измениться, представляется нежелательным и даже опасным. Равным образом нет гарантий для уверенности в том, что по прибытии в Псков или же на пути председатель не был бы арестован. По этим причинам Временный комитет решил отказаться от своих первоначальных предположений. В 3 часа дня¹ в Псков выехали А. И. Гучков и Шульгин.

В этот день Военной комиссии была доставлена телеграмма, адресованная в Царское Село генерал-адъютанту Иванову. Текст означенной телеграммы был следующий: «Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай». Вслед за этой телеграммой от государя на имя генерал-адъютанта Иванова была получена вторая телеграмма, в которой предлагалось Иванову вместе с Георгиевским батальоном возвратиться в Ставку. По распоряжению Временного комитета первая телеграмма была задержана, а вторая доставлена по назначению.

Засим того же 2 марта Временный комитет Государственной думы послал в Ставку генерал-адъютанту Алексееву, а также генералам Брусилову и Гурко следующую

¹ 2 марта 1917 г.

телеграмму: «Временный комитет Государственной думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть ввиду того, что под давлением войска и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. Настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству, образованному под председательством Георгия Евгеньевича Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих войск, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения Родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград».

Такого же содержания телеграмма была послана в действующую армию командиру двадцать пятого армейского корпуса генералу Корнилову. В этой телеграмме Комитет обращался к генералу Корнилову с просьбой во имя спасения Родины не отказать принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде и незамедлительно прибыть.

Одновременно с этим были посланы циркулярные телеграммы председателям губернских земских управ и городским головам губернских и областных городов.

Телеграммы эти были следующего содержания:

«Власть окончательно перешла в руки Временного комитета Государственной думы. Члены старого правительства арестованы, находятся в Петропавловской крепости. Образуется Временное правительство, о составе которого немедленно будут извещены все места и лица всех губерний областей России. Временный комитет предлагает соблюдать полное спокойствие, не прерывать работу, обра-

шая усиленное внимание на правильный ход работ, на оборону и продовольствие населения».

Вместе с тем была послана телеграмма и кавказскому наместнику, текст этой телеграммы был следующий: «Власть окончательно перешла в руки Временного комитета Государственной думы. Члены старого правительства арестованы и находятся в Петропавловской крепости. Образуется Временное правительство, о составе которого немедленно будут извещены все места и лица всех губерний и областей России. Уверен, что Ваше Императорское Высочество окажет полное содействие Временному комитету и сделает немедленное распоряжение об устранении условий, препятствующих непосредственным сношениям Комитета с подчиненными Вам властями и учреждениями, также немедленно облегчит условия цензуры газет».

Кроме того, Временным комитетом был издан приказ следующего содержания:

«Тяжелое переходное время кончилось. Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг, и перед лицом грозящей Родине опасности свергнул старую власть.

Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство, к счастью, весьма кратковременное, приходит к концу.

Граждане страны и, в первую очередь, граждане взволнованной событиями столицы должны вернуться к спокойной трудовой жизни. К нормальной жизни должны вернуться и войска. Бдительная охрана ими нового порядка возможна и особенно ценна, когда войска будут готовы по первому зову правительства явиться, куда надобность укажет.

Бывший комендант Петроградского гарнизона генерал Хабалов смещен и арестован. Временный комитет Государственной думы назначает главнокомандующим войсками Петрограда и его окрестностей командира 25-го корпуса генерал-лейтенанта Корнилова, несравненная доблесть и геройство которого на полях сражений известны всей армии и России. Сделано распоряжение о вызове генерала Корнилова из действующей армии. До его приезда в Петроград временное исполнение обязанностей главнокомандующего возложено на командира 19-й запасной бригады генерал-майора Аносова.

4 марта назначен парад войскам Петроградского гарнизона, который примет Временное правительство».

Приказ подписан председателем Временного комитета, председателем Государственной думы М. Родзянко.

Поздно вечером того же 2 марта во Временный комитет Государственной думы прибыли офицеры, находящиеся в Петрограде, которые представили следующую резолюцию, выработанную на собрании офицеров, состоявшемся по поводу речи, произнесенной Милюковым:

«Офицеры с солдатами и народом!

Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя рука об руку с народом и собравшись по предложению Исполнительного комитета Государственной думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружной работы в тылу, единогласно постановили:

признать власть Исполнительного комитета Государственной думы в управлении государством Российским впредь до созыва Учредительного собрания».

Временным комитетом было получено также следующее заявление: «Офицеры города Петрограда, собравшиеся в зале Армии и Флота 2 марта в количестве более двух тысяч человек, присоединяются к резолюции, вынесенной в собрании около тысячи пятисот офицеров 1 марта и не вполне правильно переданной в № 4 «Известий» от 1 марта, постановили: признавая, что для доведения до победного конца войны с жестоким врагом необходима твердая и облеченная доверием народа власть для введения порядка и организации тыла, единогласно постановили признать власть Временного исполнительного комитета Государственной думы в управлении государством Российским впредь до созыва Учредительного собрания».

К ночи все внутренние и наружные караулы Таврического дворца, которые занимали все время преобразенцы, были заняты Волынским полком, одновременно с этим к дворцу стали стягиваться вооруженные части войск с артиллерией и пулеметами, которые и окружили дворец. В это время собравшиеся офицеры всех родов оружия и некоторые из членов Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов убеждали Временный комитет и лиц, намечаемых в правительство, что в программу деятельности правительства должно непременно войти образование на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления страны. Это требование поддерживалось соображениями, что вопрос

о сохранении царствующей династии, возбуждающей всеобщую ненависть, должен быть разрешен отрицательно и что с этим решением медлить нельзя, так как такое промедление вызывает уже сильное возбуждение и может повлечь за собою весьма тягостные последствия.

Кроме того, Временному комитету было представлено еще следующее заявление: «Группа офицеров всех частей заявляет Временному правительству, что его тактика при настоящих обстоятельствах является совершенно недопустимой с точки зрения осведомления широких масс войск и народа о намерении и задачах Временного правительства. Подобного рода обращение, отпечатанное в миллионах экземпляров, должно широко распространяться по всей стране. А между тем на всех улицах можно слышать обвинения со стороны ораторов, к которым начинают уже прислушиваться солдаты и народ, в измене народу Временного правительства и, в частности, его председателя, в желании предать народ старой власти, в обязательном намерении противодействовать народу ввести республиканский строй и созвать Учредительное собрание. Офицеры полагают, что Временное правительство должно ясно и точно высказаться о своем намерении дать народу самому избрать форму правления в лице Учредительного собрания, которое может быть созвано только после установления полного спокойствия в стране, необходимого для правильности выбора. Воля и решение народа должны быть священны Временному правительству и до созыва Учредительного собрания. Временное правительство не имеет права повиноваться указаниям отдельных групп народа. Только одному Учредительному собранию должно повиноваться Временное правительство, сдавая свою власть новому постоянному правительству. В случае упорствования Временного правительства в желании самым широким образом осведомить народ о своих намерениях офицеры отрицают возможность установить порядок в армии, в стране и столице и считают анархию неминуемой».

Временный комитет, обсудив этот вопрос, пришел к окончательному решению о неизбежности изменить свое первоначальное решение об отречении императора Николая II в пользу своего сына Алексея, а также признал необходимым включить в программу деятельности Временного правительства вопрос о созыве Учредительного собрания.

Ввиду такого постановления Временного комитета было решено составить объявление следующего содержания

ния: «Временное правительство, образованное Комитетом Государственной думы, сим заявляет, что в программу деятельности правительства входит образование на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления страны». Это объявление было подписано князем Львовым, Павлом Милюковым и министром юстиции А. Керенским. Это объявление тотчас же по поручению Временного правительства было оглашено членом Государственной думы В. М. Вершининым в Совете рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, это объявление было сообщено Военной комиссии, а также были приняты меры к возможно широкому его распространению.

После этого было достигнуто полное соглашение с Советом рабочих и солдатских депутатов и выработана редакция программы Временного правительства, одобренная Советом рабочих и солдатских депутатов. Равным образом Совет рабочих и солдатских депутатов одобрил и список лиц, намеченных Временным комитетом в состав Временного правительства. Ввиду этого Временный комитет Государственной думы сделал следующее объявление:

«Граждане! Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного комитета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью. Министр-председатель и министр внутренних дел — князь *Г. Е. Львов*, министр иностранных дел — *П. Н. Милюков*, министр военный и морской — *А. И. Гучков*, министр путей сообщения — *Н. В. Некрасов*, министр торговли и промышленности — *А. И. Коновалов*, министр народного просвещения — *А. А. Мануйлов*, министр финансов — *М. И. Терещенко*, обер-прокурор Святого Синода — *В. Н. Львов*, министр земледелия — *А. И. Шингарев*, министр юстиции — *А. Ф. Керенский*, государственный контролер — *И. В. Годнев*.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и Конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, представленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий». Это объявление было подписано председателем Государственной думы и всеми министрами.

В 2 часа ночи состоялось первое заседание Временного правительства¹.

В это время была получена телеграмма от генерал-адъютанта Рузского следующего содержания:

«Сообщаю текст указа правительствующему сенату, данного Государем Императором:

1) Указ правительствующему сенату. Наместнику нашему на Кавказе Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Николаевичу повелеваем быть Верховным Главнокомандующим. *Николай*. 2 марта 1917 года. Псков, 14 часов. Контрассигновал министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Фредерикс.

2) Указ правительствующему сенату. Князю Георгию Евгеньевичу Львову. Повелеваем быть председателем Совета министров. *Николай*. 2 марта 1917 года. Псков, 14 часов.

¹ Фактически это было второе заседание Временного правительства. Оно произошло в ночь со 2 на 3 марта 1917 г.

Контрассигновал министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс».

Засим около 3 часов ночи через начальника Главного штаба от Гучкова и Шульгина была получена следующая шифрованная телеграмма:

«Просим передать председателю Думы Родзянко: Государь дал согласие на отречение от престола в пользу великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу Конституции. Поручение образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно Верховным Главнокомандующим назначается великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно. Сообщите немедленно Псков положение дел Петрограде».

Вслед за получением означенной телеграммы председатель Государственной думы и министр-председатель князь Львов проехали в Главный штаб для ее расшифрования.

В 4 часа 30 мин. утра со 2 на 3 марта от подполковника Генерального штаба Мороза была получена телеграмма, заключающая в себе текст телеграмм, адресованных на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего Кавказской армии. Эта телеграмма гласила:

«Передаю текст Высочайшего манифеста, изложенного в нижеследующей телеграмме, адресованной на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего только для председателя Государственной думы Родзянко.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и, благослов-

ляя его на вступление в престол государства Российского, заповедуем брату нашему править делами государственных в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины. Призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, — повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. 2 марта, 15 часов, 1917 год. Псков. *Николай*. Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс...»

Вслед за этим немедленно же Временным комитетом были разосланы телеграммы начальнику штаба и всем главнокомандующим, а также и в Москву с требованием о приостановлении печатания манифеста и о неоглашении его впредь до особого распоряжения. Председатель Государственной думы в то время находился еще в Главном штабе и не возвращался.

Около 6 часов утра¹ министр юстиции Керенский позвонил по телефону великому князю Михаилу Александровичу и предупредил его, что сейчас Временный комитет Государственной думы в полном составе и члены Временного правительства прибудут к нему на квартиру для переговоров.

В 8 часов утра прибыл председатель Государственной думы, и Временный комитет совместно с Временным правительством, кроме Гучкова, который должен был с минуты на минуту приехать из Пскова с Шульгиным, обсуждали вопрос о своем отношении к манифесту государя Николая II.

После обмена мнениями, длившегося около полутора часов, пришли к заключению, вопреки мнению министра иностранных дел Милюкова, о необходимости убедить великого князя Михаила Александровича не принимать на себя Верховной власти, ибо такого разрешения вопроса требовало соотношение политических сил. Гучкова поджидали, но он не приезжал, тогда решили было его больше не ждать и дать знать по телефону на вокзал о том, что Гучкову и Шульгину надлежит с вокзала направиться на Миллионную улицу, № 12, где помещался в то время великий князь Михаил Александрович. В то же самое время

¹ 3 марта 1917 г.

Шульгин сообщил по телефону с Варшавского вокзала, что они прибыли из Пскова и что им пришлось собравшимся войскам и народу объявить манифест об отречении Николая II, что им, Шульгиным, означенный манифест и соответствующие разъяснения были сообщены в здании вокзала, причем находившиеся там войска и народ приняли это известие сочувственно, и что сообщение о том же делает Гучков рабочим железнодорожных мастерских.

Временный комитет просил Шульгина немедленно отправиться в помещение, где находился Гучков, и постараться объявить рабочим о том, что обстоятельства изменились и что в связи с этим последует и изменение акта об отречении.

Это сообщение Шульгина успокоило несколько взволнованных сообщением Гучкова рабочих.

Около 10 часов утра Временный комитет и члены Временного правительства отправились к великому князю Михаилу Александровичу, где и пробыли до 2 часов дня.

Несмотря на возражения со стороны министров иностранных дел Милюкова и военного и морского Гучкова, великий князь принял решение свободно и бесповоротно отказаться в настоящий момент от принятия на себя Верховной власти. Для написания соответствующего манифеста были вызваны член Государственной думы Маклаков, профессор Нольде и Набоков, которые и закончили свою работу около 7 часов вечера.

Текст этого манифеста был составлен в следующих выражениях:

«Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего — благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования Учреди-

тельное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Временный комитет и Временное правительство постановили опубликовать акт об отречении императора Николая II от престола государства Российского в пользу великого князя Михаила Александровича и акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы одновременно.

3 марта за подписью председателя Государственной думы начальнику штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующим фронтами была послана следующая телеграмма: «Сего числа Временным комитетом Государственной думы назначено Временное правительство в составе председателя Совета министров и министра внутренних дел князя Георгия Евгеньевича Львова, министра иностранных дел Павла Николаевича Милюкова, министра юстиции Александра Федоровича Керенского, министра путей сообщения Николая Виссарионовича Некрасова, министра торговли и промышленности Александра Ивановича Коновалова, министра народного просвещения Александра Апполоновича Мануйлова, военного министра и временно морского Александра Ивановича Гучкова, министра земледелия Андрея Ивановича Шингарева, государственного контролера Ивана Васильевича Годнева, обер-прокурора Владимира Николаевича Львова. Благоволите по всем подлежащим вопросам сноситься с новым правительством».

Кроме того, было напечатано в газетах и разослано по всем ведомствам и учреждениям следующее объявление: «По распоряжению Временного комитета Государственной думы объявляю: всем почтовым и телеграфным учреждениям, установлениям и лицам, что ввиду последовавшего назначения председателя Совета министров и министров вся корреспонденция, касающаяся их деятельности, должна быть направляема не в Государственную думу, а в соответствующие министерства и главные управления по принадлежности».

Акты отречения императора Николая II от престола в пользу великого князя Михаила Александровича и отказ последнего от восприятия Верховной власти были опубликованы в ночь с 3 на 4 марта.

Николай II. В ДНИ ОТРЕЧЕНИЯ.

Приводимые нами отрывки из дневника Николая II, до сих пор полностью не опубликованного, взяты нами из XX тома «Красного Архива» (ГИЗ, М., 1927).

Генерал Д. Н. Дубенский. КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ.

Воспоминания генерала Дубенского опубликованы самим автором в журнале «Русская Летопись», кн. III, с. 11—111 (издание «Русского Очага», Париж, 1922 год) под заглавием «Как произошел переворот в России». — Все подзаголовки автора нами сохранены; некоторые сокращения пришлось сделать в частях, касающихся автобиографических высказываний и верноподданнических излияний. — В СССР воспоминания эти появляются впервые в 1990 г. (Отречение Николая II. М., Советский писатель).

Полковник А. А. Мордвинов. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА.

Под заглавием «Отрывки из воспоминаний» мемуары эти напечатаны в пятой книге журнала «Русская Летопись» (Париж, 1923. С. 65—178). — Нами отсюда извлечена лишь часть, относящаяся к дням отречения Николая II. — Впервые появляются в СССР в 1990 г.

Генерал Н. В. Рузский:

а) БЕСЕДА С ЖУРНАЛИСТОМ В. САМОЙЛОВЫМ ОБ ОТРЕЧЕНИИ НИКОЛАЯ II.

Впервые переиздаваемая беседа генерала Н. В. Рузского извлечена нами со страниц газеты «Русская Воля» 1917 г. (№ 2, от 7 марта).

б) ПРЕБЫВАНИИ НИКОЛАЯ II В ПСКОВЕ 1 и 2 МАРТА 1917 г. (Беседа с генералом С. Н. Вильчковским).

Воспоминания эти, появившиеся за подписью С. Н. Вильчковского в 1922 г. в журнале «Русская Летопись»

(Париж, изд. «Русского Очага», кн. III. С. 161—187), в СССР издаются впервые в 1990 г.

В. В. Шульгин:

а) ПОДРОБНОСТИ ОТРЕЧЕНИЯ.

Впервые переиздаваемая статья В. В. Шульгина извлечена нами со столбцов газеты «Речь» 1917 г. (№ 57, от 3 марта).

б) «ДНИ».

Приводимые отрывки взяты из книги «Дни», впервые печатавшейся в эмигрантской «Русской Мысли» и появившейся в издании «Прибоя» (Л., 1925).

А. И. Гучков. В ЦАРСКОМ ПОЕЗДЕ.

Воспоминания эти извлекаются из показаний А. И. Гучкова, данных им в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г.; см. «Падение царского режима». Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П. Е. Щеголева. Л. 1926 г. Т. VI. С. 262—267.

Генерал А. С. Лукомский. ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II. (Из воспоминаний).

Отрывок этот входит в состав мемуаров А. С. Лукомского, напечатанных во втором томе «Архива Русской Революции» (издаваемого И. В. Гессеном, Берлин, 1921. С. 14—44) под заглавием «Из воспоминаний».

Генерал С. С. Саввич. ПРИНЯТИЕ НИКОЛАЕМ II РЕШЕНИЯ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ПРЕСТОЛА.

Воспоминания генерала С. С. Саввича, приводимые нами в отрывках, напечатаны в газете «Отечество» 10, 11 и 12 января 1919 г. (г. Архангельск) под заглавием «Отречение от престола императора Николая»; перепечатаны в журнале «Русская Летопись». Кн. III. Париж. 1922. С. 205—208; в советской печати появляются впервые; воспроизводятся нами по тексту «Русской Летописи».

Герцог Н. Н. Лейхтенбергский. БЕСЕДА С ЖУРНАЛИСТОМ Л. ГАННОМ О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ НИКОЛАЯ II В СТАВКЕ.

Беседа извлечена из «Биржевых Ведомостей» (№ 16132, от 12 марта 1917 г.).

Генерал Н. М. Тихменев. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД НИКОЛАЯ II В МОГИЛЕВ.

Отрывок этот, появившийся в СССР впервые в 1990

г., взят из брошюры Н. М. Тихменева «Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке» (Издание кружка ревнителей русского прошлого, Ницца, 1925. С. 15—32).

Профессор Ю. В. Ломоносов. ПОДЛИННИК
МАНИФЕСТА ОБ ОТРЕЧЕНИИ В ПЕТРОГРАДЕ.

Из книги проф. Ю. В. Ломоносова «Воспоминания о мартовской революции 1917 г.» (Стокгольм — Берлин, 1921 г. С. 57—60).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Свидетели отречения. (Вместо предисловия). <i>Л. Китаев</i>	3
Кто спасал царя. <i>М. Кольцов</i>	15
I. ВОСПОМИНАНИЯ	23
<i>Николай II</i> . В дни отречения (Отрывки из дневника) ..	25
<i>Генерал Д. Н. Дубенский</i> . Как произошел переворот в России	30
<i>Полковник А. А. Мордвинов</i> . Последние дни императора	79
<i>Генерал Н. В. Рузский</i> :	
а) Беседа с журналистом В. Самойловым об отрече- нии Николая II	138
б) Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (Беседа с генералом С. Н. Вильчковским)	142
<i>В. В. Шульгин</i> :	
а) Подробности отречения	165
б) «Дни»	169
<i>А. И. Гучков</i> . В царском поезде	185
<i>Генерал А. С. Лукомский</i> . Отречение Николая II (Из воспоминаний)	191
<i>Генерал С. С. Саввич</i> . Принятие Николаем II решения об отречении от престола	195
<i>Герцог Н. Н. Лейхтенбергский</i> . Беседа с журналистом Л. Ганом о последних днях Николая II в Ставке	198
<i>Генерал Н. М. Тихменев</i> . Последний приезд Николая II в Могилев	201
<i>Профессор Ю. В. Ломоносов</i> . Подлинник манифеста об отречении в Петрограде	212
II. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ	215
Библиографическая справка	331

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II
Воспоминания очевидцев, документы

Редактор *В. Третьякова*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Г. Шитоева*

Корректоры *М. Соколова, Т. Семочкина*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.

Подписано в печать 21.07.98 г.

Гарнитура Таймс. Формат 60×90^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Уч.-изд. л. 19,79. Тираж 7000 экз.

Заказ № 1681.

ТЕРРА — Книжный клуб.

113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

*Широкий выбор книг издательств
и книжного клуба
Холдинговой компании «ТЕРРА»
можно купить в магазинах по адресу:*

113399, Москва, ул. Мартеновская, 9/13,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 1.
Тел. 304-57-98, 304-61-13

113216, Москва, б-р Дмитрия Донского, д. 2, к. 1
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 2.
Тел. 712-34-54

123022, Москва, ул. Красная Пресня, 29,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 3.
Тел. 252-03-50

129110, Москва, пр. Мира, 79, стр. 1,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 4.
Тел. 281-81-01

или заказать по адресу:

150000, Ярославль, ул. Павлика Морозова,
д. 5, Почтамт, а/я 2

ТАЙНЫ

В этом сборнике собраны наиболее важные свидетельские показания и документы, связанные с одним из переломных моментов российской истории — отречением последнего русского царя Николая II.

В книге опубликованы воспоминания генерала Дубенского, полковника Мордвинова, генерала Рузского, А. И. Гучкова и других, также представлены телеграммы, письма, протоколы, разговоры по прямому проводу членов семьи императора и его окружения.

Впервые книга была издана в 1927 г. Это издание дополнено новыми документами.

ИСТОРИИ

ISBN 5-300-02107-5

9 785300 021078